



ISSN 0130 3600

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГРУЗИЯ 12
1982

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал



ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

В семье единой 3

«ГОТОВ БЫ ВОСПЕВАТЬ ТЕБЯ СТОЛЕТЬЯ...»

НОДАР ГУРЕШИДЗЕ. Стихи. Перевод Влади-
мира Юршова 12

ФРИДОН ХАЛВАШИ. Стихи. Перевод Аллы
Беридзе 15

СИЛОВАН НАРИМАНИДЗЕ. Стихи. Перевод На-
тальи Орловой, Сергея Алиханова,
Евгения Рейна 17

ВАЖА ДОЛБАЯ. Стихи. Перевод Юрия Ува-
рова, Владимира Шленского 23

АЛЕКСАНДР ШАНИДЗЕ. Стихи. Перевод Лео-
нида Темина, Алексея Рогова 25

ИЛЬЯ ХОШТАРИЯ. Стихи. Перевод Игоря
Булкаты 26

АЛЕКСЕЙ ДЖОНУА. Стихи. Перевод с абхаз-
ского Н. Григорьевой 28

КОСТА МАРГИЕВ. Стихи. Перевод с осетинского
Николая Горохова 29

АЛУДА АРАБУЛИ. Стихи. Перевод Влади-
мира Алейникова 31

12

1982



- АКАКИЙ ГАЦЕРЕЛИА.** Последняя молитва. Рассказ. Перевод Камиллы Коринтэли 33
- ГИВИ МАГУЛАРИА.** Повстанцы. Повесть. Перевод В. Федорова-Циклаури. Окончание 59
- СУЛХАН КЕТЕЛАУРИ.** Ласточки. Рассказ. Перевод Иветты Лолуа 121

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ.** Обормоты. Дом без мебели. Очерк. Публикация Светланы Кошут 130

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

- ШАЛВА ЧИЧУА.** Шестьдесят лет грузинского советского романа 144
- ЕВГЕНИЙ СИДОРОВ.** «Товарищи по чувствам, по перу...» 173
- ВАДИМ ВАЦУРО.** «Кавказ» Михаила Туманишвили. Из истории грузинского поэтического пушкинизма 181

РЕЦЕНЗИЯ

- НОДАР ЧОЛОКАВА.** На переломе истории 199
- К 200-ЛЕТИЮ ГЕОРГИЕВСКОГО ТРАКТАТА
- МАРГАРИТА ВАЧНАДЗЕ.** Мизандари и русская музыкальная культура 204

-
- ХРОНИКА** 216
- СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ЗА 1982 ГОД** 220



«**Н**А БЛАГОДАТНОЙ почве зрелого социализма растет и крепнет единая интернациональная культура советского народа, которая служит всем трудящимся, выражает их общие идеалы». Всю справедливость этих слов из постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования СССР» можно подтвердить на примере Грузии, которая, являясь достойным членом великого союза братских республик, сама в себе воплотила образ семьи единой, приютила под своим небом, сделала родными детьми представителей более восьмидесяти национальностей.

У каждого народа своя история, свой опыт, свои традиции, и сколь малочисленной ни была бы нация, она непременно вносит что-то свое в общую сокровищницу культуры.

Мы являемся свидетелями интереснейшего процесса все большего и большего укрепления дружбы в нашей многоязычной интернациональной семье, процесса, способствующего взаимопониманию, взаимодействию, взаимопониманию, взаимопониманию народов. Люди разных национальностей чувствуют себя на грузинской зем-

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

ле дома. Они говорят на своем родном языке, имеют свою письменность, свои школы. В Грузии выходят газеты и журналы на русском, абхазском, осетинском, армянском, азербайджанском языках, большой популярностью пользуются у тбилисцев русский и армянский драматические театры.

50 лет при Союзе писателей Грузии существует русская секция, в которую вошли литераторы, живущие в Грузии и пишущие на русском языке. В связи с юбилеем членам секции была предложена анкета, в которой среди целого ряда вопросов был следующий: «Положение русского писателя в национальной республике иногда называют «специфическим». В чем вы видите специфику творческой работы русского писателя в национальной республике!»

Мы воспользовались ответами на этот вопрос членов русской секции (полностью их ответы будут опубликованы в очередном альманахе «Дом под чинарами» — органе русской секции при СП Грузии), поскольку они показательны как в социальном, так и в психологическом аспекте.

Даже ответы писателей, начисто отрицающих наличие какой-либо специфики в работе русского литератора в национальной республике, свидетельствуют об атмосфере абсолютной творческой свободы и национальной независимости.

Армянские писатели, живущие в Грузии, объединились в секцию при Союзе писателей Грузии еще раньше — 60 лет назад. Ее организация связана с именами таких выдающихся классиков армянской литературы, как Ованес Туманян и Акоп Акопян, завещавших своим последователям беззаветно укреплять славные традиции и узы братской дружбы между армянским и грузинским народами.

Плодотворно трудятся в Грузии азербайджанские и курдские литераторы.

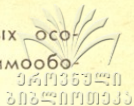
В связи с знаменательной датой — 60-летием образования СССР мы пригласили в редакцию живущих в Грузии писателей разных национальностей. Их рассказы о творческом содружестве братских литератур мы предлагаем читателям «Литературной Грузии».

* * *

ЧЛЕНЫ РУССКОЙ СЕКЦИИ ПРИ СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ ОТВЕЧАЮТ НА АНКЕТУ:

ГАРЕГИН БЕБУТОВ. Задача у русского писателя в национальной республике, как у каждого советского писателя, — непосредственно откликаться на многообразие тем нашей современности

и, вместе с тем, сосредотачивать внимание на характерных особенностях жизни республики, творчески содействовать взаимообогащению национальных культур.



ИГОРЬ БОГОМОЛОВ. Долг русского писателя, живущего в национальной республике, на мой взгляд, заключается во всемерной популяризации и пропаганде всего лучшего, что он почувствовал и увидел. Специфика творческой работы русского писателя в национальной республике подсказана его положением. В отличие от своих российских коллег он в той или иной мере владеет языком коренного народа данной республики, глубже знаком с его жизнью, с проблемами, стоящими перед республикой. Если к этому добавить такой важный фактор, как талант, станет очевидным, что именно русскими писателями, живущими в той или иной республике, должны создаваться значительные произведения об этой республике на русском языке. О том, что это именно так, свидетельствует творческий опыт хотя бы Анны Антоновской, а из моих сверстников — Александра Цыбулевского.

МАРК ЗЛАТКИН. Специфику творческой работы русского писателя в национальной республике вижу только в одном — всей душой, всем сердцем отдаваться служению своей Родине, своей республике.

АРМЕН ЗУРАБОВ. Никакой специфики в работе и положении русского писателя, живущего в национальной республике, не вижу. Разве то, что ему доступна возможность переводить произведения национальной литературы на русский язык. Но это доступно и русскому писателю, живущему не в национальной республике, если он знает язык. (И — если не знает).

МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ. Писатель, где бы он ни жил, страдает страданиями и радуется радостями окружающего его народа. Однако работа писателя, живущего в Грузии, как и в любой другой национальной республике, и пишущего по-русски, — специфична: ни русскому писателю, создающему героя русского, ни грузинскому писателю, чьи персонажи — грузины, не нужно преодолевать двойное сопротивление материала. Русскому же писателю, пишущему о Грузии, приходится «переводить» на русский грузинскую

В семье единой.

речь, добиваясь сохранения ее богатства, оттенков, интонаций, во-
площать грузинский дух, грузинский характер в русском слове. За-
дача сложнейшая! Опасно, если читатель почувствует «перевод-
ность». Русский читатель при твоей удаче должен воспринимать
тебя как писателя русского, грузинский (если произведение пе-
реведено) — как писателя грузинского.

ЛЕВАН МАЧАИДЗЕ. Если говорить о специфике творческой ра-
боты русского писателя в национальной республике, то я ее кон-
кретно не вижу. Хорошо, когда знаешь несколько языков своей
многонациональной республики. Это очень помогает и жить пол-
нокровной жизнью, и писать.

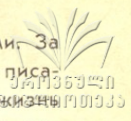
ГЛАН ОНАНЯН. Первое и основное требование ко всем нам
— никаких скидок на «провинциальность». При всем при том я
не только не считаю возможным игнорировать специфику мест-
ных реалий быта, исторические корни культурной жизни обще-
ства и национальные особенности психологического склада, но,
напротив, полагаю их художественное осмысление, отражение и
выражение первейшим долгом литератора.

УШАНГИ РИЖИНАШВИЛИ. Не думаю о своем «специфиче-
ском» положении, хоть иногда нахожусь в недсумении — чей же
я, в конце концов, как писатель. Считаю долгом переводить на
русский язык своих грузинских коллег, ибо так уж получилось,
что пишу я на русском языке.

ЭММАНУИЛ ФЕЙГИН. Несколько слов о положении русского
писателя в национальных республиках. Жизнь моя сложилась так,
что Грузия стала моей второй родиной, а это значит, что я жи-
ву ее болями и радостями, а моя переводческая и общественная
работа означает, что я дышу с грузинскими писателями одним
творческим воздухом.

* * *

БЕНИК СЕЙРАНЯН, армянский писатель, председатель армян-
ской секции при Союзе писателей Грузии. Секция армянских пи-
сателей при Союзе писателей Грузии существует 60 лет — ров-
но столько, сколько существует прочный союз братских совет-
ских народов. Классики армянской литературы Ованес Туманян
и Акоп Акопян одной из важнейших задач этой литературной
организации считали дальнейшее укрепление славных традиций



братской дружбы между армянским и грузинским народами. За эти годы в секции состояли многие выдающиеся армянские писатели, которые всегда с большой теплотой вспоминали свою жизнь в Грузии. Среди них особое место занимает замечательный армянский прозаик и драматург Дереник Демирчян. Живя в Армении, он постоянно обращался мыслями к Грузии.

В последние годы жизни в одной из статей Демирчян писал: «Я бескорыстно, чувством родственным люблю Грузию. На прекрасной земле этой страны я поднялся на ноги, там провел годы детства и юности, там получил поэтическое крещение».

Помимо средств современной информации (пресса, кино, радио, телевидение), помимо личных контактов (а Демирчян дружил со многими видными деятелями литературы и культуры Грузии) он постоянно держал с Грузией непосредственную живую связь.

Я не помню случая, чтобы, встречаясь с армянскими писателями, проживающими и работающими в Грузии, Демирчян подробно не расспрашивал бы их буквально обо всем — о новых произведениях грузинских писателей, художников, композиторов, о новых станциях метро, о ширакской нефти, о новых жилых кварталах Тбилиси, о чаеводах и цитрусоведах республики.

И это было не простое любопытство или обыкновенная тоска по родным краям, где прошли лучшие годы его детства, юности, молодости. Ведь он приехал в Армению, когда ему было уже под пятьдесят.

Подлинный смысл этой глубокой заинтересованности я понял позже, когда однажды Дереник Демирчян раскрыл свою душу.

«С грузинами мы старые соседи и добрые друзья, — сказал он. — А сосед соседа знает лучше, нежели кто-нибудь другой: знает его историю, быт, национальные черты характера, литературу, архитектуру, искусство — словом, всё».

Так вот, мы обязаны взаимно представлять друг друга не только на всесоюзной, но и на мировой арене.

Ведь человек не может о себе сказать то, что скажет о нем хороший сосед, и так, как скажет сосед».

Помню: Дереник Демирчян привел один из острых афоризмов знаменитого польского писателя Станислава Ежи Леца: «Я красив, я силен, я умен, я добр. И все это я сам открыл».

А ведь умные люди, слушая это, станут высмеивать хвастуна. Но вот совсем другое дело, когда сосед говорит о соседе:

«Он красив, он силен, он умен, он добр». Слушатели это воспримут с уважением.

Секция армянских писателей в Грузии выпускает альманах «Мост». Название этого альманаха символизирует мост, перекинутый между грузинской и армянской литературами. В альманахе печатаются не только произведения армянских литераторов, но и переводы с грузинского.

В нашей секции большинство писателей двуязычны, и самое достойное, что выходит из-под пера грузинских писателей, тотчас же становится достоянием армянского читателя, причем переводы делаются на очень высоком художественном уровне. Роман К. Гамсахурдиа «Десница великого мастера» превосходно перевел Сурен Авчян, перевел с необычайной точностью, с учетом самых сложных смысловых нюансов, и произведение ничуть не утратило своей прелести в армянском переводе. Одним из самых крупных достижений армянских литераторов, живущих в Грузии, можно считать осуществление Ованесом Караяном перевода поэмы Ш. Руставели «Витязь в барсовой шкуре» на армянский язык.

Ованес Караян. 30 лет своей жизни посвятил этому гигантскому труду, работал над переводом, даже будучи тяжело больным.

Десять лет назад в Армении были опубликованы афоризмы из поэмы Ш. Руставели на армянском языке.

Сейчас уже полностью завершён труд по переводу всей поэмы, предполагаемой к публикации в издательстве «Мерани». К редактированию этого труда приглашен выдающийся армянский поэт Геворг Эмин.

Что касается моих личных ощущений, моей привязанности к грузинской земле, к грузинскому народу, то я постоянно стараюсь высказать это в своем творчестве. Мне кажется, моя маленькая новелла «Дядя Ясон», построенная на автобиографическом материале и переведенная на грузинский язык, передает все, что мне пришлось пережить и почувствовать.

ВЕЛИЕВ ГАМИД АЛИ ОГЛЫ, кандидат филологических наук, заместитель редактора газеты «Созет Гюрджустаны» («Советская Грузия»). Азербайджанцы, проживающие в Грузии, высоко ценят дружбу и с большой любовью относятся к народу, на земле которого трудятся и творят. Среди них — немало талантливых поэтов и прозаиков, вносящих свою лепту в развитие азербайджанской литературы. Они печатаются в Грузии, в Азербайджане, в Армении и в других республиках.

В прошлом году в связи с 60-летием Советской Грузии в культурной жизни азербайджанского населения республики произошло значительное событие: издательством «Мерани» был выпущен в свет на азербайджанском языке первый альманах «Чешма» («Родник»), где собраны стихи, рассказы поэтов, писателей и ашугов, проживающих в Грузии. Включенные в него произведения объединяет единая тема интернационализма, дружбы народов и патриотизма. Поэты Д. Кярам, А. Биннат оглы, А. Сенгерли, М. Исмаилсв, прозаики В. Алиев, А. Аббасов и другие популярны не только у нас, но и в Азербайджане.

Более 16 лет при редакции газеты «Совет Гюрджустаны» («Советская Грузия») функционирует литературный кружок «Чешма», вокруг которого объединены поэты, писатели, ашуги, а также ученые-литературоведы.

В ближайшие годы азербайджанское издательство «Язычы» («Писатель») выпустит в свет сборник произведений азербайджанских писателей и поэтов, проживающих в Грузии.

ТОГАРЭ БРОЕВ, курдский поэт. Претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, грузинский народ проявлял на всех этапах социалистического строительства всестороннюю братскую помощь и заботу о культурном развитии национальных меньшинств, в том числе курдов.

Только в условиях Советской власти курды обрели свободу, получили наравне со всеми народами нашей страны возможность свободного труда и всестороннего процветания.

Отрадно сознавать, что в братской семье грузинского народа выросла целая плеяда курдской интеллигенции. Среди курдов можно встретить инженеров, врачей, учителей, художников, ученых, писателей и представителей других почетных профессий.

В условиях сегодняшнего дня Центральный Комитет Коммунистической партии и правительство Грузии многое сделали для торжества ленинских принципов во всех сферах жизни, развития и процветания культуры и искусства курдов Грузии.

Курдские поэты и литераторы окружены в Грузии братской заботой своих коллег по перу.

Воспевая в своих произведениях победу советского строя, труд советских людей, раскрывая новые прекрасные качества человеческой личности, духовный мир наших современников, курдские поэты выражают и свою искреннюю любовь к Грузии. В этом можно убедиться, читая сборники произведений курдских поэтов

«Новый путь», «Поет мой саз», «Под солнцем Грузии» и многие другие издания.

Одной из основных сфер нашего литературного развития является художественный перевод.

Прогрессивные традиции русской, грузинской литературы и культуры стали доступны нам благодаря переводам и личным контактам мастеров литератур. Всегда и во всем помогал и помогает курдским литераторам Союз писателей Грузии. С целью лучшей организации творческой работы, оказания помощи курдским поэтам и прозаикам при Союзе писателей Грузии создана группа курдских литераторов.

Благодаря вдохновенному труду наших русских, грузинских и армянских товарищей по перу произведения курдских поэтов Грузии стали широко известны во всех уголках нашей страны.

В Грузии давно стало традицией проводить дни советской литературы. Курдские поэты, писатели вместе с друзьями — грузинами, русскими, армянами — встречаются с тружениками городов и сел, читают стихи.

Оглядываясь на пройденный путь, радуясь тому, что достигнуто, курды выражают искреннюю благодарность дорогим братьям и сестрам Грузии. Курды счастливы, что живут, работают и учатся под небом Грузии, которое им бесконечно дорого, также как и ее необозримые просторы, города, села, колхозные нивы, леса, долины и горы.

На современном этапе политику партии в отношении национальных меньшинств определяет целый ряд партийных документов и, в частности, постановление ЦК КП Грузии «О мероприятиях по усилению идейно-воспитательной работы среди курдского населения Грузии», в основу которого положен комплексный план по идейно-политической и организаторской работе среди курдского населения.

Для реализации грандиозных планов партии есть где приложить свой опыт, знания и представителям курдской национальности.

Накануне празднования 60-летия образования СССР особенно зримо предстают огромные социальные перемены, происходящие не только в жизни всех республик, но и в судьбе буквально каждой семьи.

Успехи курдского населения Грузии очевидны. Они еще раз убеждают в том, что социалистический строй обеспечивает всестороннее развитие всех материальных и духовных сил больших и малых народов.

Не удивительно, что лишенные элементарных прав массы курдского народа за рубежом в борьбе за национальное и социальное освобождение обращают свои взоры к курдам Советского Союза и в первую очередь Советской Грузии, видя в их опыте тот единственно возможный путь, по которому они смогут прийти к своему национальному и социальному освобождению.

* * *

Эти короткие выступления гостей «Литературной Грузии» являются ярким свидетельством того, как проявляется взаимодействие культур социалистических наций, населяющих Грузинскую ССР, как реализуется их общий художественный поиск, на который так целенаправленно напутствовал всех литераторов Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза в постановлении «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» и как одно из важнейших выдвинул требование «...полнее отражать художественный опыт союзных и автономных республик, уделять внимание качеству перевода произведений братских литератур на русский и другие языки народов СССР, содействовать дальнейшему сближению и взаимообогащению культур социалистических наций, идейному и политическому сплочению советского многонационального общества...»

«ГОТОВ БЫ ВОСПЕВАТЬ ТЕБЯ СТОЛЕТЬЯ...»

Нодар ГУРЕШИДЗЕ

МНОГО ДРУЗЕЙ У МЕНЯ НА СВЕТЕ

Я с дум сердечных сдерну покрывало,
Поскольку мысли скрытные — не впрок.
Огромен мир, но у меня немало
Друзей на свете, я — не одинок.

Всем людям место есть на этом шаре,
И каждому шлет солнце по лучу.
Оно моих друзей теплом одарит —
И часть тепла я тоже получу.

В Москве, в Париже, в Омске иль Ташкенте —
В правах на жизнь, на солнце мы равны.
Друзья-единоверцы на планете
Лучами солнца соединены.

В Софии, в Праге или в Бухаресте,
Лишь на перрон сойти успеешь ты,
Глядишь — друзья! И вот вы снова вместе,
На всех одна и радость, и цветы!

Есть верный у меня товарищ — в Риме.
Он твердо знает свой ориентир:
Его заботы — лишь о мире. Ими
Он и живет, борясь за прочный мир.

И в Индии есть друг — писатель с Ганга,
Он тоже — против зла, неправоты...

Поборники войны ни в лоб, ни с фланга
Не потеснят друзей моих ряды.

Мне друг — и житель Северной Кореи,
Врагам не уступивший очага.
Не зря над ним свободы знамя реет —
С оружием тверда его рука.

Шлю всем привет, кто рабством не задушен,
Кого не запугать и не согнуть,
Кто яркою борьбой вослед идущим
В грядущее указывает путь.

Привет тебе, мой друг за океаном!
Ты наш по духу, встал под тот же флаг,
Сражаешься за правду неустанно.
Далек твой дом, но ты мне — как земляк.

И всякого, кто узы братства славит,
Кому с насильем схватка по плечу, —
От жителя Самтреди иль Телави
Я сердцем ни на миг не отличу!

Нас на борьбу лишь братство поднимало,
Лишь после битв придет свободы срок...
Огромен мир, но у меня немало
Друзей на свете. Я — не одинок.

СКОЛЬКО СТОИТ СОЛНЦЕ!

Летом людям хочется недаром
К морю долгожданному попасть —
Запастись коричневым загаром,
Влажным ветром надышаться всласть.

И отпускников живая лава
Катит к морю. К морю, лишь туда! —
Ею перегружены составы,
Ею переполнены суда.

Не жалеют ног своих туристы,
И не страшно званье «дикарей».
Горных перевалов штурм неистов,
К побережью выйти бы скорей.

А потом — под солнышком раздеться,
И — ни спин, ни времени не жаль.
Смотришь, зашепталось с сердцем сердце:
Он всепроникающ, этот жар...



Вспомнишь после аромат магнолий,
Паруса вдали, нечеткий штрих —
И затихнешь, как от легкой боли,
От воспоминаний дорогих:

Острых, как разряды молний с неба,
Зыбких, как предутренний туман...
Море — то ли был ты там, то ль не был?
Был ли явью сладостный дурман?

Но пока ты — вне забот и тягот,
Надо отдыхать, а не грустить:
Взять и все, что накопил ты за год,
По морскому
по ветру пустить!

Что там сбережения, да пусть их!
Главное, усталость с плеч долой.
...Полные и нежности, и грусти
Люди возвращаются домой.

НЕПРОЩАЮЩИЙ УПРЕК

Мне понятен смысл укоризны
За печальным взглядом твоим:
«Что случилось бы, если б жизни
Вознесли мы во Мцхете гимн?!

Почему возле стен Армази
Не сосватала нас заря!
Или кто наше счастье сглазил?
Неужели все было зря?

Мы бездумны были... А разве
Не могли взять пример с отцов:
Огласить берега Арагви
Звоном свадебных бубенцов!?

То, что ум нам затмили страсти,
Не моя, не твоя вина.
Не смогли из чаши причастья
Мы с тобой пригубить вина...»

...Может, время ошибку сгладит.
Кто виновен? — Наверно, рок.
Но живет у тебя во взгляде
Непрощающий тот упрек...

Перевод Владимира ЮРШОВА

Фридон ХАЛВАШИ

ВОСПОЙ ЛЕС

Мне нужны голоса пробудившихся листьев,
мне над домом деревьев дыхание нужно,
когда тонкие почки взрываются в высях
нежно, радужно, единодушно.

Я кочу, чтоб своею тропею оленьей
счастлив был и меня никогда не боялся
древорогий красавец, легендой овеванный,
вплоть до смертного часа.

Вечно лес воспевай с ароматами лета,
где в цветах отражается щедрое солнце,
рассыпая в листве золотые браслеты,
неподкупные жаркие кольца.

Где отраднo поведать о юности сладкой
роднику с красотой его первозданной,
где ты голову вскинул за куропаткой,
а уж небо пестрит от фазанов!

Внемли таинству леса.. Влекомые ветром
листья — те же снежинки. Обнаженные ветки...

Топоры — наступавшие вороги — на километры
вырубали леса наши, как некогда предков.



Крались злые пожары... Мы древнею болью вскипели:
шли, телами гасили огонь — не морозом по коже,
но дерево для чонгури и для колыбели
сумели ведь вырастить все же.

И если мы только хотим, чтобы жизнь наша длилась,
чтоб единственно сущий Эдем наш
был гомоном птиц населенный,
одно-то и надобно, кажется, — всей человеческой
мильостью
нам горы одеть в одеянья Весны, юной, вечнозеленой.

УБИТЫЕ ВЕТРЫ

Умиравшие ветры
я повстречал в ущелье —
протискивались сквозь папоротник
и, словно прося прощенья,
изодранные, задыхаясь,
коснулись моей одежды,
в предсмертной тоске по воле
молили, как луч надежды:

— Ты только подай нам руку
и подними на гору,
а там уж мы, верно, сами
путь проторим к простору;
с запахом трав и листьев
вернемся, под стать подмоге —
развеем твою кручину,
бросим тебе ее под ноги.

* * *

Теперь, когда то же время
летит все быстрее,
теперь, когда стало трудно
нести мне уж бремя жизни,
задумываюсь:
а вправе ль
я вспоминать о смерти?

От нахлынувшей грусти
прячу лицо в ладони,
горячие и сухие,
и на сомкнутых веках
исполинские тени...



А солнце —
будто мать, беременная мною,
стоит и смотрит,
вся в пылу ожиданья.

Перевод Аллы БЕРИДЗЕ

Силован НАРИМАНИДЗЕ

ТЫ ОПЯТЬ ПОДНИМЕШЬСЯ

Фрагменты

124.644
Ты должен жить и пуще распевать,
За лемехами влажными шагать,
И о Мтацминде облаку шептать,
И у могил прославленных героев
Стоять: храня их образ перед вечным,
Их поднимать над временем убогим.
Они сердца укрыли лавром строгим
И замерли в мгновенье бесконечном!

Веди меня, судьбы раздор,
Нам долгий путь мерцает,
Я слышу мощной бури хор,
Он лечит душу до сих пор
И воздух сотрясает!
И я тянусь к нему и льну,
В нем есть прямое свойство —
Он правит духа кривизну,
Поэта царственный убор —
Святое беспокойство!..

Высок удел и пламень твой сокрыт,
Здесь, где Арагви поднялась мятежно,
Где Барисахо с богом говорит!



* * *

Я похож на дом,
Затерянный в пыльных, пристанционных садах,
Позабывший о том,
Кто он и для чего, как на часах,
Оставлен.
Для чего нужен
Садам, словно поезд приближающийся, дождь?
Мир сужен.
В нем святого — днем с огнем не найдешь.

Как тихо.
Не звонит всевышний в колокола.
Спит лихо.
Или давно беда, неслышная, подошла?
Не клонят выи.
Не гудят ни ночью, ни на заре,
Тяжелые, литые, —
Ни о низком зле, ни о высоком добре.

Хорошо было раньше.
Кружит ли ветер или снежный хоровод,
Слышу,
Как сердце у колокола, чугунное болит,
Издали откуда-то, не молчит, говорит, поет,
О пропащем мире орет во весь рот...
Зовет.

* * *

Знаешь, как мне грустно,
Как тяжелое сердце болит.
Слов пересохшее русло —
Хоть на бумаге, хоть устно —
Жажды не утолит.

Как эти дни мелькают.
Просто глядеть нельзя.
Блекнет, мельчает, тает
Мир. Где ж она бывает —
Жизнь — но другая — вся!

* * *



Все, что со мною стало, —
Твоего молчания знак.

Ветром лист оторвало
И землей забросало,
Не найдешь никак.

Все, что со мною было —
Твоего молчания след.
Пулей меня убило,
Кричу — но где моя сила? —
Туда, где тебя нет!

* * *

Как на городской окраине
Дом оставленный, брошенный.
Как пред милой — друг нечаянный,
Гость незванный и непрошенный.

Жду, чтоб ты меня окликнула,
Не дождусь, видать, хорошего.
Ты навек меня покинула,
Я стою, судьбой подкошенный!..

Перевод Натальи ОРЛОВОЙ

МЫ РАССТАНЕМСЯ...

Хоть боюсь на свете
кажется мне — только этого,
мы с тобой расстанемся.
Близится разлука наша долгая.
Вот заснет за рощей мельница,
тьма сгустится...

В час,
когда душа особенно страшится одиночества,
мы с тобой расстанемся...

СТАРЫЕ ДУБЫ

К вам, старые дубы, я приходил когда-то
И, словно в древний храм, входил я в сень ветвей
И, прислонясь спиной к коре шероховатой,
Смотрел, как гаснет день, и вспоминал друзей.



Всем эта радость,
Всем вам без исключения —
Улицы, домики, площади, переулки!
И пастуху, что пасет отару
На крыше творенья,
Вам, сизокрылые голуби,
Как вы воркуете гулко!

Всем эта радость,
Всем, для кого запел я,
Горным хребтам и лесам
И темным долинам,
Хижинам, что прилепились
На самом краю ущелья
И наблюдают в упор
За полетом орлиным.

Да и тебе, погонщик и виноградарь,
Старый садовник,
На войне потерявший руку,
Славный рабочий с золотой
Трудовой наградой,
В шахте шахтер,
И пахарь, принявший к плугу.

Да и тебе,
Мой великий, любимый город,
Много раз стертый,
трижды испепеленный!

Да и тебе,
Мтацминда, чей груз так дорог,
Да и тебе, Арагва,
Да и тебе, Риони!
Пусть же наш светлый май
Упадет лавиной,
Будет земли благодать и
Высокое солнце.
Ну, а тебе, декабрь,
С туманом и холодиной
Нивы достанутся, пашни,
Лозы, луга, колосья.

Да и тебе, радость любви,
Сущего сущность,
Да и тебе, юноша,
Павший в сраженье.



Всем эта радость,
Будущность, полнозвучность —
Всем, кто посеял правды
Невянущее растение.

Путникам всем,
Всем прохожим,
Всем поперечным и встречным,
Радуге в поле
И серпоподобной лире.
Пусть утро мира
Будет сладким и вечным!
Всем эта радость,
Кто обитает в мире!

Перевод Евгения РЕЙНА

Важа ДОЛБАЯ

ВЕКА

Тяжкими трубными и колокольными звуками
Вновь тишину зазнобило.
Точно восстали века из гробниц,
из постели забвенья
И по ступеням на стены восходят,
как старцы, степенно,
Кличут защитников средь запустенья и тлена,
Тех, что врага не щадили...
Но время их не пощадило.

ОДИНОЧЕСТВО



Мысль засыпает, лишь уголья памяти тлеют.
Воспоминаний мерцанье за лунным окном.
Детство мое стригунком, позабывши про время,
Ты ускакало, но что на меня навлекло...
Что мне осталось?

Судьбу угадаешь едва ли.
Там, за испугом стремительно прожитых дней,
Видится зрелость, как эти осенние дали,
Гордая зрелость и звездная россыпь над ней.

Перевод Юрия УВАРОВА

ГОРЫ

Как разбойники, горы --
Обмотаны головы снегом...
Стало жарко вокруг.
И они
Посыпали
Наряды.
И скала
Нависает над бездной,
Как пес
После бега,
Что вдруг высунул
Жадный от зноя
Язык водопада...

ОСВЕНЦИМ

Мольба детей и стон детей,
Как дым, поднялись вверх.
Пропитан кровью и слезами
Настолько был тот дым,
Что до сих пор
Глаза горят у неба...
А матери-земле с тех пор
Сжимает сердце боль.
Грудь века язвами пестрит
От детских тех следов...

Перевод Владимира ШЛЕНСКОГО

ТБИЛИСИ, ГОРОД РОЗ

Как ты отстроился и как ты стал красив,
Как отливаешь ты лазурным цветом,
А вечерами, небо озарив,
Ты чуть не моря достигаешь светом!
И каждый твой окраинный массив
Певуньи ласточки приветствуют с рассветом.

Как ты возрос и — древний! — как ты нов.
Поет об этом каждый твой источник.
Не оскудел ты: меж твоих сынов
Немало есть золоторуких зодчих...
Влюблен я в каждый из твоих цветов
И ласкою не обделю средь прочих.

Переливаясь тысячью огней,
Внутри тебя жемчужина хранится.
Тебя и краше сделал и стройней
В сегодняшнем живущий Арсакидзе, —
И этим гордым взлетом этажей
Ты смело можешь, город мой, гордиться!

Вот улица твоя — она светла,
Дворцы — все молодеют год от года.
Стоишь несокрушимо, как скала,
Бессмертный и прекрасный, как Природа:
И это все — твоих детей дела,
И в этом всем — величие народа!

Прекрасный мой Тбилиси, город роз,
Тобой дышу, и лишь с тобой — поэт я,
И радостных не утирая слез,
Готов бы воспевать тебя столетья,
Чтоб хорошел ты, расцветал и рос,
Не зная гроз, забыв про лихолетья...

Страна моя, как взор твой светел!
Ты улыбаешься всегда,
Сквозь тьму веков, сквозь черный ветер,
Сквозь испытанья, сквозь года.
Терзали грудь твою клинками
И жгли лозу твоих долин,
Но ты вставала над веками,
Как легендарный исполин,
И возрождают неизменно
Тебя детей твоих труды.
Бессмертны мы и ты бессмертна,
И вновь цветут твои сады.
Твоя судьба не быстротечна,
Тебе бессмертие дано.
Благословенны будут вечно
Твой путь, твой хлеб, твое вино.

Перевод Алексея РОГОВА

Илья ХОШТАРИЯ

МЕЧТА

Печальный выдался день.
Я в дождь бреду наугад,
Природе словно лень
Сменить свой осенний наряд.

Доколь надоедливый дождь
Будет дождить надо мной,
И боль, будто ржавый гвоздь,
Груди моей мерить дно?!

Для успокоенья души
Неужто мне негде пристать?
Я б день этот нудный ушил,
Изменил бы дней этих масть...

И взглядом лазурь обросла,
Блеснул наконец-то побег...
Жизнь Добро понесла,
Поверь в Добро, Человек!

* * *

Боже мой! Этот запах лип
Хмельней молодого вина...
Дорогая, твой ласковый лик
Мне сладко всегда вспоминать.

Я не видел тебя так давно,
Что успел состариться. Все же
Ты память мою стороной
Не обходишь узкой дорожкой.

Я пришел к тебе что-то сказать,
Но забыл себя за порогом.
И ношу свою, оказалось,
Я растерял по дороге...

Храм надежд наших рухнул,
И некого в этом винить...
Судьба, нарядившись в старуху,
Оплачет прошедшие дни.

И день на оконную раму
Присел, чтоб ворваться без стука.
А заря, кормилица-мама,
Ушла, мою грусть убаюкав...

ПРОШЛОЕ

Сумерки прижали поршень тьмы,
И миром снова овладел фантом, —
Склонили горы головы. Они
Задумались как будто бы о том,

Что время — безоглядное, как мысль,
Уносит дни, обычно по ночам,
Подвесив на большое коромысло
И уравновесив на плечах...

О первая любовь! —
Взвешенная временем, как гиря,
Она мне душу придавила болью.
Нет ничего страшнее в этом мире,
Чем первая любовь,
Явившаяся вновь.

И я кладу прошедшее на кон
И приношу кому-то в дом несчастье.
Позвольте мне, я разведу огонь
И высушу у очага ненастье.

НОВЫЙ ГОД

Мне б этой ночью чуточку беспечья
И сумасбродства юношеских лет, —
Как некогда, зажечь большие свечи
И в старый вальс укутаться, как в плед.

А утром приласкать заплаканную розу,
Чтоб лепестки опали мне в ладонь...
И Новый год сорвется с места сразу
И побежит, как будто заводной.

Перевод Игоря БУЛКАТЫ



Алексей ДЖОНУА

СТРОИТЕЛЯМ БАМА

О молодые! Вам наперекор
Трещал мороз, рвалась метель седая,
Но крепче ветра юности напор,
И звонче бури песня молодая!

Нелегок путь к победе. И хитры
Крутые повороты и подъемы.
Но молодость с победой — две сестры,
Им пораженья в битвах незнакомы.

Тысячелетней стужи ледники
Растопит ваша жаркая работа,
Нехоженных земель материка
Пред вами тайны распахнут с охотой.

Полотна вы осушите болот,
Штурмуя, сокрушите стены леса.
Передовая движется вперед,
Для вечной жизни расчищая место.

На мирный фронт отважнейших бойцов
Отчизна горделиво посылает.
Сыны погибших на войне отцов.
БАМ ваш уже в легенду вырастает...

Мой стих, к тебе есть просьба у меня,
(Ты эту просьбу выполни скорее):
На БАМе где-то юность и моя...
Ей поклонись и всем, кто рядом с нею.

Перевод с абхазского Н. ГРИГОРЬЕВОИ



Коста МАРГИЕВ

ИЩУ СВОЮ МОЛОДОСТЬ

Ищу я молодость свою,
но где она? Еще жива ли?
В каком неведомом краю
стоит на горном перевале?

А с нею все мои мечты...
Ужель ее крыла разбиты?
Оборвались ее следы
у камня черного обиды?

А может, в дальней стороне
вдруг заблудилась и отстала,

упала в снег и в тишине
гнетущей больше уж не встала?



А может быть, стада пасет —
поет ее свирель над кручей?
А может, вовсе не поет,
а плачет молча и горюче?

Скорей всего она в лугах
косою острою сверкает
и о порушенных цветах
печально песенку слагает.

А может, облаком плывет
над милым краем в час заката?
Иль на свидание идет
к той, что была мечтой когда-то?

Или на горькой той черте,
где друг упал в бою неравном
на безымянной высоте —
она к его склонилась ранам?..

А может быть, идет в забой,
приветно лампочкой мигает
и там от взрыва, под землей,
других спасая, погибает?

Как знать... В каком она краю
летит листом, поет ли птицей?..
Ищу я молодость свою,
Хотя она не возвратится.

Я — ПАРЕНЬ С ГОР...

Я — парень с гор, родился я в горах,
орлы мне братья, сестры мне — вершины.
С могучих гор мой путь простой вершится —
немало лет провел я в пастухах.

Вершин моих прекрасней в мире нет,
они мои и горести и грезы,
они святой восторженности слезы,
чей так целебен очищенья свет.

Иных красот душа не признает.
Что море мне? — Пылает синь безмолвья,
Душа согласна жить весь век без моря,
но вот без гор — и дня не проживет.

Как зов горяч — он будит жар в крови.
И, ощущая крылья за спиною,
представ пред их пречистой белизною,
я слезы лью восторга и любви...

И там, где птицы гордые парят,
где гордый дух прекрасного витает,
там суеты мирской душа не знает —
лишь звезды с ней ночами говорят.

Парят орлы... Горит цветок в снегу —
пред красотой, стыдясь, лавины молкнут...
И как без гор жить люди только могут?!
Я — парень с гор. Без гор я не могу!

Перевод с осетинского Николая ГОРОХОВА

Алуда АРАБУЛИ

СТИХИ О РОДИНЕ И КЛЯТВЕ

Ты язык мне дала и крыла для полета,
И платок головной, и клинок боевой.
Принимаю страданья твои и заботы —
В том порукою голос взволнованный мой.
Лишь водой родниковой меня освежи
Да пшеничного хлеба на стол положи...
Пусть же солнце твое бытие сохраняет!
Голос мой — эхо думы старинной твоей,
С ней чиста моя совесть, сомненья стихают. —
За талант мне глубокую чашу налей.

За детей мне налей — подрастут они скоро.
За орлиные крылья, за вольные горы.
Благодарен тебе я за дивные встречи,
Увидал я твой истинный облик земной...
Две свечи я зажег тебе — вот они, свечи:
За клинок боевой, за платок головной.
Прибавляется сил от водицы твоей —
За талант мне глубокую чашу налей.
Все, что ты мне дала, возвращаю сторицей,
Заслону я тебя от коварных врагов.
Всею кровью своею, что в жилах струится.
За тебя я пожертвовать сразу готов.
Даже крови любимых моих сыновей
Мне не жаль для прекрасной Отчизны моей.

* * *

Пролистал я сегодня опять
О тебе драгоценную книгу.
В ней — внимание к каждому мигу
Бытия... Нелегко вспоминать!

Заметенные снегом холмы
Об ушедшей любви нашей знают...
Может, снова бы встретились мы —
Но такого, увы, не бывает...

* * *

Если конь возле дома стоит твоего,
Бык могуч, плуг на пашне изогнут дугой,
И оружие твое — мастерства торжество, —
То пристанище есть у тебя, дорогой.

Если ты говоришь не «прощай!», а «привет!»,
Облик свой не теряя, с достоинством пьешь,
И в речах твоих лжи с лицемерностью нет, —
Ты по жизни вперед, не сгибаясь, идешь.

Ты, как птица, летишь. Ясность неба любя,
Если есть у тебя алфавит наш родной.
Коль округи твоей краше нет для тебя —
То пристанище есть у тебя, дорогой!..

Перевод Владимира АЛЕЙНИКОВА

ПОЛКОВНИК Ни-
 жарадзе со своим
 отрядом вступал в город.
 Ехали верхами.

Нижарадзе сидел в
 седле прямо, слегка при-
 подняв голову, и смотрел
 на большой собор, напо-
 минавший Ая-Софию,
 что возвышался в центре
 главной площади Кутаиси.

Был вечер, один из по-
 следних вечеров ноября.
 Белые голуби, хохлясь от
 холода, сидели вокруг
 купола собора, живой
 гирляндой обвивая его.
 Временами гирлянда
 приходила в движение —
 это какой-нибудь запоз-
 давший голубь, хлопая
 крыльями, втискивался
 между устроившимися на
 ночевку собратьями.

Тьма неудержимо по-
 глощала купол, и лишь
 золоченый крест тускло
 поблескивал на фоне
 темного неба.

Дул сильный холодный
 ветер.

На улице не было ни
 души.

Нижарадзе прибыл в
 Кутаиси с тяжелой мисси-
 ей. После той трагедии,
 что произошла возле
 станции Тципа, властям
 Кавказа стало известно,
 что один из повстанцев

Акакий ГАЦЕРЕЛИА

ПОСЛЕДНЯЯ МОЛИТВА



Р а с с к а з



Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

бесследно исчез, а шестеро остальных обрели приют в кутаисском соборе. По приказу губернатора эти шестеро вместе с укрывшим их митрополитом Назарием были схвачены и заключены в подвал штаба гарнизона. Наместник распорядился незамедлительно направить из Тбилиси в Кутаиси такого офицера, который смог бы привести в исполнение беспощадный приговор.

Эту операцию надлежало провести стремительно и без согласования с экзархом, так как, хотя все и знали, что высший иерарх, назначенный на Кавказ Синодом, не станет возмущаться из-за расправы над пастырем грузинской епархии, тем не менее опасались, что он хотя бы словесно выразит неудовольствие по поводу участи митрополита, признанного святым, а протест экзарха, пусть даже формальный, властям был весьма нежелателен. В эти кровавые для империи дни не произошло ни одного случая смертной казни духовного лица высокого ранга, к тому же экзарх благоволил к просвещенному и благочестивому митрополиту, хотя ему и доносили подробнейше, что проповедует Назарий пастве по окончании службы. Так или иначе, никто не мог предугадать, как посмотрит его святейшество на предстоящую акцию, поэтому власти торопились.

Полковник с адъютантом расположились в здании штаба гарнизона. Незавешенное окно просторной комнаты, отведенной ему, точно рама, ограничивало фрагмент темного ночного ландшафта. Большая лампа, стоявшая на каминной полке, хорошо освещала комнату. В камине пылал огонь. Полковник в шлафроке сидел у покрытого клеенкой стола и курил. В открытом шкафу висели его шуба, сюртук и шляпа.

Гулко пробили стенные часы, отсчитывающие отрезки уходящего времени.

Нижарадзе было бы лет сорок, не более, но плечи его уже ссутулились. Изысканность манер и выдержка редко ему изменяли. Его лицо оливкового цвета в минуты раздражения искажалось затаенной злобой, однако он никогда ни на кого не кричал, но и приветливым его также никто не видал. Если в глубоко сидящих, маленьких, безжизненных глазах полковника вспыхивало нечто похожее на радость, вокруг

них собиралось множество мелких морщинок. Над левой скулой его постоянно подрагивала жилка. В свое время он, вероятно, считался красивым молодым человеком, однако что-то отталкивающее было в этом мрачно-суровом лице. Адьютант хорошо знал, что его господин не умел не только смеяться, но и улыбка была ему чужда. Казалось, даже взгляд полковника застыл, как бы окованный железной оболочкой. Взгляд этот говорил о страшной жестокости, которой полковник особенно отличился, когда участвовал в расстрелах на Украине. К тому же Нижарадзе оказался беспощадным и искусным мастером ведения допросов, обладавшим редкой наблюдательностью и железной логикой. Эти его черты в совершенстве раскрывались при «собеседовании» с теми, кто пытался оправдаться. Способствовало ему и образование, полученное в северной столице. Поначалу он учился в Кутаисской духовной семинарии, откуда его исключили, после чего поступил в Петербургский университет на факультет права, затем перевелся на исторический факультет, который и окончил. Сведущ был Нижарадзе и в философии.

Одно время он служил при российском посольстве в Турции и в Персии. Авантюрист по натуре и дуэлянт, он не брезговал сотрудничать и в тайной полиции царя. Благодаря своему бездушию и верноподданничеству он быстро продвинулся на военной службе, и вот сейчас полковник Нижарадзе карателем прибыл в Грузию, где все еще трепетало пламя восстаний. Незадолго до того он произвел репрессии в Терской области, теперь же ему предстояло проявить верноподданность его величеству русскому императору в родном Кутаиси. Полковник Нижарадзе, нимало не колеблясь и не смущаясь, приступил к выполнению своей миссии, — одинокий, оторвавшийся от корней, он не страдал никому и не жалел никого. В его сердце все умерло, окаменело, казалось, и облысевшую голову полковника природа покрыла невидимой ледяной корой. Замкнутый и угрюмый, он и сам чувствовал, что в каждом встречном возбуждал желание поскорее с ним расстаться.

Несмотря на все сказанное, в своей среде полковник слыл интересным собеседником, мыслящим утонченными ассоциациями, и знатоком грузинского языка. Правда, много лет назад покинул он прекрасную Имерети и поселился в России, однако благодаря постоянному общению с соотечественниками, изучавшими науки в столице империи, не позабыл родной речи.

В Кутаиси, куда двадцать лет спустя судьбе оказалось угодно вновь забросить полковника, по сей день была жива память о темных делишках юного князя Нижарадзе, столь рано успевшего приобрести нелестную репутацию развратника. Однако сейчас здесь никто не знал о приезде некогда бежавшего в полуночные края кутаисского Катилины — он прибыл инкогнито.

Полковник курил, дым стлался перед стеклами его пенсне. Мерно, соответственно вдоху и выдоху, двигался на шее резко выступавший кадык. Локтем полковник опирался на край стола, где лежал тощий сплюснутый портфель. Время от времени он поправлял пенсне обрубком указательного пальца, стянутым черным кожаным футлярчиком. Половину этого пальца он потерял на дуэли. У камина, вытянув руки по швам, стоял краснощекий адъютант, который при малейшем звуке голоса своего господина смешно вскидывался и пуще вытягивался, — казалось, задвигалась кукла. Полковник обращался к нему просто по имени, выражая таким образом своего рода уважение господина к слуге:

— Анатоль! Введи сперва тех шестерых, священник пускай подождет.

Одернув висевший на поясе револьвер, Анатоль исчез в мановение ока — лишь грохот сапог отдался в пустоте комнаты.

Снизу донесся неясный шум. Чуть качнулась висевшая в шкафу шуба. Это из подвала поднимались узники.

Дверь растворилась, и они показались на пороге. Войдя в комнату и остановившись, они подняли глаза на полковника. Смертельная бледность покрывала лица несчастных. В тесном, как щель, подвале, где и мышь не смогла бы повернуться, они просидели шестером. Со встрепанными волосами, измазанные то-

ли копотью, то ли грязью, стояли они безмолвно в драных шинелях и сапогах, а иные и вовсе босиком.

Нижарадзе извлек из своего портфеля бумагу и начал зачитывать фамилии обвиняемых. Они поочередно поднимали головы.

— По высочайшему повелению его величества государя императора всея России... — приступил полковник к оглашению смертного приговора, в котором перечислялись государственные преступления обвиняемых.

Ни один из них не шевельнулся, ни один не проронил ни звука.

Нижарадзе закрыл портфель.

— А где же седьмой ваш соучастник? — спросил он с таким видом, словно только сейчас вспомнил о существовании еще одного обвиняемого.

Двенадцать застывших, ничего не выражающих глаз уставились на пенсне полковника.

— Еще раз спрашиваю вас, где скрывается беглец? Как фамилия женщины, укрывшей его?

Приговоренные снова опустили головы, Нижарадзе смерил их уничтожающим взглядом. Негодяи!

Полковник встал. Застегнул пуговицу на воротничке и сделал несколько шагов к приговоренным. Весь он являл собой в одно и то же время утонченного аристократа и безжалостного тирана.

— Я признаю вашу рыцарскую стойкость лишь тогда, когда вы безмолвно проделаете весь путь до Сагорийского леса. Надеюсь, вы не станете кричать, проходя по городу, и не нарушите мирный сон горожан.

Вновь могильное молчание.

— Мне пока что не приходилось видеть, чтобы революционер принимал наказание как трус, — полковник облачал свой цинизм в форму похвалы.

Он приблизился к приговоренному, стоявшему крайним слева, взгляделся ему в глаза, тихо произнес его фамилию и, прикоснувшись своим обручком-пальцем к подбородку, слегка приподнял его лицо.

— Тебя я знаю, любезный. Петербургские друзья-приятели втянули тебя в круг мятежников, но разве для того родители отправили сына в столицу, чтобы

он замыслил свергнуть с престола государя императора?

Нижарадзе убрал палец с подбородка ренного и брезгливо обтер его платком.

Юноша опустил голову. Полковник чуть приблизил лицо к его уху и громко прошептал:

— В Сагорийском лесу! А пока — adieu!

Он отошел к столу и коротко бросил Анатолю:

— Увести!

2.

Когда осужденные покинули комнату, Нижарадзе приказал ввести митрополита. Анатолий и на этот раз мгновенно исчез, и вскоре в дверях появился белобородый старец крепкого телосложения, в рясе и с посохом в руке.

— Митрополит Назарий, ваше превосходительство, — нелепо вытянувшись, доложил Анатолю.

Адъютант обращался так к полковнику независимо от чина и титула последнего.

— Сюда! — велел Нижарадзе.

Назарий, тяжело ступая, медленно пересек комнату, приближаясь к столу, за которым сидел полковник. Ритмично постукивал железный посох. Носки мягких сапог старца поочередно показывались из-под рясы. Подол рясы волочился за ним по полу.

Нижарадзе поправил пенсне обрубком указательного и большим пальцем и устремил на митрополита холодный взгляд. Быть может, не зная, что перед ним тот самый отец Назарий, с которым у него были счеты еще с юношеских лет, полковник его бы не узнал. Уверенный, что в памяти святого отца напрочь стерлись и имя, и фамилия бывшего семинариста, Нижарадзе спокойно созерцал его. Он должен был как можно хладнокровнее и быстрее провести допрос. Однако неожиданно перед ним возникло препятствие — невозмутимость Назария, которая сразу разоружила его. В ровном свете лампы митрополит выглядел величественно просто и спокойно.

Нижарадзе трудно было полностью восстановить прежний облик учителя, да он и не стремился к тому. Он помнил лишь, что тогда Назарий тоже носил бородку, только она была черной с проседью. Был ли

глава 50
302 010133

отец Назарий косоглазым, он не помнил, но сейчас сразу подметил, что мутноватый зрачок правого глаза митрополита явно убегает в сторону и вверх, однако это не уродует его красивого, благообразного лица. Зато этот косящий глаз создавал какое-то странное противоречие в лице святого отца. И противоречие это сбивало с толку полковника — прямо смотрящий левый глаз Назария словно бы изучал Нижарадзе, а правый, устремленный в сторону и вверх, казалось, скрывал его всеведение и пронизательность, оставаясь при этом непроницаемым.

Несмотря на спокойный, но говорящий о напряженной работе мысли взгляд священника, Нижарадзе всем существом чувствовал, что Назарий подавил его мощью своей воли. С того момента, как полковник увидел Назария, он ощущал психологический пресс, оказываемый на него одной лишь внешностью митрополита. Он чувствовал, что уже поменялся с ним ролями, и теперь прочитать подлинные мысли старца ему, конечно же, не удастся.

Нижарадзе был наслышан о просвещенности и благочестии, об уме и милосердии митрополита, однако крепко помнил он и то, что когда-то приказ об исключении его, Нижарадзе, из семинарии, вследствие чего ему пришлось и вовсе убраться из родного города, подписал не кто иной, как отец Назарий.

И вот сейчас стоит перед ним тот самый отец Назарий, которого он не видел много-много лет и который, разумеется, не знает последующей жизни своего беспутного ученика.

Нижарадзе с затаенным любопытством наблюдал за возникшим из небытия пастырем. Не черная с проседью, а белая, как вата, окладистая борода и клубок из черного сукна еще более оттеняли белизну его млажавого, почти без морщин, лица. На груди поблескивал массивный серебряный крест с изображением распятия. Тонкие пальцы левой руки Назария покоились на кресте, правая сжимала посох.

Нижарадзе все не мог отвести взор от странных глаз митрополита и одновременно всеми силами старался удержать на своем лице ледяную маску.

— Это ты, святой отец, призывал в соборе народ помогать разбойникам? — спросил он. Холодно прозвучал его голос, слово же «отец» произнесено с явной издевкой.

— Обреченным, но не разбойникам, — спокойно поправил Назарий.

На мгновение воцарилась тишина.

— У нас есть достоверные сведения, что после молебна ты трижды обратился к верующим, призывал их прийти на помощь бунтовщикам и хулил имя государя императора!

— Дважды обратился я к верующим, — снова поправил его Назарий. — Имя же императора уста мои не произносили.

— То, что ты говоришь сейчас, не совпадает с полученными отсюда сведениями. А их сообщил нам... — полковник почему-то помедлил.

— Их сообщил вам церковный служка, — пришел на помощь Назарий.

— Откуда ты знаешь?

— Из учеников один всегда предатель, — был ответ.

— Так против кого же ты проповедовал?

— Против убийц.

— Эти люди выполняли приказ императора!

— Мои глаза не видали приказа императора.

— Лжешь!

— Душа моя отстранена от лжи. — На каждый вопрос Назарий немедленно отвечал спокойным ровным голосом.

— Почему ты приютил этих бандитов?

— Человеков приютил я, сын мой, — голос Назария прозвучал тепло.

— Я не сын тебе, — оборвал его Нижарадзе.

— Простите... ваше превосходительство, — поправился Назарий. Входя, он слышал, как обратился к полковнику адъютант.

Лицо митрополита вновь стало величественным и непроницаемым.

— Когда пришли к тебе бандиты?

— Три дня назад.

— Где же ты их прятал?

— Я приютил их там, где совершаю богослужение, ваше превосходительство. Рядом с алтарем двух притворах.

— Сколько человек укрылось в соборе?

— Шестеро.

Назарий не лгал.

— Садись! — приказал полковник и глазами указал Анатолю, как тот должен поступить.

Анатоль подал митрополиту стул. Назарий сел, прислонил посох к груди, руки положил на колени. Анатоль вернулся на свое место, удивленный до крайности, ибо он не помнил, чтобы его начальник хоть когда-нибудь кому-нибудь из допрашиваемых предложил сесть.

— Сознаешься ли ты в совершенной измене? — спросил Нижарадзе тоном, призывавшим митрополита к быстрому и откровенному признанию, и вперил взор в тот самый убегающий кверху правый лутноватый глаз пастыря, стремясь понять лишь одно — узнал ли бывший наставник бывшего ученика.

— Я не понимаю, о какой измене вы спрашиваете, ваше превосходительство. Люди, которых я приютил, были голодные, жаждущие, холодные.

— Но разве в храме тепло?

— На этом свете только в храме и тепло, ваше превосходительство.

Полковник вновь уставился на правый глаз митрополита, и глаз этот по-прежнему был непроницаем. Все, что говорил митрополит, подтверждало показания тех шестерых.

— Однако тебе же было ведомо, отче, что эти люди — изменники царя?

— Я этого не знал, они мне ничего не сказали об этом, — ответил Назарий. — И не ради поступков их приютил я их.

Назарий положил на стол правую руку. Кожа руки была белая, увядшая, синие жилы, подобно струнам, прочерчивали ее.

— А если бы ты знал, ты принял бы их?

— Принял бы, ваше превосходительство.

— Почему? — опешив, спросил полковник.

— Двери дома господня всегда открыты для заблудших и сбившихся с пути.

— И как поступил бы ты с ними?

— Я бы молился о спасении их душ.

Нижарадзе привычным движением поправил пенсне. Он не терял терпения.

— Но разве это не было бы изменой его величеству?

— Измена господе — несравненно более тяжкое преступление, ваше превосходительство.

— Для кого же закрыты двери дома господня?

— Для палачей.

Пожовник и на этот раз не утратил самообладания. Он не шелохнулся, только заметно подрагивала его левая щека.

— Ты и сейчас не сознаешься, что изменил императору?

— Верный богу не изменяет вере, ваше превосходительство.

— Бог!.. Как зовут твоего бога, отче? — Нижарадзе старался, чтобы в тоне его не прозвучал сарказм и чтобы митрополит не понял, что он не верит ни в бога, ни в сатану.

— Бог не имеет имени, он...

Нижарадзе не дал ему закончить.

— Я часто слышал это в здешней семинарии, откуда твои братья изгнали меня! — не выдержав в конце концов, проговорил он.

Правый глаз Назария внезапно точно осветился внутренним светом, но он тут же погасил его.

Нижарадзе затянулся папиросой, обратив лицо к потолку, выпустил дым, потом затушил в пепельнице окурочек и в упор посмотрел на Назария. Поперек горла стал ему этот старик!

— Болтаешь! — с деланным равнодушием проговорил он.

— Господь не любит суесловия, — возразил Назарий.

Как не соответствовала красивая, белоснежная борода пастыря ужасному взору его глаз! Старик помимо его, Нижарадзе, воли вовлекал его в неприятный диспут. Нижарадзе стремился поскорее прекратить его,

но многозначащие ответы вынуждали задавать новые вопросы.

— Кто зрил бога, изображенного на этом кресте отче? — спросил Нижарадзе, готовый услышать в ответ заплесневелые изречения. Так оно и произошло.

— Отец небесный по своему образу и подобию создал человека, и пресвятая богородица во плоти родила господа нашего, дабы он воспринял бремя всех прегрешений наших, — проговорил Назарий.

— И ты его раб, — как бы подводя черту, заключил полковник.

— Нет, я не раб никому, сын мой... ваше превосходительство, — поспешно поправился он. — Закон божий учит: все мы — дети господни.

Нижарадзе вспомнились проповеди, которые втемяшивали в головы семинаристам. Иные из этих сентенций, так восхищавшие его однокашников своей древностью, у Нижарадзе вызывали презрительную усмешку. Он спросил Назария:

— Так значит, и я сын божий, и я имею его облик?

— И ты, — был ответ.

Этого он не ожидал. Откинулся на спинку кресла.

Правый косящий глаз Назария был все так же непроницаем.

— Этой ночью все вы умрете, отче, — медленно проговорил полковник, хотя и знал наперед, что и эта весть для Назария не будет ошеломляющей.

И не ошибся в своем знании — угроза не возмутила спокойствия старца, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Никто не умирает полностью, — заметил он.

Нижарадзе слабо махнул рукой. Потом заговорил:

— Ты-то верующий, отче, но те разбойники не верят ни в государя, ни в господа бога! — И, напряженно глядя на митрополита, спросил: — И они тоже не умрут полностью?

— И они тоже.

— Но как так?

— Я спасу их, ваше превосходительство.

Лишенные ресниц глубоко посаженные маленькие глаза полковника слегка расширились и округлились. На какой-то миг он стал похож на сову.

— Спасешь?.. Но когда же? — проговорил он в недоумении. — Уж близок ваш последний час.

— Перед смертью я спасу их, ваше превосходительство.

Слова Назария свидетельствовали о каком-то тайном плане. Полковник задал вопрос напрямик:

— Что ты замыслил, святой отец, как ты собираешься их спасти?

Почему-то ему подумалось, что если бы его не исключили тогда из семинарии, возможно, и он носил бы теперь черную рясу, о чем так мечтал его отец и что с начала же столь ненавистно было ему самому.

— Перед казнью духовник должен отпустить грехи осужденным и помолиться за них. Я выполняю этот обряд, и вы благодаря этому также исполните долг свой перед господом и государем.

Нижарадзе опешил. Да, действительно, он должен разрешить перед казнью эту последнюю церемонию.

— Нынче ночью, у Сагорийского леса, — овладев несколькими собой, жестко проговорил он.

— Нынче ночью, у Сагорийского леса, — незамедлительно подтвердил Назарий.

Наступило молчание. Громко тикали часы. Внезапно ветер ворвался в камин, разворошил подернутые пеплом уголья, и дым наполнил комнату. Анатолий из всех сил принялся дуть в камин, огонь ожил.

Полковник собрался с духом и вновь обратился к Назарию:

— Кто же станет молиться о твоей душе, отче? Или непричастенная душа также возносится к богу?

— Ты говоришь правду. Душа моя принадлежит богу, сердце — родине, тело же... — он не закончил фразы.

— Тело же палачам, не так ли? — пришел на помощь Нижарадзе.

Промельк улыбки озарил лицо старца — и погас, и лицо его вновь сделалось невозмутимым.

— Я не это хотел сказать, ваше превосходительство, — возразил он.

— Так договори же!

— Тело мое принадлежит земле, — закончил Назарий.

— Дьявол ты, отче, дьявол! — произнес полковник как бы про себя.

Назарий не преминул заметить:

— Лишь убийца безвинных сопричастен дьяволу, ваше превосходительство.

Полковник усилием воли постарался скрыть раздражение. Бесконечный словесный поединок издегал его. Он впервые столкнулся с обвиняемым, которого не сбили с толку его вопросы. Митрополит не только ни разу не запнулся, он то и дело давал убийственные ответы. Нижарадзе был полностью растерян, он искал и не находил той грани, за которой священник превращался в его судью. Назарий все более утрачивал облик милосердного, благостного старца.

— Ты это проповедуешь своей пастве? — только и сумел спросить Нижарадзе.

— Да, это, — тихо, но твердо произнес Назарий.

Нижарадзе вновь овладел собой и ровным, бесстрастным голосом проговорил, возвещая приближение неизбежной участи:

— Ты сегодня же расплатишься за все.

Назарий воздел очи горе (и полковник успел заметить, что зрачки обоих его глаз на какое-то мгновение оказались на одном уровне и их странное противоречие исчезло) и промолвил:

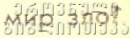
— Да свершится воля твоя, господи!..

Нижарадзе молчал, терзаемый сомнениями, — действительно ли митрополит не узнал его или он тоже маскируется, а если узнал, то помнит ли он дела его юности, когда из-за подлости, совершенной по отношению к собственному двоюродному брату, и прочих мерзостей его исключили из семинарии. Полковник не мог спросить об этом прямо и кружил вокруг да около.

До назначенного часа времени оставалось немало — стенные часы пробили только десять. В конце-то концов полковнику необходимо убить это время, и болтовней со стариком он мог в какой-то степени развлечься.

— Так значит, на этом свете нет виновных, отче? — вновь заговорил он.

— Виновный тот, кто сопричастен злу, ваше пре-
восходительство.

— Почему же благодный господь явил в  Библиотека № 101133
мид зло?

— Никто его не являл, ваше превосходительство.
Человек сам избирает его.

— Почему же бог допускает, чтобы человек со-
вершал зло, а потом является, чтобы покарать это зло?

— Дабы лучше проявилась воля господня.

Нижарадзе с удовлетворением прислушивался к
собственному голосу, радуясь, что не забыл ту высокую
грузинскую речь, которой обучали его в семинарии. Хит-
роумие же собственных вопросов (так ему казалось),
задаваемых Назарию, приятно щекотало его самолю-
бие, хотя в глубине души он и считал смешным это
жонглирование евангельскими фразами.

— Бог неумолим, когда мы употребляем во зло
дарованную им свободу. Он предоставил выбирать
нам, оставаться ли зверями либо быть людьми.

— Что же есть человек, отче?

— Лествица, восходящая к господу.

— Но ведь не все восходят к богу, отче. Как же
те, которые остаются внизу?

— Никто как бог не ведает того. Душа наша в его
руках. Человек пребывает во сне и неведении ныне и
присно и вовеки веков.

— Но ведь сон смерти подобен, отче. Мы равно
закрываем глаза и во сне, и в смерти. — Полковнику
хотелось еще раз как-то подчеркнуть митрополиту, что
нынешней ночью всех осужденных поглотит вечный
мрак и сон. Однако митрополит и на сей раз невоз-
мутимо отвечал ему:

— Нет, ваше превосходительство. Свет божест-
венный не гаснет и во мраке, и саван смерти не укры-
вает причастившегося этому свету, как не поглощает
его мрак царства смерти.

— Значит, человек светел и во мраке?

— Да, и во мраке.

— И сохраняет образ господень?

— Сохраняет.

— По-твоему, и надо мной во мраке будет свет?

— Это лучше знать вам самому, ваше превосхо-
дительство.

Нижарадзе опять сделал вид, что не понял вызывающего ответа Назария, и прибегнул к холодному нравоучению:

— Ошибаешься, отче! В каждом человеке сидит зверь, и по лестнице, восходящей к богу, никто не взойдет. Ни одному человеку нельзя верить. Когда к нам приближается кто-то с улыбкой, мы должны видеть, что у него волчьи глаза. Тенета уловляют нас на каждом шагу, и чем они искусней и коварней расставлены, тем опаснее. Милосердный и справедливый господь не допустил бы, чтобы помыслы и тайные деяния существа, повторяющего его образ, исполнены были бы мерзости. Ведь совсем недавно мы имели случай убедиться, как хрупка жизнь общества, как в любую минуту она может рассыпаться во прах. В человеке нет ничего божественного, отче! — и, помолчав немного, он добавил: — Человек — грязь, и грязью же сойдет в могилу.

— Спаситель явился нам в образе человека, ибо каждый человек равен богу и божьей волей держит в руках своих кормило брэнного мира.

— Ах, — вырвалось у Нижарадзе, — издохшая на улице собака более вызывает сожаление, нежели тело усопшего, провожаемое обрадованными близкими.

Назарий выслушал эту человеконенавистническую сентенцию и неожиданно спросил:

— Есть ли у вас дети, ваше превосходительство?

Нижарадзе внутренне содрогнулся — Назарий ударил по больному месту.

— Ведь ты и сам отрекся от семьи, — уклончиво ответил он.

— Вы — мирской человек, — Назарий обращался к нему то на «ты», то на «вы». — Женаты ли вы, ваше превосходительство?

Нижарадзе помрачнел, насупился. Ему стало не по себе. Вперив холодный взор в митрополита, он угрюмо молчал. «Жена? — подумал он. — Та уродина-англичанка, которая привязалась ко мне в Петербурге... да... Она и сейчас торчит у меня дома... Потом она пристала в одну душу — возьмем ребенка!.. Ребенок оказался

идиотом... Деменция Прекокс... Но какое дело до моей семьи!».

— Это не относится к делу, — холодно проговорил он вслух.

— Одиночество для мирянина особенно тяжело в преклонные годы. Бездетные и одинокие люди часто бывают жестоки и беспощадны... Я говорю вообще...

Вот вам и благостный старец Назарий!..

Нижарадзе ничем не выказал неудовольствия, услышав столь нелестную характеристику своей персоны. Да, самый большой пожар можно разжечь в человеке, а не вне его. И ни одна революция не сравнится, пожалуй, с тем ураганом, который может бушевать в душе... Контрасты жизни столь же непознаваемы, сколь недоступны судье подлинные мысли преступника. Разве мог кто-либо ответить на вопрос, что более страшно — катастрофы, происшедшие в сердце и сознании человека, либо раны, нанесенные телу мечом или пулей? Священник мстил за уготованную ему участь, потому и ворошил душу своего безжалостного судьи. Этот старец в рясе мог бы стать великолепным палачом!

— Ты говоришь о нашей жестокости, святой отец, а помышлял ли ты о том, что, окажись эти ублюдки на нашем месте, они были бы сущими кровопийцами и грабителями?..

Назарий молчал.

— ...И они бы разрушили храмы, в стойбища овец обратили бы церкви и монастыри, и ваших братьев стригли бы, как овец же. Когда властью завладевает чернь, она поступает именно так. Потомки лакеев обосновались бы в благородно убранных дворцах, откуда они предварительно изгнали бы красоту, впрочем, красота и без того выскальзывает у лакеев из рук. Соловьиное пение заменили бы криками попугаев... И жизнь стала бы бесцветной и мерклой, медленное умирание и молчаливое отчаяние постепенно воцарились бы в уstraшенном тиранией, измученном, превращенном в стадо бессловесных тварей обществе. В ожиданий обетованного счастья людей увещевали бы одним-единственным лозунгом — «послезавтра», но «послезавтра» не наступило бы никогда, и лозунг этот превратился бы в бесконечное «послепослезавтра». Ты мне не веришь?



— Не верю, ваше превосходительство.

— Но почему же?

— Любые храмы можно разрушить, но не те, воздвигнуты господом в душе человеческой.

— Разрушили бы! Они бы разрушили! — убежденно проговорил Нижарадзе. — Ведь они сами заявляют в прокламациях, что церковь должно отделить от государства и монастырские владения передать народу, потому что церковь учит людей закону божьему. Недавно чернь ворвалась во дворец владетелей Мегрелии и едва не спалила его. Или ты не помнишь демонстраций, которые здесь устраивали? Или, может статья, звуки «Марсельезы» ласкали твой слух? Остывшие от демагогии толпы людские всегда и повсеместно оглашают все и вся криками о свободе и равенстве, но увы, мы хорошо знаем, что таится за воплями этих несчастных. Легкомысленные французы изобрели революцию, однако мы все в свое время узнали из учебников, чем окончилась их многолетняя вакханалия: вожди народа поначалу рубили головы Бурбонам, а затем стали втаскивать на гильотину друг друга. Волчья стая объединяется, лишь учуяв добычу, но мучимые голодом волки раздирают друг друга. Выскочку, вскарабкавшегося на трон, сбрасывает второй выскочка, этого второго — третий, и так далее, и отрубание голов тиранам закончится лишь с падением самой тирании. Демократия проникается ненавистью к подлинно талантливым, умным и просвещенным. Что повлекло гибель Цицерона, как не его просвещенность и одаренность?.. Не восхваляй человека, святой отец, человек сам выдумал себя таким, каким представляется. И каждый тяготеет тайным стремлением осквернить красоту, едва он с ней встречается. Человек полон коварства и предательства, святой отец. Ему необходимы пуля и кнут, пуля и кнут!

За стеклами пенсне посверкивали глаза того самого голодного волка, с которым полковник сравнивал человека. Назарию часто доводилось читать в монархических фельетонах аналогичные нападки на революционеров, ведь в Кутаиси продавалась суворинская газета. Нижарадзе, как попугай, затвердил ее наизусть,

Акакий Гацерелия. Последняя молитва.

ни одно слово в его проповеди не было оригинальным и самостоятельным.

— Если сотворенный господом мир теряет смысл и дух, господь покарает свое же творение, ваше превосходительство, — произнес митрополит.

— Как?

— Вы забываете о втором пришествии.

— О нет, история не любит ждать, и до пришествия мессии она будет вершить свое дело. Для подонков реальны и истинны лишь два акта: отмщение и смерть... — возразил Нижарадзе и после короткой паузы добавил: — Не за них молись, святой отец, молись о моей душе!

— Буду молиться, ваше превосходительство.

Полковник глубоко затаился и, постепенно выпуская дым, продолжал:

— Я когда-то учил здесь заповеди: «не прелюбодействуй», «не убий»... «не клевети»... «не кради»... — он с трудом припоминал евангельские заповеди. В упор глядя на Назария, переспросил: — Значит, убивать — грех?

— Настали времена, когда убивают за преданность господину либо за прегрешения перед лицом его. И бог не прощает ни одно подобное убийство.

— Значит, чье-то убийство бог прощает?

— Убийство нарушившего ту заповедь, о которой вы сейчас забыли, ваше превосходительство.

— Которая же эта заповедь? — спросил он в удивлении.

— «Не возжелай жены ближнего твоего», — ответил Назарий. — Это и в катехизисе сказано. Лишь за убийство преступившего эту заповедь не карает всевышний.

О, он все помнил, святой отец Назарий! Да и у Нижарадзе часто стоит перед глазами несчастный двоюродный брат, который тогда только что привел в дом молодую жену... Разве мог отец Назарий забыть распутство избалованного и сумасбродного княжича, о котором в Кутаиси в ту пору было столько судов и пересудов... Или мог он забыть тот документ, который утвердил своей подписью?.. Нет, Назарий ничего не забыл. До сих пор полковник все еще колебался, не решаясь обрекать на смерть столь преданного своей па-

стве и столь почитаемого ею святого отца, и стремился как-то изловчиться и уклониться от выполнения тайного предписания властей. Но тут чаша терпения Нижарадзе переполнилась. Тем не менее он ничем себя не выдал.

— Однако и твой бог оказался жестоким, отче. Где же разница? — проговорил Нижарадзе как можно более спокойно.

— Разница велика, ваше превосходительство. Закон божий учит: поднявший меч от меча и погибнет.

— Вот и те, кого ты укрыл в соборе, первыми взялись за оружие!

— Не ведаю, ваше превосходительство, кто первым поднял оружие. К тому же оружие бывает не только железным...

— Ты винишь государя?!

— Я никого не виню, ибо судия — один лишь господь в судный день.

— И ты живешь этой надеждой?

— Надеждой живет и обреченный, ваше превосходительство.

— А ты не боишься расстаться с жизнью? — спросил полковник, не замечая того, что повторяется.

— Не боюсь, ибо иго мое благо, и бремя мое легко... — Назарий выпрямился, сжал в руке посох и произнес слова апостола: — ..ибо я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос...

Никогда, ни у кого из множества всех тех, кого он допрашивал, не видел Нижарадзе таких странных, горящих зеленым светом, грозных глаз. Он содрогнулся. Откинулся на спинку кресла, потом обратил взор на адъютанта. Последний тотчас выступил вперед, вытянул руки по швам.

— Увести! — приказал полковник.

Он проводил взглядом старца. Назарий медленно пересек комнату, направляясь к двери. Глухо постукивал посох. Полковнику бросилась в глаза недлинная косица белоснежных волос, резко выделявшаяся на черной ткани рясы.



Некоторое время он шагал по комнате. Потом оттановился, посмотрел в окно.

Ветер гулял по улице, раскачивал фонари. В некоторых домах еще горел свет, там пока не спали. Еще совсем немного, и город погрузится в сон, воцарится полный покой. Никому не должно видеть, как приговоренных поведут к Сагорийскому лесу.

Полковник отошел от окна, уселся за стол, уже накрытый адъютантом. Он был в комнате один. Перед ним стояла бутылка водки и на тарелках—ломтями—грузинский хлеб и тонко нарезанный балык. Нижарадзе наливал водку в стаканчик, медленно, с расстановкой, осушал его, потом следующий, и так один за другим. Его кдык при каждом глотке двигался так же, как и давеча при вдохе и выдохе, когда он курил. Он снял пенсне, след от которого тонкой черточкой вдавился на переносице, положил его на стол. Закрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

...Святой отец — ясновидец. Зачем только он затеял с ним эту беседу?! Нет, ничто не облегчит митрополиту бремя измены государю!

Полковник стремился стереть с зеркала своего сознания образ Назария, особенно этот непонятный правый глаз. Мысли беспорядочно роились в его голове.

...Он молился за этих бандитов и собирается молиться за них в Сагорийском лесу... Да, верно, монархия — не бог вещь какое благо, но чем они собираются ее заменить? Болваны!..

Полковник открыл глаза и осушил очередной стаканчик. Понюхал его, надел пенсне. В овальных стеклышках отразился изящный орнамент стаканчика. Он снял пенсне, положил его на прежнее место.

...Сколько образов витает в нашей душе! Каждый из нас — собрание этих образов... Оставим в покое старца!..

Ветер уныло завывает и немилосердно стучит оконными ставнями. Ах, Анатолий, Анатолий, ну и лентяй же ты, однако... А если ставнями разобьет стекла, что же тогда сможет удержать этот дьявольский ветер?..

Он снова налегает на водку, и тут демон Эроса

начинает шептать ему что-то на ухо, стремясь развеять неприятные мысли.

...Шесть месяцев назад покинул он Петербург... пол Исаакиевского собора... Адмиралтейство и Зимний дворец... Богато обставленная квартира на Мойке... Наталия... как ее отчество?.. Я закуриваю папиросу... Да, Наталия Ивановна! Она стоит перед зеркалом в круглой золоченой раме. Стягивает перчатки, откалывает с платья брошь с драгоценными камнями. Канделябры погашены, лишь слегка колеблется пламя одной свечи. В углу, на деревянном пьедестале, возвышается изваяние какой-то древнегреческой богини. Обнаженная красота, застывшая в мраморе!.. Наталия Ивановна в одной сорочке замирает в моих объятиях... Минуты самозабвения. «Я умоляю вас, пустите!..» Слова, слова... Она еще более прикикает ко мне... и опять — минуты самозабвения... Она тихо засыпает, лишь ноздри вздрагивают едва-едва... А днем снова прогулка на санях по Невскому и снова возвращение к ней домой...

Потом другая, только которая же?.. Быть может, эти призраки прогонят образ несчастного двоюродного брата, так явственно оживленный старцем-сердцеведом...

И в смятенном сознании Нижарадзе вновь возникает ужасающе неподвижный, наблюдающий, изучающий и в то же время непроницаемый правый глаз Назария.

Сатанинская симуляция всезнания! Он воздаст мне за все это, несомненно воздаст!..

Обрубком указательного и большим пальцем Нижарадзе поправляет на носу пенсне... да ведь оно лежит на столе!

...Эта — блондинка. Скромно убранная квартирка на Васильевском острове. Здесь нет ни изваяния богини, ни зеркала в золоченой раме. Только шезлонг да небольшой гобелен на стенке. Портреты родителей и бабушки... Отец ее служит в суде...

Она беззастенчиво расprostерлась на шезлонге. В вырезе лифа виднеется грудь. Одна — величиной с яблоко, другая чуть обозначается... Безгрудая!.. Амазос... У сарматянок не было одной груди. Сарматские

матери раскаленным железом прижигали своим младенцам женского пола левую грудь, и она не росла, зато вся сила сосредотачивалась в правой груди. Пас молока также перемещался вправо. Потому они столь искусно владели мечом... Сарматы, кажется, родственны скифам... И эта, белокурая, — их потомок. Она перехватывает мой брезгливый взгляд, берет меня за ухо, притягивает к губам, легко покусывает за мочку и шепчет: «Вы, Владимир Васильевич... мужчина... бесплодный мужчина!...» Сипение птенца грифа!..

И опять устрашающий правый глаз Назария, и опять тщетная упорная попытка упрятать его в глубь подсознания.

Черт бы его побрал!.. Оборвалась мысль...

...Да, у древнегреческой богини обе груди были идеальной формы... Гармония, увековеченная в камне... Они хотят свергнуть царя!.. А потом? Верноподданная голова последует за другими верноподданными головами. Эх, Столыпин умом не блещет, Сипягин был хотя бы смелее... Где же скрывается тот беглый бандит?.. У какой-то женщины... Здешних приставов нужно переарестовать всех до единого! Если бы бунтовщики жгли нас на костре революции, эта женщина первая бы подбрасывала дрова. О, санкта симплицитас...

Нижарадзе глубоко зевнул.

...Служба в Стамбульском посольстве... Душу бальзамом умащали пляски юных турчанок во дворце султанского визиря... Когда из голубых шальваров виднелись их голые ножки, обутые в голубые же мягкие фустанелы... Какие умопомрачительные улыбки расточали они вокруг! Турки — счастливый народ... благоденственная полигамия!

Ветер время от времени врывается в камин. Анатоля нет. Из шкафа так же сиротливо выглядывают шуба полковника, сюртук и шляпа.

...Персы тоже весьма гостеприимны. Умный и в то же время легкомысленный народ. Деловую беседу они могут внезапно оборвать и завести речь об охоте. Молчаливые, погруженные в сосредоточенное созерцание и задумчивость, однако жужжание мухи или пролетевшая птица могут тотчас отрезвить их... Безмерно ленивые и безмерно деятельные при необходимости... спесивые и честолюбивые... пылкие в своих

гаремах... смелые, отважные, но могут оказаться и трусливыми как зайцы... Охочи до путешествий и суетверны. Невероятно коварны, когда дело доходит до денег или славы... Лицемерны — ненавидят друг друга, а при встрече клянутся в вечной дружбе... Сладкоречивы и столь искусны в стихотворстве... любят лошадей, холят их, украшают, красиво заплетают им хвосты — точно косы своим красавицам... Да, косы у персиянок — до пят, глаза цвета спелой ежевики и тонкие прямые носы... округлые лица, подобные полной луне... у них такие маленькие и алые губы, каких не встретить нигде на всем земном шаре... маленькие, как печать, пухлые, круглые губы... Холеные ногти и кожа цвета слоновой кости. Безмятежность овечки. И когда хозяин присылает заночевавшего у него гостя в спальню к трепещущей девушке (в Персии принято так оказывать честь гостю), юная чаровница грациозно скидывает свое кашмирское покрывало, снимает со лба голубую ленту сарубанди, закрепленную золотой булавкой, и ложится у моих ног на ковре, заваленном мягкими подушками, и лежит с колотящимся сердцем, замерев, затаив дыхание. Обворожительная пантера, которую так скоро ждет увядание... Я слышу, как тяжело и прерывисто дышит она. Лишь глухой стон вырвется из ее уст, она вся дрожит, как куропатка. И я доволен, когда она с неохотой покидает меня и снова растягивается на своем ковре. Тонкая сорочка едва прикрывает бедро, алые губы, теперь точно подернутые медным купоросом, чуть приоткрыты, густые ресницы бросают тени на нежные скулы...

Демон Эроса с новой силой взмахнул крылами и полностью стер в сознании сладострастного полковника страшный лик Назария.

Нижарадзе погрузился в сон.

4.

Приговоренных вывели из города в три часа ночи. Никто не видел процессии на пустых улицах.

Они шли в кандалах. По левую сторону от них шагали в ряд шестеро конвойных, и по правую тоже

шесть. Полковник один ехал верхом. Впереди него шествовал офицер штаба гарнизона и сильным фонарем освещал ему путь. В арьергарде шел еще один солдат тоже с фонарем и, то и дело поворачивая его в разные стороны, высвечивал рытвины и колдобины разбитой дороги.

Миновали Балахвани. До Сагорийского леса, лежащего к юго-востоку от города, оставалось версты три.

Старого митрополита пощадили — избавили от кандалов. Он шел, опираясь на посох.

Холодный ветер завывал на все лады. Измученным людям только раз дали передохнуть. Назарий сидел меж ними, ободряя несчастных своим величественно-спокойным видом. Полковник не сошел с коня. В свете фонаря из-под распахнутой шубы тускло посверкивали пуговицы его сюртука. Время от времени от головы к седлу описывала полукруг красная точка — полковник курил.

Снова двинулись в путь. Никаких переключений, все в полном молчании.

Внезапно ветер разогнал тучи, выглянула луна и осветила окрестность. Вот и Сагорийский лес. Некоторое время шли вдоль лесной опушки. Ветер налетал порывами, и тогда верхушки деревьев раскачивались то вправо, то влево.

Там и сям фосфорическим светом мерцали гнилушки, трухлявые пни и обнажившиеся корни высохших деревьев.

Наконец процессия углубилась в лес. Оставалось пройти его, а там — ров, перед которым все они остановятся и полковник выполнит задание, данное ему свыше. Потом там останутся двенадцать солдат, чтобы засыпать землей трупы и сровнять ров.

Офицер, идущий впереди, и в лесу великолепно разбирает дорогу. Теперь ветер не задувал фонаря. Луна то пряталась в тучи, то снова протягивала меж ветвей свои лучи.

...Проклятье! В этой жаркой стране и поздней осенью редки такие холодные дни, как нынче. Святой отец, конечно, припишет гневу божьему этот холод и вой ветра. Хм, только дураки воображают, что погода из сочувствия или расположения к кому-либо может бушевать и наоборот.

Полковника раздражал ветер. Он зло посматривал на нырявшую в тучах луну. Это крадущее свой свет светило и в Петербурге не баловало его.

Ни разу за всю дорогу он не оглянулся на Назария и остальных приговоренных.

Лес, наконец, кончился. Они добрались до назначенного места. Здесь было светло. Полковник остановился у бугра. Отсюда начинался покатый склон, а в конце его разверстой пастью темнел ров. Вдоль всей длины его громоздились кучи вырытой земли.

Приговоренных выстроили в ряд у края рва, отдельно ото всех — Назария. В двадцати шагах от них, напротив, выстроились шеренгой солдаты. Приклады их ружей смотрели в землю.

Полковник спрыгнул с коня. Указал рукой гарнизонному офицеру в сторону Назария и что-то сказал. Офицер поспешно сбежал вниз по склону.

Митрополит стоял с непокрытой головой, видимо, какая-то ветка, зацепившись, сорвала его клубок. Волосы старца слегка развевались на ветру.

Гарнизонный офицер вернулся к полковнику, Назарий же приблизился к первому с края приговоренному, остановился перед ним и начал последний обряд.

Ни полковник, ни офицер, стоявший рядом с ним, не слышали ни слова из тихой молитвы Назария. Митрополит поочередно подходил к каждому приговоренному, творил молитву, потом, приложив крест ему ко лбу и к губам, подходил к следующему. Когда он закончил обряд и вернулся на свое место, полковник поднял кнут, и солдаты, направив ружья дулами на приговоренных, замерли в ожидании команды.

Внезапно произошло неожиданное: митрополит, опираясь на посох, медленно всходил вверх по склону, направляясь к полковнику. Крест на его груди ослепительно поблескивал в лунных лучах.

Нижарадзе почувствовал что-то похожее на ужас — митрополит приближался неотвратимо, точно лавина. Присутствующие застыли в безмолвном изумлении.

Назарий остановился перед полковником. Отбросил посох, высоко воздел крест.

— Последнюю молитву сотворю о душе твоей, сын мой Владимир, ибо не жив ты отныне! Полковник остолбенел. И имя, имя его поминай Назарий!..

Митрополит уже творил зауспокойную молитву о вновь преставившемся рабе божием Владимире:

— ...Господь наш, Иисус Христос... даром и властью, данной святым его ученикам и апостолам, которые собирают и прощают людям грехи... да простит тебе господь, сын мой Владимир, что совершил ты во зле словом или делом, или мыслию... или всеми своими чувствами, вольно или невольно... или нарушил клятву отца своего или матери своей на беду свою... да простит тебя господь... и молитвами пресвятыми и преблагословенными владычицы нашей... богородицы и приснодевы Марии и... всех святых. Аминь!

И Назарий трижды осенил Нижарадзе крестом, затем поднес крест к устам его.

Потрясенный Нижарадзе отвернул лицо в сторону и, шатаясь, побрел к лошади.

Сделав над собой усилие, он обернулся, посмотрел на пастыря. Назарий так же медленно, грузно сходил вниз по склону, опираясь на посох. Косица, заплетенная на затылке, расплелась, волосы ореолом светлели над головой старца. Это единственное, что успел заметить Нижарадзе.

Когда все кончилось, полумертвого полковника с трудом подняли, усадили в седло.

ГАЦЕРЕЛИА Акакий Константинович. Род. в 1909 г. В 1932 г. окончил Тбилисский университет. Прозаик, литературовед. Доктор филологических наук, профессор. Один из основателей Союза писателей Грузии. В этом году на грузинском языке вышел IV том его многотомного собрания избранных сочинений. Некоторые труды и статьи А. Гაცерелиа переведены на русский, английский, французский языки. На страницах «Литературной Грузии» в разное время публиковались рассказы «Смерть Бараташвили», «Один день имама», воспоминания о встречах с Ю. Тыняновым и другие произведения.

В КОНЦЕ мая крепостные убили Бежана Эристави и выгнали из вотчины его семью. Беспризорное эриставство Надир-шах пожаловал Теймуразу. Это уже являлось посягательством на слепленное Амилахвари государство. Потеря Арагвийского эриставства означала потерю всей Нижней Картли. Покуда он набирал войско, из Тбилиси пришла весть, что Теймураз и Али-хан готовятся к походу. Теперь главным стало, кто кого опередит, кто первым захватит ущелье Арагвы. Он начал наступление сразу с двух сторон — из Натахтари и Душети. Никто как будто не оказывал сопротивления, не нападал, но завладеть ущельем оказалось не так-то просто. Вчерашние повстанцы опасались мести и, защищая себя, заперлись в башнях и крепостях. День проходил за днем, неделя—за неделей, но до окончательной победы было далеко. Тем временем Теймураз и Али-хан переправились у Мцхета через Куру и погнались по его сле-

Гиви МАГУЛАРИЯ

ПОВСТАНЦЫ

П о в е с т ь

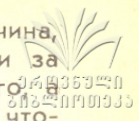
Перевод В. ФЕДОРОВА-
ЦИКЛАУРИ

Окончание. Начало см. в № 11.

дам. Обновленная страна, которую он толком и рассмотреть-то не успел, преображалась на глазах, становилась далекой, ершистой. Шараханье из стороны в сторону вовсе не походило на то, к чему он стремился, из-за чего проливал кровь. И до, и после восстания он преследовал одну цель — изгнать персов из Картли. Намерение его было справедливым и естественным, но творение иногда так же неправо, как и творец.

После того как огласили приговор и бросили его в темницу, вокруг него выросла невидимая, но непреодолимая преграда, разрушить которую, казалось, не могли ни друзья, ни враги. Обвинение безлико, как и смерть. Смерть—всегда либо неожиданная напасть, либо неизлечимый недуг, а наказание — обезглавливание, ослепление, отрезание языка или носа. И первая, и второе подчинены неведомым законам неизбежности, поэтому человек испокон веков оказывается перед ними один на один. Шедшие за ним ни разу не нагнали его, ни разу не встали рядом.

Потеряв Арагвийское эриставство, он осознал, что выпускает из рук преимущество, полученное благодаря восстанию. Воздух отяжелел, пропитался подозрениями и недоверчивостью. Грузинские князья молчали, сторонясь друг друга. С воцарением Теймураза борьба с персами оборачивалась борьбой против законного государя, что грозило печальными последствиями — царь мог возвыситься, а мог и изгнать. Поэтому они предпочитали отделяться молчанием, терпеливо выжидая, когда все встанет на свои места. Только он да еще несколько князей, недовольных восшествием Теймураза на трон Картли, не пытались помириться с царем. Во-первых, покуда в Грузии хозяйничают персы, власть Теймураза для Амилахвари не более чем пустой звук; во-вторых, рабству у персов он предпочитал найти общий язык с Турцией: турки вели серьезные войны в Европе, их руки еще долго не дотянутся до Грузии.



Кроме того, существовала еще одна веская причина, с которой необходимо было считаться: Турция ни за что не уступит персам Имерети и Самцхе-Саатабаго для объединения Грузии все же предпочтительнее, чтобы она стала вассалом одного повелителя.

Такие и более резонные доводы не давали ему покоя, но он не забывал, что живет в прогнившее время. Проиграв сражение, он несомненно потерял бы голову. В стране такой хаос, она так разорена и раздроблена, а разуверившееся во всем дворянство настолько безлико, алчно и вероломно, что без хитрости, лицемерия и жестокости невозможно было ни избавиться от врагов, ни обрести друзей. Поэтому он не судил себя так строго, как того требовал небесный отец. Его целью было изгнание персов из Картли, а не спасение души. Для достижения этой цели годилось любое средство — и святое, и дьявольское, и сговор с Турцией, и наем лезгин...

Соломон и евнух несколько раз помянули его имя, но в связи с чем-то, относящимся скорее к прошлому, чем к будущему. Прошлое притягивало всех, защищая от жары и унижений. Пока на свете возможно утверждение или отрицание чего-то, пока время делится на три части, не переведутся праведники и грешники, не сократится расстояние между узилищем и дворцом. Это расстояние ощущалось даже здесь, за пазухой этой горячей, морщинистой земли. Он в одиночестве следует по пыльной дороге и вместо того, чтобы смотреть вперед, предпочитает уступить место призракам и вместе с ними переоценить все, что нуждается в переоценке.

...Как только царь Теймураз овладел ущельем Арагвы, он повел переговоры с теми из князей, которых легко было переманить, дав клятву, что их не тронут. Раньше и вероломнее остальных его предал

двоюродный брат Реваз Амилахвари. Он с такой щедростью преподнес Теймуразу Ксанское ущелье со всеми крепостями, башнями, гарнизонами, будто собственными руками завоевал их. И воздаяние ему перепало немалое — Теймураз назначил его сардаром войск Нижней Картли и первым советником. Если бы Амилахвари мог изгнать персов из Картли без помощи турок и лезгин, он бы снес кое-кому голову или вздернул бы на первом попавшемся суку, но размышления о будущем связывали руки, лишали воли, и он маскировал гнев паутиной лицемерных улыбок. Вахушти Абашидзе и Заал Авалишвили улизнули из лагеря ночью и явились к Теймуразу. Распадалось, таяло слепленное им государство, обнажалась темная сущность человека, но тяжелее измен оказалось поражение под Цхинвали. Не думал он, что Ираклий, юный царь Кахетии, окажется настолько отважным и ловким. В предутреннем, сумеречном тумане малочисленное войско Ираклия вылетело из засады и напало на его незащищенный лагерь. Сразу возник переполох, никто не мог понять, кто враг, откуда напали. Чтобы дать воинам прийти в себя, он отступил. Отступление продолжалось до Урбниси. Так он потерял Гори и Цхинвали, зато убедился в одном: Ираклий — могучий и опасный противник, который не избегает битвы, ищет ее.

В ту ночь он тщетно пытался разобраться, почему человек зачастую ошибается в оценке жизни и происходящего, но ни к какому выводу не пришел, не уяснил, чем именно он имел право пренебрегать, а чем нет. Поражения сваливались на него в тот момент, когда он отвращал взгляд от времени и смерти, когда склеивал жизнь из разномастных осколков и лоскутков. Если бы вчера он поступил так, как подобает божьему созданию, он бы избег поражения, но именно вчера вечером он не знал, что делать с собой, как отбросить подползающий к ногам крошечный, безликий и бестелесный мрак, алчущий поглотить и заграбастать все, не принимая в расчет его сопротивление. Кого в

сумерках не донимала тоска, кто не делал ошибок, но что ошибка чревата чем-то таким, чего ничем не исправишь, он убедился только на следующий день.

Заслышав о его поражении, турки всполошились. Из Стамбула прибыли деньги и грамота, подписанная великим визирем. Ахалцихский паша прислал крупнокалиберные пушки, порох, ядра и пушкарей. Малачи, предводитель лезгин, привел четыре тысячи воинов и не слишком взвинтил цену за помощь. Неудача казалась преходящей, враждебные персам силы снова сплотились вокруг него, но недоставало людей. С пятью тысячами грузин, несколькими сотнями янычар да четырьмя тысячами лезгин нечего было и думать о захвате Тбилиси и изгнании персов. Сейчас требовалось настоящее войско, а не вооруженная толпа, но на создание его нужны годы, а у него оставались считанные месяцы. До лета предстояло укрепить Сурами, превратить его в неприступную твердыню, привлечь на свою сторону недовольных князей, приготовиться к решительному сражению. Победа позволит выиграть время, окрепнуть, а поражение окончательно добьет его.

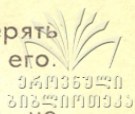
Прежде чем Теймураз и Али-хан выступили из Гори, Юсуп-паша привел из Ахалцихе шесть тысяч воинов. Юсуп славился своей осторожностью и осмотрительностью и переход из Ахалцихе в Картли считал опасным походом, однако Амилахвари нужен был не паша, а его воины. Нравы пашей он изучил досконально — все они спесивы, корыстолюбивы и коварны, верно служат захватчикам и часто поминают аллаха, словно до того как стать турками и принять мусульманскую веру, не знали цены должности, не подозревали о существовании бога. Величие повелителя и недоверчивость раба наложили печать на лицо Юсуп-паши, но лицо паши интересовало Амилахвари постольку, поскольку они должны были вместе воевать и вместе победить. В завтрашнем бою он обязан был завладеть соблаз-

нительным, кроваво-скользким призраком победы, завладеть до той минуты, пока в души турок и лезгин не закрадется желание предать.

Битва произошла между Гори и Руиси. Правое крыло он уступил туркам, левое — лезгинам, сам остался в центре и, едва рассвело, врубился в середину вражеских войск. Он с таким напором атаковал передние ряды кизилбашей и грузин, что те не выдержали и попятились. Чем жарче разгоралась битва, тем меньше он думал о себе, о старых грехах, о тяжести новых, о бездушии бога и безумстве человеческого рода. Он так неистово махал шашкой, словно ничем иным в жизни не занимался. Наступление окрыляло его, придавало отваги, еще удар, и он рассечет, растопчет вражеское полчище, но тут Теймураз и Али-хан повернули коней и помчались к Гори. Он бросился в погоню. Не увлекись он в тот день рубкой кизилбашей, прояви больше смекалки, он бы прежде их подоспел к крепости. Высокие стены горийской цитадели так внезапно выросли перед ним, словно господня десница преградила путь. Бой был окончен. Теперь оставалось вытереть окровавленную шашку, вложить ее в ножны, торжествовать и смаковать победу, но он слишком забежал вперед.

Подъехавший Юсуп-паша, воздав хвалу аллаху, поздравил его с победой, но штурмовать крепость отказался и потребовал возвратиться в Руиси. Радость победы улетучилась раньше, чем согрела душу. Трудно дружить с врагом и сражаться с ним в одном строю. Недоверие щедро питало нерассеявшиеся подозрения. Откладывалось дело, которое можно было закончить одним махом. Вместо того чтобы помочь ему захватить Горийскую крепость, Юсуп-паша призвал к себе Малачи, вручил тому присланные из Стамбула деньги и со всей лезгинской ратью отправил в Дагестан вербовать дополнительные полки. Чужое безрассудство

связало его по рукам и ногам, заставило потерять столько времени, что он ничем не смог возместить его.



Рабом господним он никогда себя не считал, не верил, что его рождение вызвано необходимостью, но раз уж он появился на свет в такую лихую годину, когда собака не узнавала хозяина, не стоило лезть на рожон. Предать мог всякий, даже родной брат, ему же трудно было отличить врага от друга, заглянуть в чужую душу. Впрочем, заглядывать в чужие души куда рискованнее, чем сталкиваться лицом к лицу с неизбежностью. Сразу открывались такие темные замыслы, такое вероломство, что впору противопоставить себя остальным или устранился. Но коли он сам не был святым, то и других не судил слишком строго...

Амилахвари нахмурился, словно затрудняясь разобраться в чем-то, и, чтобы путанные мысли не заволокли память, он уцепился за конец оборвавшейся нити.

...Неделю спустя пришло известие, что Ираклий наголову разбил лезгин у Арагвы, собственноручно зарубил Малачи и увез в Тбилиси стамбульские деньги. Разгром лезгин потряс Юсуп-пашу. Он тут же собрал войско и увел его в Ахалцихе. Снова подул с востока смрадный ветер, снова закаркали вороны. Спешившемуся, ему было трудно стоять на земле, шашка, словно пудовая глыба, от которой никогда не избавиться, оттягивала пояс. Да и зачем избавляться? Страна опутана цепями, и если он хочет разрубить их, шашка должна находиться под рукой. Он еще не настолько ослаб, чтобы не выносить запаха падали и вороньего грая. За ним стоит укрепленная, вооруженная пушками, набитая боеприпасами и провиантом крепость. Врагу не овладеть ею с наскока, потребуются годы осады, а там один бог ведает, чье солнце закатится, а чье воссияет...

Из какой-то щели в груди камней выпорхнула птичка и понеслась, вероятно, туда, где были зелень и прохлада. Дорога обходила деревья стороной, направляясь туда, где выжженные холмы защищались однообразием от постороннего взгляда. Горячий ветер прожигал землю насквозь. Амилахвари только тогда

заметил небольшую группу всадников вдалеке, едущих навстречу, когда избавился от расprostертых объятий иссушенного мира. Какие-то люди, как он и все позади него, спешили к зеленому острову, тоже мечтающие о тени и привале под деревьями, где дорога, усталая воспоминаниями, не кончалась, а завязывалась узлом.

...Пока еще не осадили крепость, он мог беспрепятственно перебраться в Имерети или в Турцию — паши Карса и Арзрума порознь приглашали его, чтобы вместе атаковать персов, но сражаться за пределами Грузии не имело для него никакого смысла. Раз он восстал, раз взвалил на плечи всенародное дело, он не имеет права искать благополучия, а обязан до конца жизни оставаться повстанцем. Только таким путем он мог оправдать кровопролитие и сохранить человеческий облик. Это был единственный путь спасения, единственная его собственность, все остальное принадлежало времени и случаю. Может быть, за год и звезды переместятся, и то, что до сих пор вертелось в одну сторону, завертится в противоположном направлении. В мире, одолеваемом землетрясениями, чужой, раздорами, невежеством и безумием, не было резона торопиться и подстегивать судьбу. Судьба и к врагам так же равнодушна, как к нему самому.

В крепости вместе с грузинами укрылись остатки лезгинского воинства и турецкие пушкари. В первый раз пушки выстрелили на пробу, а потом от их грохота ничего не было слышно. Иногда пыль и дым так застилали все вокруг, что противник тонул в непроглядной мгле. Во вражеском лагере произошли перемены — теперь уже не Теймураз подчинялся Али-хану, а Али-хан Теймуразу, но смена полководцев не изменила ничего. Вне крепости все были его врагами, все жаждали его поражения и плена. Этим желанием был одержим и ярый поток света, бьющий из бойниц, дерзкий, распутный посланец внешнего мира, яркость которого надрывала сердце. На следующий день Теймураз велел передать ему, чтобы он сдался, и его помилуют, но он считал виноватыми других, а не себя, и поэтому имел право защищаться, покуда хватит сил. Ни Теймураз, ни Надир-шах не могут лишить его этого права. Не для того он укреплял Сурамскую крепость, чтобы преподнести ее врагу...

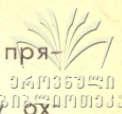
Удлиненные тени холмов Амилахвари заметил только тогда, когда пересох один рукав текущего времени, а небо, земля, узорчатая зелень и группа далеких всадников оказались в большом круге. Выйти из этого круга так же невозможно, как проникнуть в смысл бытия; но разглядывать однообразные краски и безграничность ему надоело, а от жары и противоречивых мыслей пухла голова. Другим воздух казался тяжелым от зноя и пыли, а ему — от витавшей в нем угрозы, от угрозы, при одной мысли о которой леденела в жилах кровь. Прежде мусульмане казнили преступников торжественно и всенародно. Сколачивали помост, палач прикрывал лицо, глашатаи созывали горожан, которым позже показывали отрубленную голову или выколотые глаза. Но с той поры утекло много воды, и если время понималось персами так же, как другими народами, они должны были кое-что упростить — не преступника сажать на лошадь или верблюда и везти к палачу, а палача отправлять туда, где томится преступник. Хотя по мере надобности шахи так и поступали — среди четырех стен совершалось больше преступлений, чем на площадях.

...В том году Сурамская крепость выстояла, но следующей весной Кайхосро Орбелиани и Реваз Амилахвари захватили Ахалдабскую и Кехвисскую крепости, оставив его только с этой. Окружение смыкалось все плотнее. Иссякали запасы пороха и ядер. Воины устали, им осточертели жизнь без женщин и каждодневные похороны. Драки вспыхивали из-за таких пустяков, что сердиться не имело смысла. Бездна надежд, стиснутая крепостными стенами, задыхалась от тоски по вольной жизни вне этих стен, срывалась от злости, стремясь положить всему конец. Именно тогда Теймураз в третий раз предложил ему сдаться, гарантируя полное прощение. Он не помышлял о капитуляции, но отказаться от переговоров было бы глупо. Пока царь готов выполнять его условия, воины смогут передохнуть, выйти из крепости, поторговать, поболтать, забыть о ратных делах, а когда безделье набьет оскомину, они не станут отлынивать от сражения, особенно тур-

ки и лезгины, которых при худом исходе самое малое ждет плен.

На зеленом лугу перед крепостью установили шатер. Отяжелевшее от росы утро потягивалось, наряжалось в яркие цвета. Он вышел из крепости в сопровождении нескольких приближенных только тогда, когда Теймураз со свитой двинулись к шатру. Ноги легко ступали по росистой траве, безнадежность, жалобно скуля, приبلудной шавкой семенила сзади; но ни измена, ни поражение, ни смерть не могли сделать его жалким. Чем вероломнее обходилась с ним судьба, тем решительнее глядел он ей прямо в глаза. Он с таким достоинством шагнул в шатер, словно был зван почетным гостем на торжественный обед. Теймураз встал, пожал ему руку, стал расспрашивать как друга, с которым давно не виделся. Шатер в самом деле был празднично убран и украшен. На дорогом ковре лежали подушки и мутаки. На низком столике соблазнительно красовались кувшины с вином, глиняные чаши, фрукты и кахетинские чурчхелы. Теймураз заметно полысел, в бороде появилась седина, и рядом с Амилахвари царь выглядел тщедушным, болезненным человеком.

Беседа началась с расспросов о житье-бытье, с воспоминаний о былом, с винопития. Вино оказалось превосходным. Оно пилось, как живая вода. В минуту рухнули все препятствия, преобразовавшись, смешалось прошлое и настоящее. От вина у него родилось такое чувство, будто он никому и ничего не должен, тем более такому чужаку, как Надир-шах. Он ненавидел шаха и персов, а иначе, не раздумывая, сдал бы крепость Теймуразу. Царь ни о чем больше не просил — сдай крепость, присягни на иконе на верность, и с сего дня станешь моим сахлтухуцеси, управителем дворца. Амилахвари никогда не боялся гнева икон, и как только ее принесли, приложился к ней, словно к принадлежности неведомого, постороннего мира, которая не имеет никакого отношения к земному. Теймураз подарил ему халат, собственными руками преподнес чашу с вином, но, во-первых, перемирие понадобилось Амилахвари, чтобы оттянуть время, а не сложить оружие, и, кроме того, царь подчинялся чужой воле, — он не мог слепо довериться ему. Он якобы беззаботно пошутил над пристрастием персов дарить халаты, припомнил побав-



сенки о других обычаях мусульман, а потом, глядя прямо в лицо Теймуразу, сказал без обиняков:

— Я сдам крепость в тот день, когда получу от вас такую грамоту Надир-шаха.

Теймуразу не понравилась отсрочка почти улаженного дела, но он не стал упорствовать. Тут же составили послание шаху, вручили его Ревазу Амилахвари и отправили того в Персию. До Исфахана и обратно три месяца пути, а за три месяца бог знает что может произойти, тем более в такой стране, где шахам свертывают головы чаще, чем каплунам...

Бледное от солнца небо тяжело давило на плечи, резкий, ослепительный свет, тряска, оглядывание назад, заглядывание вперед выматывали и раздражали, но он был сильнее других, больше других скитался и больше перенес, поэтому не имел права расслабиться или согнуться. В спину ему глядит столько пар глаз, сколько людей едут по пятам. Пока он жил среди зеленых полей и бурных рек, растрескавшееся, щелястое время представлялось ему монолитным, подобно стенам Сурамской крепости, но горячий воздух пустыни перемолол его, как камнедробилка: рухнула стена, и время рассыпалось. Скреплять его не имело смысла, но некоторые обломки острыми гранями больно царапали мозг и толкали вспять, словно на свете уже не осталось ничего, что нужно познавать и запоминать.

...Три месяца не запирали он крепостные ворота. Гром пушек сменился ожиданием, вражда — благосклонностью. На обширном поле перед крепостью вечерами устраивали базар. Вчерашние противники — турки, лезгины, персы и грузины сходились вместе, торговали, играли в кости, иногда затевали борьбу. Каждый поддерживал своего, и все вокруг содрогалось от рева, хлопков и криков «ла-илла». Тем временем он очистил крепость от грязи и нечистот, тайно заделал повреждения в стенах, проверил запасы пороха, ядер, провианта и убедился, что сможет еще с год отбиваться, как отбивался до сих пор. Страна, которую захватывали разные орды, меняя ее облик, не была настолько преобразована и разделена, чтобы избавить чело-

века от убийств и подчинить силу правоте. После того как лезгины разграбили родовое поместье Амилахвари, а сам он — еще ребенок — избег плена благодаря собственной находчивости и смелости, он все больше убеждался, что мир этот — логово насилия, и если хочешь остаться в живых, обязан махнуть рукой на многие человеческие качества. Махнуть не трудно, но как только начинаешь прятаться за беспомощностью, приходится уступать. Уступка приводила к рабству, рабство — к пресмыканию, а пресмыкание... Нет, уж лучше встречать опасности по-мужски, жить по-человечески, чем пресмыкаться. Поэтому он не расставался с шашкой, с крепостью, со свободой.

Когда подошло время вернуться Ревазу, он запер ворота и никого не выпускал из крепости. Ответ мог быть двояким—и положительным и отрицательным, но скорее всего положительным, ибо Надир-шах обладал недюжинным умом и войне предпочитал на словах простить одного противника; но его лично больше всего устраивал отрицательный ответ — за три года он и его соратники до мозга костей пропитались свободой, пробившийся со дна души родник так заполнил пустоту, что без грома пушек и борьбы с судьбой они не представляли себе жизни.

О возвращении Реваса Амилахвари он узнал, когда в крепость принесли шахскую грамоту. Сильнейший правитель Востока, талантливейший полководец, милостью собственного ума и мужества завоевавший трон и власть, с монаршей снисходительностью писал, что прощает ему все прегрешения и пролитую кровь из уважения к верному царю Теймуразу, неустанно заботящемуся об усилении шахского трона. А ниже клятвенно подтверждал, что преследовать не будет. Вернейший случай спасти себя никогда не представится, он держал в руке грамоту, подписанную шахом и скрепленную его личной печатью, но все-таки пошел наперекор судьбе, захотелось до конца испытать провидение, шагать над краем пропасти до тех пор, пока не свалится сам или пропасть не заполнится вровень с краями. То же подсказывало и небо, простершееся над головой. И Теймураз, и Али-хан, и, вероятно, сам Надир-шах не сомневались, что, получив отпущение грехов, он покорится судьбе, выйдет из крепости с

веревкой на шее, а он приказал воинам запереть ворота на засовы, пушкарям — зарядить все пушки и, ругаясь последними словами, принялся палить по всему свету, оставшемуся за стенами...

Густой вал пыли, гонимый ветром впереди всадников, едущих из Персии, застил и туманил обнаженную равнину. В этой катящейся мгле слышался зов чьей-то судьбы. Между теми, кого он оставил на дороге, попадались множество бесталанных, но пустыня распахнута на все четыре стороны, и может случиться, что тот, кого он обогнал, снова повстречается ему, задержит и потребует ответа. Ответа требуют все, живые и мертвые, прошлое принадлежит не только ему, каждый вправе как заблагорассудится перебирать и мусолить пачку затрепанных дней...

Сурамская крепость свирепо огрызалась на обступивших ее врагов; высота и толщина стен были надежны, но ничто не связывало его с внешним миром. Может быть, именно это заточение поддерживало его в борьбе с неотвратимостью. Иногда пушки грохотали так, словно крепость превращалась в огромный, двинувшийся на прорыв корабль, который мог, сокруша в щепки вражеские плоскодонки, вырваться в открытое море и спастись. Черные от загара и копоты стрелки, ворча и ругаясь, состязались в меткости. Кизилбаши несколько раз штурмовали стены, но откатывались ни с чем. Крепость не сломить, не сломить ни изнутри, ни снаружи. Надир-шах торопился, слал гонца за гонцом, но обрадовать его было нечем. Наконец вместо гонцов он снарядил в Сурами художников, повелев зарисовать крепость. Ознакомившись с рисунком, шах приказал Теймуразу и Али-хану возвести вокруг крепости высокую стену, закатить на нее пушки, поставить войска, тогда, дескать, гарнизон добровольно сложит оружие. Во вражеском лагере засуетились, принялись копать землю, подвозить камни и известь, выкладывать стену. Два месяца взад и вперед сновали арбы, поднимались леса, выбивались из сил каменщики и плотники, но когда стена заметно выросла, Амилахвари приказал опустить дула пушек и ядрами долбил сырую

еще кладку до тех пор, пока от нее камня на камне не осталось...

Сумбурные звуки, знойный ветер и туманное предчувствие преградили путь мысли, но Амилахвари выбросил из головы вязавшиеся дорогой липкие впечатления и посмотрел на приближающуюся группу всадников. Впереди на вороном жеребце, неподвижно держа голову, ехал вооруженный бородатый мужчина. На таком неблизком расстоянии невозможно было рассмотреть людей, но одеждой и осанкой всадники больше смахивали на грузин, нежели на персов. Нечто незаметное, недоступное разумению нашептывало ему, что они возвращаются на родину, в тот город, откуда его увезли на расправу. Может быть, кто-то выполнил долг или понес наказание, сохранив, однако, голову на плечах, а боль всучил времени, которое теперь страдало увечьем его самого. Угроза росла, тяжелела, но до наступления рокового дня еще можно навести порядок в сумятице звуков и открыть дорогу подавленным мыслям.

...Едва повеяло теплом, едва в амбразуры пробилась животворные лучи, Надир-шах прислал своим сардарам боеприпасы с наказом взорвать крепость, коли захватить ее невозможно. Теймуразу и Али-хану отрезали все пути к отступлению, надо было во что бы то ни стало либо овладеть крепостью, либо взорвать ее. Проволочка была равносильна преступлению, измене, так расценивал ее Надир-шах. В последнее время его боялись раздражать. Сын пастуха, взойдя на трон, он уже не был тем человеком, кто наравне с простыми воинами переносил тяжесть походов, кто к невинным относился дружелюбно, а к виноватым враждебно, кто старался примирить все противоречия, лишь бы вытащить страну из трясины. Время, несокрушимость хаоса, противоборствующая сила жизни сделали его мнительным и коварным, превратили в тирана, а после того как он за измену ослепил собственного сына и отправил на тот свет его сторонников, над страной навис кошмар. Он уже не сомневался, что Надир-шаха зарежут в постели или в бане. Но этот благословенный день может наступить слишком поздно для него.

Отчаявшись взять крепость, Теймураз и Али-хан решили взорвать ее. Весенние грозы пугали овец, сви-

ней и лошадей. Вымокшие, невыспавшиеся воины дремали стоя. Если бы у него не подошел к концу запас ядер, он бы не подпустил врага к стенам крепости. Но в последние дни немного зависело от его воли. Редкие выстрелы больше походили на кашель, чем на озлобленный лай. Противник перестал бояться и робеть. Кизилбаши и грузины соорудили из толстых бревен укрытие, отложили сабли и, взявшись за кирки, принялись долбить каменистую землю под фундаментом. Пули и камни не причиняли вреда толстым бревнам. Будь у стен душа, они, вероятно, ощущали бы то же самое, что и защитники крепости, — нарушившееся соотношение сил и собственную немощь. Враги на арбах подвезли к укрытию бочки с порохом, закатали их в подкоп и подожгли фитиль. Взрыв потряс крепость, стена местами дала трещины, но не рухнула и не осела. Прочность стены взбодрила гарнизон, придала воинам отваги, они держались с таким видом, словно крепость охраняла рука всевышнего. Враг, казалось, оцепенел, но потом пришел в себя — снова начали подкапывать фундамент, подвозить на арбах бочки с порохом. Настал день, когда глухой стук кирок послышался и во дворе крепости. В то утро он запретил воинам приближаться к стене, а себе — считать дни. Хотя какое значение имеют для неотвратимости рассветы и закаты, победа и поражение, роковой день не выпадет из цепи остальных, не даст оттеснить себя. Мощный взрыв подбросил стену, развалил, разнес ее в щебень и пыль. Пока несколько не поутихли вопли раненых и не осела пыль, он был глух и слеп, но когда ветер отогнал серое облако, перед ним распахнулось открытое пространство — стену снесли напроць. В широкой бреши виднелось зеленое поле и лесистые склоны гор. Непривычное, жуткое зрелище являла собой крепость со снесенной стеной, но в груди вместо страха воцарилась грусть, неясная, немая грусть, у которой тщетно искать начало или конец. Этот взрыв превратил в поражение четыре года сражений и швырнул его на эту пыльную дорогу...

Шелест зеленых листьев сменил наготу степи, роща казалась тихой и полной тени, как храм. Вблизи

этого величественного храма и бубенчики звучали по-иному. На грани света и тени отчетливо выделялась неясная от солнца поверхность земли, четче — лица верховых, едущих из Персии. Передний всадник, не обращая внимания на деревья, продолжал ехать, рассекая пространство. Вороной жеребец проявлял к окружающему больший интерес, чем его хозяин. Внезапно Амилахвари вскинул грязную руку к глазам, заслонился ладонью от солнца и напряг зрение. Что-то знакомое привиделось ему в этом надменном мужчине; знакомых черт обнаруживалось все больше, и когда он разглядел лицо, от изумления из его уст вырвался протяжный возглас. Перед ним был Шанше Эристави.

Тень вместила всех — верблюдов, лошадей и людей. Мусульмане раскинули скатерть там, где из земли, журча, пробивался родник, а грузины с присоединившимися к ним семьей Шанше Эристави, его невесткой и племянниками расположились на зеленой траве, естественной жизнерадостности которой позавидовали бы все ковороткачи на свете. Хлопочущие люди, сопенье животных, звяканье посуды, бубенчиков, бречанье панцирей придавали роце почти домашний уют — ни дать ни взять божий шатер с умиротворяющим душой зеленым пологом, где коленапреклоненные мусульмане молились истово, словно в кафедральной мечети.

Только двое не пожелали делить трапезу со своими — Гиви Амилахвари и Шанше Эристави. Им накрыли отдельно, приспособив вместо скамеек седла, они опустились на них друг против друга. Столу недоставало фруктов и зелени, но рядом с Амилахвари лежал тугой бурдюк, и он гладил его ладонью, словно новорожденного теленка. Только вино могло развеять подавленное настроение, расцветить землю, сократить расстояние, которое отделяло их друг от друга и других людей.

Пока накрывали стол, ни Амилахвари, ни Эристави не проронили ни слова, а оставшись одни, помянули господу, перекрестились и разломали хлеб. Оттуда, где сидели мусульмане, донеслось захлебывающееся под ножом бляение овцы. Шанше Эристави выглядел

по-прежнему надменным и величественным, но в нем замечались какой-то надлом и увядание. Две черные дыры делали мир невидимым и беспредметным. Развязав бурдюк, Амилахвари наполнил чаши, одну подал Шанше, вторую взял сам и с беззаботностью человека, привыкшего к ударам судьбы, произнес:

— Сегодня я за хозяина, Шанше-батано, видимо, кто-то заранее предвидел нашу встречу, понимая, что безглазый и тот, кому предстоит стать безглазым, не разминутся молча, иначе, если все сваливать на случай, мы со дня рождения всего лишь дети плотности и греха.

— Сия многострадальная земля всегда была для тебя отчим домом, не то что для меня, Гиви-батано.

— В этом безалаберном доме ничего хорошего не происходит, но вино пока не иссякло.

— Откуда оно?

— Из Атени.

— Должно быть, подкисло в дороге.

— Разве у нас переведутся заботы, Шанше-батано, но сына подкисшей страны и подкисшее вино развеселит. Пить вино и выкалывать глаза человечество начало почти одновременно.

Шанше Эристави попытался улыбнуться, но улыбка не получилась. Густая борода делала еще более мрачным его и без того мрачное, в суровых складках лицо. За этой мрачностью скрывалось нечто такое, во что поверить было трудно стороннему человеку. Трудно совместить ярость и мудрость, поверить, что этот калека когда-то был младенцем и беспомощным существом.

Амилахвари отвернулся и поглядел на распластанную под солнцем землю. Два волнистых хребта, пересекаясь, походили на толстый, крученный канат.

— Если бы кто-то не догадался привязать этот зеленый остров, нас бы унесло в открытую пустыню, и мы никогда бы не избавились от нее, — заметил Амилахвари, щуря глаза, словно раскаленное солнце пробилось даже сквозь эту листву.

— Нас давно уже носит шальная волна, Гиви-батано.

— Эту кашку мы как-нибудь выдержим, но если наше суденышко перевернется, горячие, бегущие издали волны захлестнут наши измученные тела, высосут все соки, иссушат, пока не превратят нас в головешки.

— Я уже перенес это, Гиви-батано, с тех пор даже солнце почернело.

— Черное солнце, наверное, злей красного. Хорошо, однако, что мы привязаны, иначе не смогли бы ни вина выпить, ни словом перекинуться.

Шанше Эристави не повернул головы, не огляделся. Мир для него лишился длины, ширины, высоты, все затмила и свела на нет непроглядная темнота.

— Что ты больше любишь, Шанше-батано, телятину или овечий сыр?

— Если черт действительно есть где-то на этом свете, он должен с хохоту лопнуть при виде нас, — сказал Шанше таким тоном, словно уступил чему-то, навсегда предав что-то забвению.

— Что наша жизнь никчемная потеха и бестолковая карусель, нагляднее дьявольского смеха подтверждает наша встреча, Шанше-батано, однако я рад видеть тебя живым, рад, что ты сохранил голову на плечах. Со дня появления на свет нашим бедным головам грозят столько мечей, что не знаешь, от какого уклоняться. Отныне, если мир не перевернется, никто не станет посягать на твой кров и ложе, ты будешь сам себе защитник и судья. Будь здоров, помоги тебе бог с миром добраться до Грузии.

— Из Грузии я захватил с собой пару зорких глаз, а обратно везу две черные дыры. К моему ослеплению и ты приложил руку, Гиви-батано, но пусть судьба будет благосклоннее к тебе, чем ко мне.

Эристави так поднес чашу к губам, словно та была наполнена бальзамом, и когда осушил ее, суровые морщины его изуродованного лица слегка разгладись.

— Давно я не пробовал вина, хлеба и того досыта не ел. Меня не так тяготила слепота, как беспомощность и убожество. Мне не хотелось умирать в том краю, где все пропитано кровью, где могилу чужака вроде меня сровняют с землей. Может быть, и мне перепадет небольшая радость — пусть не увижу, так хоть пройду по родимой земле, и стоит ли тужить

о времени, в котором всякое стремление — обман, каждое деяние — преступление, — Шанше Эристави так легко взял кусок хлеба и сыра, словно слепота не лишила его способности видеть.

— Если не махнуть рукой на этот мир, он отравит даже те несколько приятных минут, ради которых ты лез из кожи. Видимо, правы были наши предки, когда говорили, что жизнь создана не для того, чтобы гладить тебя по головке, она — искусительница, и ты докатишься либо до самобичевания, либо до преступления.

— Когда тебя посадят на цепь, а к глазам прижмут раскаленное железо, сгинет мир, сгинет все, на что можно махнуть рукой, и ты заревешь пуще быка на бойне. Перед смертью и пытками жизнь меняется, обретает совершенно иной смысл.

Ослепленный Эристави сидел перед ним, пил вино, разговаривал, но здравый смысл и яркий день противоречили восприятию подобных мук человека.

— Я вижу, что хоть жизнь и приобрела другой смысл, однако она не лишает человека аппетита и желания выпить, — пошутил Амилахвари.

Шанше улыбнулся, но в его улыбке проскользнуло что-то строптивное.

— Это, наверное, потому, что слепой уже не может насытиться глазами.

— Ненасытность — свойство не только глаз.

— Ценности, созданной воображением, грош цена, Гиви-батано.

Вино, глубокая тень, близость воды преобразили мир. Следя за каждым движением слепого собеседника, Гиви Амилахвари пытался понять, какой след оставили в душе того боль, беспомощность, чернота мира; зачем этот слепец возвращается на родину — умереть, сыграть роль мученика или возместить потерянное.

Шанше Эристави принял чашу, протянутую Амилахвари.

— Я ничего не могу прочесть на твоём лице Гиви-батано, но кое-что не обязательно видеть глазами. Слепота не больший недостаток, чем близорукость. То, что тебя интересует, я почти переварил — вынес и пытки, и муки одиночества, и угрызения совести, но с того рокового дня запах паленого мяса и звуки померкшего пространства стали для меня признаками мира.

Амилахвари ощутил крепость вина и с таким видом оглядел все вокруг, словно вместе с ним пьянели и земля, и небо, и зелень. Менялись не только видимые предметы, но и предназначение божье.

— Мне пока еще не выкололи глаза, Шанше-батано, но мир все же так теряет и приобретает качества, как это вино — цвет и вкус. Когда ты перешагнешь порог своего дома, мир станет проще, прошлое разветвится в тумане, и кто знает, может быть в один прекрасный день даже запоешь «Мравалжамиер».

— Если бы мы, грузины, меньше пели и больше делали, может быть, не оказались бы в таком тяжелом положении.

— Несчастья обрушивались и на те народы, которые меньше пели и больше делали. Видимо, со дня рождения мы совершали ровно столько ошибок, сколько угодно было вероломной судьбе. А в нынешние времена песня—большой вызов судьбе, чем преступление. Выпьем, Шанше-батано, не нам восславлять господу постом, отец небесный давно махнул на нас рукой. Да здравствует борьба обреченных!

Амилахвари жаждал вина и, произнеся последние слова, приник к чаше губами. То, что не случилось до сих пор, может и не случиться, может быть где-то уже точат нож, чтобы зарезать кровавого вершителя судеб, может быть, грехи и ошибки уже разложены попарно, чтоб уравновесить друг друга.

Амилахвари бросил на скатерть пустую чашу и поглядел на глухие, замурованные бойницы, за которыми царили вечная ночь и молчание скрюченных, обугленных трупов. Со слепым Шанше когда-то его связывало нечто, скорее вражда, чем дружба, но в конце концов вражда тоже изнашивается, и спустя годы люди снова начинают что-то скрывать, а что-то разглашать, притворяться перед богом, самими собой и

другими или ерепениться. Хотя Шанше Эристави был мучеником, до святого ему далеко.

— Когда прохлаждаешься в тени, потягиваешь вино и ничто не нарушает мирного течения дня, кажется, будто на свете нет ни несчастий, ни опасностей, ни возмездия, ничего такого, от чего гибнут люди, сравниваются с землей города, исчезают села, ничего, что может внезапно разбушеваться, преградить тебе дорогу, вогнать в трепет, потрясти, и лишний раз убеждает, что напастей и ужасов на этом свете не убыло, а увеличилось и приумножилось.

— Что, кроме бед, видели мы на своем веку, Гиви-батону, но есть ли толк в осторожности, ею не преградишь путь беде, хоронящейся за равнодушием и беспечностью. Не столь давно брюшной тиф скопил жителей одного персидского городка, лишь одичавшие собаки да кошки бродили по улицам. Минувшей весной по Ирану прошла ужасная засуха, за ней последовали полчища саранчи, местное население до того изголодалось — человечину ели. Сколько землетрясений, наводнений, эпидемий чумы перенесла Грузия, сколько суровых зим и голода, но перед гневом природы мы бы так или иначе устояли, когда бы нас не обложили легионы кровожадных врагов.

— Если бы нам удалось продержаться хотя бы с век после царицы Тамары, отбиться от монголов, нам бы сам черт не был страшен, но монголы и их отродья сломали нам хребет. После их нашествия мы уже не росли численно, не дышали свободно. Бремя Христава креста тоже придавило нас. Персам и туркам не так трудно. Селим Первый в один день вырезал сорок тысяч шиитов, и это никак не сказалось на мощи его державы, а мы давно не выставляли на поле брани сорок тысяч воинов.

— Именно в тот момент, когда мы осознали, кто мы, что с нами, что ожидает нас, нам недостает силы.

— Не только силы, Шанше-батону, у нас нет и назначения. Никто не старается сблизиться, подружиться с нами, мы никому не нужны. Мы, грузины, отверженный народ, и только от нас зависит, исчезнем мы

с лица земли или уцелеем. Да здравствует тот, кто и в капкане лязгает зубами!

— Да нам просто выбьют эти лязгающие зубы!

— Пустое, пусть выбьют. Знаешь, некий халиф или султан повелел ловчим вырвать у пойманных львов зубы, спилить когти и выпустить в главный дворцовый парк. Зубы-то львам выдрали, однако это не помешало им сожрать нескольких приближенных халифа.

— Если прибережешь подобную байку для Надиршаха, глядишь, и сохранишь один глаз.

— Если один сохранию, ко второму никто не приронется.

Шанше Эристави уже не щерился так неприятно и жутко, как в первые минуты встречи, когда вино еще не смягчило его нутро. Беседе с самим собой он предпочитал беседу со старым соперником.

— Не перейти ли нам на роги, Шанше-батано?

— Нет, я предпочитаю пить из чаш.

Солнце склонялось к западу, зеленоватый свет становился мягче, отчетливее выступали на лице Шанше рубцы и шрамы, обступившие две черные впадины, усугубляя ужас. Роговица, зрачок, хрусталик, стекловидное тело глаз были выжжены каленым железом, глазные мышцы, веки и слезные протоки тоже повреждены. Правое веко, раздвоенное острым лезвием, коряво зарубцевалось. У наружного угла левого глаза — неглубокая оспина, выеденная огнем. У Шанше были большие, надменные глаза, теперь он не видел своего лица, и оно приводило в содрогание только тех, кто останавливал на нем свой взгляд.

— Не сочти мой интерес за праздное любопытство, Шанше-батано, но ты сам понимаешь, что из зрячих лучше всех поймет незрячего тот, кого вот-вот лишат зрения. Каким представляется слепому этот мир?

Шанше Эристави некоторое время молчал, поглаживая бороду, затем протер слепые глаза и печально ответил:

— Таким же, что и зрячим. Родись я слепым, я бы наверняка понятия не имел, что мир этот темен и для зрячих. Способность видеть предметы научила меня не большему, чем пребывание во мраке и одиночество; теперь мое внимание меньше рассеивается, мне уже не приходится соединять или разъединять то,

что воспринял глаз, поэтому, не обращая внимания на внешнее, я глубже вникаю в суть. Вникать в суть не легче и не приятнее, чем лицезреть оболочку, но имеетс^я одно неоспоримое преимущество — открыва^ется много такого, о чем раньше и понятия не имел.

— Если слепые становятся провидцами, не так уж плохи их дела.

— Я не принадлежу ни к числу тех, Гиви-батано, кто не сознает, сколь велико преимущество восприятия мира собственными глазами, ни к тем, для кого ничего не значит несчастье, вызванное слепотой, но о слепых рассказывают много чудес. Если верить преданию, «Илиаду» и «Одиссею» сложил слепой Гомер, какой-то слепой художник в Италии чувствительными пальцами на ощупь разводил и смешивал краски, создавая необычайные цвета. Один персидский хан, побывавший в Англии, недавно уверял меня, что встречался там со слепым от рождения ученым, который блестяще читает лекции по геометрии. Большинство пророков или нарочно притворялись слепыми, или действительно были слепыми. Так что дела слепых не настолько плохи, как представляется зрячим, но я в том возрасте, когда человеку трудно приспособиваться и заново строить жизнь. До гробовой доски мне хватит того, что сохранила память, что когда-то впитали мои глаза.

В прибежище, крытом шелестящей листвой, затихали людской шум, звяканье железа и сопение животных. Евнух кончил есть, выставил караулы, а остальным воинам разрешил положить под головы седла и подремать. Самый немощный и желчный из всех, он обладал большими, чем остальные, правами, и ему почему-то повиновались живее, чем юному персидскому княжичу. Тем временем и грузины закончили трапезу и прикорнули на траве. Один евнух не унимался, крутился между деревьями, отдавая распоряжения то по-тюркски, то по-персидски. Наконец он приблизился к их столу, отказался от приглашения выпить вина, но не решился сказать то, что намеревался, и молча повернул обратно. Скоро его непропорционально развитое

тело скрючилось на коврике, словно соскучилось по материнской утробе.

Как только божий шатер сморил сон, дряхлая земля, оцепеневшая от древних развалин и однообразных грез, оправилась, помолодела, отодвинулась от других и подползла к ним. Ее истерзанная драная шкура бугрилась от множества заживших и незаживших ран, но она пыталась набраться сил, выглядеть понаряднее, присоединиться к их пиршеству, послушать, о чем толкуют слепой и тот, кого должны скоро ослепить, что у грузин спорного с миром.

— Евнух пожаловал нарочно, чтобы отравить нашу трапезу, да твои слепые глаза остановили его, — заметил Амилахвари, когда понял, что никто им больше не помешает.

— Я по голосу понял, что он евнух. Может быть, его терзали страшнее, чем меня, но я не выношу их голоса и запаха. Удивляюсь, как мой брат Иесэ выдерживает при шахском дворе, что у него общего с ними. Твое здоровье, Гиви-батону! Ни с кем желаннее тебя не смог бы свести меня господь на этой дороге.

Резкие морщины на лице Эристави смягчились и постепенно разглаживались. Он уже не мог ничего изменить, ничего переделать, и если тенистые леса Ксанского ущелья сменялись зубцами Дербентской крепости, а зубцы Дербентской крепости — хорасанскими подземельями, то все происходило единственно потому, что свернуть с этой дороги ему уже не дано.

— У меня, вероятно, не хватило бы сил заново проделать этот путь и вернуться обратно, мой последний вздох растаял бы в знойном воздухе, а кости рассыпались по пустыне, — добавил Шанше, доставая из-за пазухи трубку с кисетом. В Персии он пристрастился к табаку.

— За одну провинность дважды не судят, Шанше-батону, или ты собираешься снова восстать?

Эристави улыбнулся:

— Человек моих лет, да к тому же лишенный зрения, может восстать только против самого себя, другим он не страшен. Жизнь знает, где у тебя прохулилась кольчуга, куда вонзить ядовитое жало. Вернись я с победой, меня бы встречали в дороге, кланялись до земли, но ослепленному, может статься, предъявят

больше обвинений, чем в Персии. Мое возвращение/ наверняка никого кроме меня не обрадует.

— Твоя правда, воскресшего и заявившегося домой покойника никто не жалует, но собаки всегда рады видеть хозяина. Насколько я помню, у тебя была целая свора овчарок и борзых.

— От собак не утаится, что я безглазый, однако я еще не знаю, вернут ли мне мою вотчину.

— А без вотчины какой смысл тебе жить?

— Придется обрести то, на что ушла вся моя жизнь.

Шанше Эристави всегда мнил себя маленьким царьком и о возвращении удельного княжества говорил так, как о восхождении на трон. После разгрома и ограбления единственным достоянием грузин осталась родная земля, и они держались за нее зубами.

— Что же ты будешь делать, если тебе не вернут земли?

— Не знаю... В Картли новый царь и владыка. Теймураз меня уважает, это он выпросил у Надир-шаха мою голову, может статься, и земли вернет.

Шанше напрасно сетовал, что ему трудно приспособиться. Он лучше зрячих различал людей по голосу, неторопливо, без промаха брал со стола куски хлеба, сыра, мяса, дотрагиваясь до чаши, безошибочно определял, полна та или нет. За все время, что они вместе, он крошки не выронил, капли не пролил. Натура брала свое. Слепой Эристави продолжал оставаться мужчиной, увечье почти не было заметно.

— Когда-то ты предпочитал вовсе не иметь царя, — сказал Амилахвари таким тоном, словно был чем-то раздражен.

— Безначалие предпочтительнее никчемного царя. Наше несчастье в том, что мы недооцениваем собственные недостатки и переоцениваем достоинства; виноватые, мы все упрямо считаем себя правыми. У нас ни бог не похож на бога, ни государство — на государство, ни человечность — на человечность. Мы растрачиваем себя все. Уж коли мы плюем в лица

святым, коли во всем видим подозрительное и совершенно не верим друг другу, надо по крайней мере иметь силу разбить старых идолов и избавиться от повального обмана.

Амилахвари понял, о каких идолах говорит Шанше, от какого обмана призывает избавиться, но он знал, что разрушение идолов зависит от времени и условий жизни, а вовсе не от желания. Стремление к безграничной свободе лишь озлобило его, лишило рассудка, поэтому он не стесняясь спросил:

— Избавление от повального обмана не подразумевает ли сожжение соседской семьи вместе с детьми и женщинами?

Эристави отпрянул и насупился. По игре желваков на скулах было заметно, что вопрос больно задел его.

— Я сражался с врагом, а мой сосед помогал ему да закатывал пиры. Разве не он предал детей и женщин, разве не он погубил свою душу прежде меня? Кто тянул его за язык, кто, кроме него, знал моих племянников и невестку? Ему бы посторониться, дать дорогу беглецам, за это никто бы не притянул его к ответу, ан нет... Мы по-другому не можем, у нас в крови коренится предательство. Страх и ненависть не вытравятся из нас до той поры, пока предатели будут убеждены, что не понесут наказания за свои мерзости. Если бы все сводилось к одному-двум лицам, я бы не стал тратить слов, но злодеяния, безответственность, безнравственность портят народ, и он пасует перед нуждой, перед физическими и душевными муками.

— У нас у всех руки в крови, все мы страдаем одним недугом, но между убийством и зверством большая разница.

— Жизнь устроена так, Гиви-батано, что как бы ты от нее ни отрецивался, от сознательного или невольного убийства тебе все равно не отвертеться, а если сражаешься во имя дела или цели, должен ожесточиться, как никто до тебя. Человек человеку либо раб, либо кровный враг, отрицая убийство или жестокость, он отрицает жизнь. Суровый приговор вынес я себе в тот день, когда замыслил восстание. Поэтому я не имел права ни расслабиться, ни щадить врага и изменника.

— А чем тебе не угодил Бардзим Эристави, ведь он добровольно вышел из крепости и сдался на твою милость?

Шанше поежился.

Стоящие поодаль караульные, не спуская с них глаз, нескромно почесывались. Одних развлекало, как эти двое сидят лицом друг к другу и пьют вино, других раздражало. Некоторые радовались, что какого-то зазнавшегося грузина везут на расправу в Персию, по пути при случае можно будет завернуть в родные места, повидаться со своими; некоторые досадовали, что их оторвали от прохлады и беззаботного житья и швырнули в эту пустыню.

— За все, что я сделал, теперь трудно держать ответ, Гиви-батону. Тогда во мне кипело одно желание — сурово наказать каждого, причастного к тому злодеянию, чтоб другим неповадно было. Моя вина, вероятно, состояла и в том, что я нанял лезгин и разорил Картли, но своими силами я бы не справился с Уртурти, он бы выскользнул у меня из рук, спрятался за спину персов, а я предпочитал умереть, чем уступить или простить ему. Если бы мне не удалось отомстить, я бы собственной рукой перерезал себе глотку.

— Но... но дети? Как ты мог сжечь детей?

— Во-первых, не такие они были дети, как расписали потом; во-вторых, если бы Уртурти сдался, я бы пальцем не тронул этих подростков. Наши враги не только пришельцы, Гиви-батону, но иной раз и время — враг. Время не ждало, промедление было подобно поражению. Кизилбаши готовились вторгнуться в ущелье Арагвы. В той бойне либо я должен был пасть, либо Уртурти, либо предатель, либо тот, кого предали.

— Как бы ты запел, если бы после Ксовриси Вахтанг обошелся с тобой подобным образом?

— Когда царь не столько глава государства, сколько источник распрей, каждый вправе поступать так, как считает необходимым.

Им уже ничего не подавали, но стол не скудел, вино и посуда украшали его больше, чем разнообразие блюд.

— Послушать тебя, Шанше-батону, так во всем виноваты судьба или другие. Скамье подсудимого ты предпочитаешь судейское кресло, так легче живется. Вот уже сколько веков нас все глубже затягивают тягчайшие грехи, мы губим жизнь в безрезультатной борьбе, соперничестве, да еще негодуем на мир, а когда у нас иссякают силы, мы, бывшие противники, елеино встречаемся друг с другом. Вся Грузия обвиняет тебя в зверствах и безрассудстве, ты меня — в измене, грузинские князья Теймураза — в захвате трона, он их — в коварстве, а Надир-шах считает нас всех бунтовщиками и посредниками дьявола. В такой мешанине трудно отличить правого от виноватого; правда или покоряется силе, или ее столько же, сколько листьев вон на том дереве; но раз нас всех ждет одна участь, раз ни один из нас не может избежать обвинения, то мужественному человеку следует продолжать делать свое дело, а не будет иного выхода — достойно уйти.

— Если мужество и честь, мужество и справедливость, мужество и ненависть к врагу — не однозначные понятия, тогда какое значение имеет, достойно ты уйдешь из жизни или нет?

— С точки зрения вечности, безусловно, никакого, но жизнь и поступки человека судят люди, поэтому настоящему мужчине не к лицу, чтоб его покрывали позором и выбрасывали в отхожее место. Мы, грузины, такого не заслужили, ибо на пути к нынешнему состоянию прошли все круги ада. Возможно, что богу я не нужен, возможно, и миру я не нужен, но коли я родился, коли у меня есть душа и голова на плечах, я вправе ополчиться против бога, государя, бытия.

Амилахвари с угрожающей улыбкой посмотрел на небо, но зеленый покров не пропустил взгляда. Листья на деревьях трепетали и шелестели, будто беспрерывно ткали тени и устилали ими землю. Деревья еще могли складно шелестеть, наряжать тот клочок пространства, откуда изгнали бесплодие, но через несколько месяцев ветер раздерёт их одежду, развеет лохмотья по пустыне, и они, ограбленные, наверняка будут противостоять одно другому точно так же, как он и Шанше Эристави.

— А у вина не изменились ни цвет, ни вкус. Мои верные крепостные навалили мне целую арбу прови-

зи, провожали с плачем и причитаниями, но ни один, кроме молодого азнаура, не вызвался сопровождать меня в Персию. Хотя что им за меня костями ложиться, они мне ничем не обязаны, это я перед ними в долгу, — сказал Амилахвари, подавая Шанше вино.

— Не знаю, чем объяснить, случайностью или моим взбалмошным характером, но судьба всегда больше благоволила к тебе, чем ко мне, Гиви-батону. Ты шествуешь по этой дороге так, словно в Персии тебя ждет не наказание, а слава и почет. Я мечтал о глотке воды и куске хлеба, за тобой идет целый караван верблюдов, нагруженных вином и провиантом. Я был в цепях, ты гарцуешь на коне. Мне не позволяли в сторону взглянуть, тебя почти не охраняют. Что сказать о провидении, которое так раздаривает блага и невзгоды?

Золоченая трубка придавала Шанше Эристави степенный вид, но Амилахвари потешали и курение, и струйки дыма, выпускаемые изо рта.

— Судьбе необходимо, чтобы ей вовремя помогли и вовремя помешали. Кому это не удастся, тот чаще проигрывает.

— Оба мы проиграли. Разница между нами одна — меня уже ослепили, тебя ослепят несколько позже.

— Для приговоренного и «несколько позже» тоже время, Шанше-батону, прежде чем оно истечет, земля может вывернуться наизнанку.

— Когда-то и я так считал, но в беде больше уповаешь на чудо, нежели на свои силы.

— Ты и бежал в расчете на чудо?

— До камышей и реки было рукой подать. Успей я нырнуть, возможно, сейчас между нами не было бы никакой разницы.

— Если бы ты не устраивал побег, а дождался возвращения в Персию Надир-шаха, глядишь, вместе с головой сохранил бы и глаза.

— На Надир-шаха не только я, родной сын не надеялся. Палач, который выкалывал ему глаза, оказался неуклюжее моего, и лекарям пришлось изрядно потеть, чтобы спасти ему жизнь.

— Шах, видимо, решил размножить безглазых ядовито ухмыльнулся Амилахвари, и это слово которое постоянно срывалось с языка, превратило радный шелест листьев в угрожающий шепот, отравило вкус хлеба, пропитав его горечью. Он не ведал, доставят его сначала к шаху или бросят сразу в лапы палачу и ослепят, не дав и слова вымолвить. Никто и никогда не находил с палачами общий язык, не найти и ему... Уже в дверях он услышит вой и стоны предшественников, закопченные жирным дымом стены сокроют следы истязаний, и его выведут за руку или вынесут на руках оттуда, куда он войдет без посторонней помощи. Для Шанше все это в прошлом, и нетрудно заметить, что он не сможет забыть ничего.

Амилахвари предпочел не заглядывать вперед, а налить вина и не думать о том, что хлеб может стать горше полыни.

— Мы существуем в такое время, Шанше-батано, когда вокруг все грешат и не понять, кого обвинять, кого оправдывать, кто виноват — ты сам или другие. До такого состояния люди доходят, когда на них обрушивается величайшее несчастье или когда им грозит истребление. Наше спасение в четком размежевании греха и благодати, необходимо измерить и взвесить все. Нас, грузин, чересчур мало, мы разобщены, и если мы начнем враждовать друг с другом, то скоро нам уже нечего будет делить ни с другом, ни с врагом, — сказал Амилахвари и, не держи он в руке чашу с вином, выругался бы последними словами.

— Посему мы должны прощать все и себе и другим, не так ли?

— Себе ты такое простил, что другого давно бы в гроб вогнало. Правда, ты свое получил и все-таки не принадлежишь к числу тех, кто имеет право требовать четкого размежевания греха и благодати. Для этого мы с тобой не годимся. Никому не удастся отделить жизнь от содеянного, и ничто не имеет ни собственного начала, ни собственного конца. Если иметь в виду общее дело и будущее, никому ничего не надо прощать, но только надежда на лучшие времена временно воодушевляет народ, заставляет его проливать реки крови, но затем он устает, разобщается настолько, что все перестают понимать ближнего. Возвысившиеся захва-

тывают и присваивают награбленное, кому не повезло, смиряется с судьбой и начинает скучать. Мы потопьем столько вина и поем, что смотрим в грядущее то со страхом, то с отвращением.

Однако вместо отвращения на лице Амилахвари проступило нечто вроде угрозы.

— Что дела наши плохи, это не новость, Гиви-батону, но жизнь идет своим чередом, и пока мы существуем, пока считаемся народом, мы обязаны сами упорядочить свое запутанное существование. А упорядочить его невозможно, доколе все мы не наметим одну цель, не согласимся подчиниться единому закону, — вяло проговорил Эристави, словно никуда не спешил.

— Я готов подчиниться самому суровому закону, если это хоть немного поможет Грузии, Шанше-батону; но там, где закон безмолвствует, прав победитель и неправ побежденный; где закон непреложен, прав тот, кто знает, как применить его, кто может выиграть дело в суде, и виновен тот, кому это не удастся; однако там, где человек противостоит творцу и судьбе, где деяния человеческого рода должны взвешиваться на точных весах, правым не может считаться никто, даже сам отец небесный. Как должно идти по жизни, чтобы никому не нанести вреда, с какого конца приниматься за дело, чтобы никого и ничто не обрекать на жертву, как совместить свой взбалмошный характер со стремлениями и взбалмошными характерами других, как втиснуть в один закон то, что не лезет ни в какие рамки, ведь даже благое, праведное деяние порой оборачивается несчастьем. Твое восстание унесло столько жизней, сколько грузины не теряли в иной войне, и у меня погибло без счета воинов и добрых слуг, но когда беспризорная страна погружена во мрак, кто-то обязан приложить все силы, чтобы разогнать его, пусть для этого пришлось бы пролить море крови. Не прояви ты безрассудства, не сожги с помощью лезгин семью Уртурти Эристави, сегодня вся Грузия приветствовала бы тебя как героя-мученика.



— Вроде того, каким ты считаешь себя, не так ли?
— поинтересовался Шанше с улыбкой, яд которой
был цвета выжженной степи.

— Я грешен не меньше тебя, Шанше-батано. Тех грехов, что я взвалил на себя, хватило бы десятку людей, чтобы прямехонько отправиться в ад; я не чурался клятвопреступления, убийства, я отрекался от бога, сражался и с врагами и со своими, но никогда я не был безрассудным и неприветливым, что нам, грузинам, не к лицу — мы не персы, не османы и не лезгины. Верно, нам недостает силы и животной привязанности к жизни, но мы никогда не были покорными рабами других, завоеватели не превосходили нас ни просвещением, ни воспитанием, ни человеколюбием. Мы поднимались против могущественных врагов не потому, что не было иного выхода, что не могли прийти к разумному соглашению с ними, но и потому, чтоб не выродиться, не утратить религии, языка, характера, всего того, что делает грузин грузинами. Чужаку, постороннему наблюдателю все происходящее у нас представляется темным, ему трудно распутать клубок стольких противоречий и необъяснимых поступков, свести концы с концами, но это не удивительно, не прискорбно и не постыдно. Никто не смеет попрекнуть нас — нам никто ни в чем не помогал, мы не растрачивали чужой крови и чужого достояния. Мы крутились как умели, как подсказывали нам нужда и разумение. Некоторым может даже показаться, что мы сами себе враги, не стараемся объединиться, сплотиться, восстановить разрушенное, утвердить правопорядок, одним словом, порадеть о стране и собственном благополучии, но, может быть, мы лучше других понимаем, что как бы мы ни сплачивались, ни объединялись, нам все равно не отразить натиска наседающих со всех сторон врагов; может быть, мы потому ничего не строим и не приводим в порядок, что грабители в один день развеяют в прах плоды нашего труда; может быть, настало время, когда безопаснее быть последним нищим, чем богачом; может быть, мы потому разобщились и обособились, что предпочитаем, чтобы вместо монолитного государства враг имел дело с десятью государствами, с десятью царями и князьями; может быть, нам выгоднее проиграть сотню местечковых боев, чем

десяток сражений государственного масштаба; может быть, упрямство и упорство вернее погубят нас, чем вышучивание чего-то, обесценивание, попустительство. Будь мы великой нацией, будь мы в силах покорять других, ничто бы не препятствовало нашему объединению, но мы боремся за существование, за самосохранение, и все, что мы делаем, плохо ли, хорошо ли, подчинено только этой цели. Мощная держава с многочисленным населением всегда предпочитает свести счеты с врагом на поле брани, а слабая страна старается распылить силы врага, ударить из засады в какой-нибудь теснине, ибо конечный успех зависит не от одной победы или поражения, а от выносливости. Поэтому зачастую трудно сказать, что предпочтительнее — защищаться или нападать, кто раньше будет стерт с лица земли — завоеватель или завоеванный. То, что мне известно о прошлом, убедило меня в одном: раньше слабых, завоеванных народов уходили в небытие именно те народы, которые, потрясая оружием, лепили мировые империи и повергали в ужас соседей.

Амилахвари не был похож на отверженного, замкнувшегося в себе человека. Он держался так, как ему хотелось, как считал нужным, говорил именно то, умолчать о чем было бы невозможно.

— Если бы мы не пожирали друг друга, не предавали, нам бы не в чем было упрекнуть себя. Вместе мы или порознь, победители или побежденные, сомнения и подозрительность не отравляли бы наше существование, не лишали нас рассудка, не толкали на такое, что и переварить трудно, — возразил Шанше Эристави и почувствовал, что хмель одолевает его и он не может высказаться так, как ему хочется.

— Напрасно ты думаешь, Шанше-батано, будто вражда, измена, зависть, вероломство присущи только грузинам. Греки, к примеру, острее нашего испытали на себе следствие всех этих свойств человеческой природы, они даже создали богов и богинь, олицетворяющих их, — одних возвели на пьедесталы, других высекли на каменных стенах. Стоит ли удивляться, что голодный завидует чужому куску, когда цари несвободны от зависти, что сосед опасается соседа, когда

священнослужители и те недоверчиво и подозрительно косятся друг на друга? В какой стране не бывает братоубийств, борьбы за трон, вражды, разбоя, погромов, воцарения преступника и казни безвинного? Не мы учили византийцев, арабов, персов сдирать кожу с живых, сажать на кол, выкалывать глаза, а они — нас, не мы отнимали земли у соседей, а они — у нас, не мы жиреем на награбленном, а наши враги. Не существует таких пороков и преступлений, которые были бы присущи только нам, которыми отличаемся только мы. Между нами и другими народами единственное различие — мы переживаем тяжкое время, нам невероятно трудно, а тому, кто попал в водоворот, не до бога, не до нравственности, такая роскошь им не по карману. Их единственная цель — выкарабкаться, все равно за счет чего. Припомни исторические хроники персов и турок, они не потому поносят нас, что мы никчемны, но потому, что мы не покоряемся их воле, отравляя жизнь шахам и султанам. Который век они обрушиваются на нас, завоевывают почти каждый год, но все еще не завоевали.

Небо было по-прежнему чистое, пышащее зноем, но почему-то все меньше лучей пробивалось сквозь листву. Может быть, льющий снаружи свет затмевало расцвеченное винными искрами настроение, или зеленый остров переместился и приблизился к краю небосвода. Шанше Эристави не мог этого видеть, но и Гиви Амилахвари не обращал внимания на то, что изменилось вокруг, двигалось ли время вперед или топталось на месте. Столько вина, сколько сегодня, он не пил со дня отъезда из Тбилиси, столько слов, сколько произнесено сегодня, он не истратил за всю дорогу. Пространство, которое он мерил то взглядом, то шагами, трещало и обрушивалось на него, но у него не было ни малейшей охоты гибнуть среди развалин, приносить в жертву чужакам то, в чем нуждалась его родина.

— Будь я на месте обвинителя, я бы наверняка не придавал ожиданию столь большого значения, как придаю сейчас, — продолжил Амилахвари; Эристави наострил уши, чтобы вникнуть в скрытый смысл слов, — я бы все объяснил неизбежностью и счел бы правильным, но между обвинителем и обвиняемым

примерно такое же расстояние, как от одной крайней точки земли до другой. Может быть, эти крайности делят землю на две части, и одна принадлежит лежит тому, в чьих руках правосудие и кому нечего искать, а вторая — тому, кто добивается правосудия и не может добиться. Мое положение было бы более прискорбным, если бы правосудие оказалось в руках чиновников и суда, но меня требует к ответу один человек, правда, мой обвинитель — полновластный шах и крутой повелитель, однако я предпочитаю иметь дело с одним человеком, чем с оравой пригревшихся в судах чиновников.

— Мусульмане, да, вероятно, и сам Надир-шах по сей день недолюбливают кадиев и их подначальных. В Персии все еще не разграничены правомочия судей и власть имущих, тем более в случаях, касающихся государственного преступления. Если ты не уплатишь налог или украдешь, тебя, разумеется, не потащат к шаху, но казнить или помиловать мятежника целиком в его власти.

— Говорят, что перед шахом все трясется от страха, он в каждом видит заговорщика или изменника.

— Нигде не гнездится столько страха, призраков и злых умыслов, как во дворцах.

На изумрудном, волнующемся ковре возникали и исчезали светлые пятна. Ветерок расправлял крылья, набирая силу, чтоб превратиться в ветер. Амилахвари слегка затуманенным взглядом окинул дорогу, и на лице его промелькнуло нечто такое, что он старательно скрывал до сих пор. Ему, хмельному, казалось вымыслом и существование этой дороги, и встреча с Шанше Эристави, и легкость высказанного, и тяжесть утаенного. Во сне все расположилось бы по-иному, чем в действительности, и, возможно, ему бы померещилось нечто такое, что превратило бы невозможное в возможное или обвинило, или оправдало бы всех.

Евнух вдруг приподнял голову, потом встал. Его резкий голос в задремавшем мире прозвучал словно внезапное карканье ворона. Мусульмане и грузины вскочили, заторопились к коням, к верблюдам, к реальности. Все смешалось, замельтешило, загалдело.

Дорога требовала снарядиться, вооружиться, оправить одежду, взбодриться, но суета других не трогала Амилахвари и Эристави. Они продолжали пить и беседовать до той минуты, пока не свернули скатерть и не унесли седла, на которых они сидели. Взнузданные кони перебирали ногами, погонщики сгоняли нагруженных верблюдов, воины обвешивались оружием. Всё и все двигались, и в этом движении улавливались поспешность и нетерпеливость.

— Ты ничего не хочешь передать в Грузию, Гиви-батано?

— Нет, я предпочитаю возвращение.

Молодой азнаур подвел Амилахвари оседланного коня и подал уздечку. Незрячему и пока еще зрячему настала пора прощаться и разъезжаться.

— Если бы наши дороги не расходились, если бы мы вместе возвращались в Грузию, у нас бы ничего не осталось недопитым, недоеденным, недоговоренным, Шанше-батано, но коль скоро на свете существуют палачи, приходится подыскивать жертву, и на сей раз судьба обрекла меня, — сказал Амилахвари и похлопал коня по плоской скуле.

Эристави усиленно дымил, потное лицо его еще больше покрылось пятнами.

— У обреченного иные голос и смех, Гиви-батано. Ты или надеешься спастись, или не представляешь всего ужаса предстоящего.

Амилахвари оглядел вороного жеребца Эристави, невольно дивясь, каким образом достался калеке такой красавец.

— Я смотрю на предстоящее не как на закономерный результат определенных явлений или возмездие за грехи, а как на судьбу, истинной сути которой никто до сих пор не постиг.

— Судьба не любит ждать и откладывать, иначе не было бы столько недовольных ею.

— Если бы я не был привычен к злосчастью, если бы отчаивался от каждого призрака опасности, я бы не пустился в этот путь, а, как ты говорил, собственноручно перерезал бы себе горло, но сколько раз смертоносные пули просвистывали мимо, сколько опасностей и наказаний миновали меня, может быть, бог помилует и на сей раз.

— Ты слышал грузинскую сказку, где бывалый поучает неискушенного: «Немало довелось мне повидать уходящих, но вернувшихся — ни одного?»

— В грузинской сказке один обязательно возвращается, может быть, этим одним окажусь я. Прощай, Шанше-батано, коли доведется ехать обратно этой дорогой, непременно припомню твои слова, — сказал Амилахвари с двусмысленной улыбкой человека, договорившегося с судьбой, и легко вскочил в седло.

Там, где его поджидали, он не встретит покладистых и мягкосердечных, никто не замолвит за него словечка. Эта мысль, исподволь растравляя, тенью сопровождала его из Грузии, но подобная отравка не могла одолеть его могучее тело, не могла обессилить его настолько, чтобы он изменил самому себе.

Грузины распрощались и разделились на две группы. У направляющихся на запад было совсем не то выражение лица, что у тех, чей путь вел на восток. Амилахвари тронул коня и, когда выехал на пыльную дорогу, безболезненно оставил в прошлом скрывшийся за спиной зеленый остров.

Склонившееся, красноватое по контуру солнце таяло тяжесть, не удерживаясь в ясном небе. Каждая кривая или ровная линия обретала первоизданную четкость, сияясь восстановить стертые границы. Сейчас можно было дышать так, как дышала земля, сгладить противоречия, вклинившиеся между ним и временем. Может быть, и земля тянула из темных, прохладных винных подвалов преисподней бодрящий, благодатный сок до тех пор, пока не захмелела, ведь и она была создана кем-то, тоже ни о чем не спрашивавшим ее и ничего не объяснявшим ей.

Поднятая дорожная пыль свертывалась облаком и тащилась следом за удалявшимися Шанше Эристави и его спутниками. По сравнению с Шанше у него было одно явное преимущество. За опального Эристави никто не заступился, а с ним Теймураз отрядил Соломона с посланием Надир-шаху, в котором просил помиловать его. Если бы шах считался с просьбой Теймураза, он бы не направил в Грузию двух этих ханов, но повторная чело-

битная царя и царицы тоже кое-что значит, она подмечает его близость ко двору и неприкосновенность. Прежде чем передать такого человека палачу, взвешивают возможные последствия. Теймураз, разумеется, не станет из-за него враждовать с шахом, но властелин Персии не очень-то доверяет грузинам.

Желтая и голубая поверхности, похожие на две разноцветные, опрокинутые одна над другой чаши, то сближались, то расходились, и тогда в гигантский зазор меж их краями вместе с яркостью немеркнущего огня врывалась и ночная тьма. Потом желтая чаша, пошатываясь, сдвигалась и края ее подтачивались на глазах, словно кто-то обгрызал их острыми зубами. Не будь он пленником, он бы стегнул коня, пустил в галоп, взъярил в надежде преодолеть бескрайнее пространство, и пусть не все, но донес бы до обгрызанных краев хоть то, что у него оспаривали; однако, стоит ему ожечь коня плетью, как все за спиной загикают, загалдят, схватятся за оружие, пустятся в погоню, и сколько потом ни доказывай, что не думал бежать, все равно никто не поверит.

Амилахвари положился на волю коня, и когда небо слилось с пустыней настолько, что стало невозможно выделить его, понял, что из расчлененного времени снова вывалилась действительность... Крепость была повреждена, стена рухнула, но полуразрушенную крепость еще надо захватить, и Теймураз лишнему кровопролитию предпочел выполнить его очередное условие — вызвал из Тбилиси царицу Тамару. Он потому хотел встретиться с Тамарой, что та была доброй, разумной женщиной, трон Картли принадлежал ей по наследству и, главное, она легче, чем Теймураз, находила общий язык с Надир-шахом. Наперед трудно было предугадать, как после его пленения обойдутся с ним персы и враждебно настроенные грузинские князья, но что бы они ни предприняли, какие бы ни выдвинули обвинения, царица никому не позволит казнить его без суда, удавить, как собаку, заслонит его. Поэтому вид разрушенной стены уже не ужасал. В широкий проем лился густой поток света и ложился на правый угол противоположной стены, смягчая угрюмость камня; воины слонялись без дела, понимая, что на накренившемся корабле с проломанным бортом долго не про-

держатся, но нетерпения не выказывали и из крепости не разбегались. Только один кряжистый азнаур с того берега Куры подошел к нему, сидящему на камне, и упрямо спросил:

— Что делать-то будем, Гиви-батано?

Азнаура пуще рукопашного боя страшили тишина, ожидание и неизвестность.

— Битва проиграна, мой Георгий, теперь одна забота — как можно меньше жертв.

— Сдадим крепость, вот и жертв будет меньше.

— Спешить некуда, в уплату за нашу покалеченную крепость можно выторговать несколько голов. Пока есть хоть малейшая возможность заключить мир с врагом, сдаваться глупо.

— Мне-то хоть удастся сохранить голову на плечах?

Хотелось ответить, что твоей дубовой башке грош цена, но он предпочел избавиться от этого неотесанного чурбана, чем продолжить с ним разговор:

— Не бойся, пока я жив, твоей голове ничто не грозит.

Недовольных хватало, но ни один не осмеливался держаться так вызывающе. У него еще было достаточно сил, чтобы обуздать непокорных.

На том месте, где в прошлом году состоялась его встреча с Теймуразом, поставили белоснежный, достойный царицы шатер. Живительный воздух Сурами очистился от порохового дыма и пыли. Легкий свод небес, изумрудные поля и леса, казалось, призывали людей забыть прежние распри, смеяться, радоваться, жить в согласии, но зов природы, видимо, не достигал ушей тех, кто ждал его под горой. Хотя чем могла заполнить растроганная, разжалобившаяся вселенная оставшиеся позади следы ступней и колен, чем могла сковать души тех, кому не терпелось согнуть и растоптать его душу? Пока что он видел только раскинутый белый шатер и нарядных, вооруженных врагов, которые готовились торжественно встретить его...

Тень, следовавшая за ним по пятам, вытянулась настолько, что пересекла дорогу и выползла в открытую степь. Амилахвари ощутил недолговечность ка-

тившегося к сумеркам дня, ссутулился и поник. Проволгая рубаха липла к потному телу, но он не мог сменить нательное до тех пор, пока по дороге не встретится постоянный двор или караван-сарай, пока он не укроется за стеной, дверью или занавеской. Где-то он читал, что багдадские халифы перед казнью наряжали преступников в новые, роскошные одежды и под рев труб и грохот барабанов вели на площадь Эль-Мансур, где безмолвный, как статуя, палач в красной джубе без рукавов поджидал жертву. Для халифов казнь преступников являлась не только исполнением приговора, но и захватывающим зрелищем. С тех пор, что и говорить, утекло много воды, многое переменялось, жестокость правителей удесятилась, но публичные казни и примирение кровных врагов не утратили привлекательности.

...В то утро он облачился в расшитую золотом чоху, с аппетитом позавтракал и безоружный вышел из крепости. О самозащите или возвращении назад излишне было и думать — у него не оставалось сил притворяться. Раз судьба обманула его, лучше подчиниться ей и своими ногами пойти к тем, к кому после пленения его поволокут насильно. Слова, улыбка, ясность и определенность мысли несколько сгладят острые углы, направят все по новому руслу, облегчат грехи, вступят в силу преувеличения взаимоисключающих событий, попытка оправдаться, на что каждый смертный имеет законное право, потому что никогда виновным не был только тот, кого обвиняют.

Такая надежда поддерживала его, пока он шел к шатру. Однако он не пренебрегал и другими соображениями, особенно одним очевидным, в весомости которого не сомневался, — Тамара и Теймураз подчиняются неизбежному, но они не меньше его ненавидят кизилбашей и поэтому не поступят вероломно и бесчеловечно с поднятым рукою на персов, не предадут его смерти, а будут выгораживать, пока Надир-шах не потребует казнить его или переправить в Исфахан. И при этом, и при ином исходе время смещалось к рубежам неведомого, давало возможность пораскинуть мозгами и приспособиться к новой опасности. Только в одном мог упрекнуть его Теймураз — почему после

его воцарения он не сложил оружия, но он найдется, как ответить на такое обвинение...

Дорога свернула вправо, пошла на подъем, направляясь к скалам. Далеко, у края неба, голая гранитная стена колебалась в текучем воздухе, как тяжелый, складчатый занавес, постепенно темнела и скрывала лежащую позади нее страну с реками, лесами, селениями и городами, скрывала все, что жаждали видеть утомленные, покрасневшие от бессонницы его глаза, что вечно было спорным, что приходилось выпрашивать или присваивать силой, но сейчас у него нет права ни спорить, ни присваивать. Сначала следовало переварить то, за что тянут его к ответу.

...Царь и царица оказались не одни: в шатер набилось множество картлийских и персидских вельмож. На него неприятно подействовала вся эта толпа, ему не хотелось в присутствии свидетелей говорить то, что он приготовился сказать, но он и бровью не повел, и улыбающиеся губы не дрогнули. Более широкоплечего и представительного не было никого среди собравшихся. Может быть, это и явилось причиной того, что мужчины встали и усталились на него. Он должен был первым произнести слово на этом сборище высокородных князей и ханов, сделать первый шаг, но прежде чем сдвинуться с места, надо было на ком-нибудь остановить взгляд, и он выбрал царицу, и тогда все превратились в простых очевидцев.

Тамара уже стала бабушкой, у нее было двое или трое внуков, и все же она выглядела молодой и привлекательной. Ей подходило сидеть на троне и управлять государством. Миловидное лицо, несколько мужской лоб и умные, повидавшие немало несчастий глаза пресекали дорогу злу и жестокости, призывали безрассудных к терпению и разуму. Она сознавала себя не только владчицей Картли, но и главой огромной общины, ради прокормления, защиты и укрепления которой не щадила себя, заступаясь за грузин и дома, и на чужбине. Поэтому большой и малый благоговели перед ней, каждого нуждающегося она старалась пригреть под своим крылом. Именно она, а не Теймураз, выпросила у Надир-шаха Шанше Эривани.

Он никогда не был скованным и неловким, и сейчас смело, не глядя по сторонам, двинулся к трону. Тамара была для него не только царицей, но и сестрой, родственницей и другом детства. Сколько раз они играли вместе, сколько раз ссорились и мирились. Сегодня им предстоит помириться еще раз, и он был уверен, что царица не отвернется от него, не бросит на произвол судьбы. Прежде чем начать говорить, он опустился на колени перед Тамарой, поцеловал подол ее платья и, сняв с груди украшенный самоцветами животворящий крест, преподнес ей. Лишь после этого по шатру разнесся его сильный, резкий голос. Он говорил о роковом несоответствии между миром и существованием, о свободе, о переоценке возможностей и заблуждениях; говорил, не обвиняя ни себя, ни других, никому не бросая вызова, никому не противопоставляя себя: столпившиеся в шатре вельможи должны были воспринять его раскаяние не как признание вины, но как еще одно проявление его неукротимого нрава. Так и вышло. Смелость, способность встречать жизнь лицом к лицу, сила гладкой речи настроили знать в его пользу. У царицы просияли глаза, Теймураз косился в сторону, а персидские военачальники окончательно уверовали, что решать его участь не их дело.

Чтобы встреча с противником носила характер примирения, а не пленения побежденного, он потребовал от царя и царицы гарантии его неприкосновенности с клятвой на образе, что они ни словом, ни делом не повредят ему. Теймураз поморщился, но Тамара, не раздумывая, встала с трона и послала за иконой, и, когда ту принесли, преклонила перед святым образом колена, трижды повторила клятву и приложилась губами к окладу. Скорбь, вызванная поражением, опять сменила обличье, опять преобразилась в торжество. Картлийские князья пожимали ему руку, поздравляли с примирением с царем и царицей. Тамара и Теймураз приказали накрывать стол, тут же решили назначить его сахлтухуцеси и помирили с персидскими ханами. Поля, лесистые склоны гор, все, на что с вышины взирало замершее небо, дышало надеждой, стремилось вместе с ним к вечности, помогая забыть несчастье и поражение. Земля, вмещавшая в

себя всю грязь и чистоту, все зло и добро этого мира, не давила на сердце, а стлалась под ноги, вдалась новым дорогам, опасностям, радостям и горестям.

Тбилиси встретил его звоном колоколов, пронзительными голосами и изнуряющей жарой раннего лета. Город вырос, ожил, отвык от скрытности и поста. На улицах вместе с тюркской и армянской речью слышалась и грузинская. Черные глаза и смуглая кожа уже не преобладали над голубыми, карими, серыми глазами и светлой кожей. Все храмы были восстановлены и украшены, все дома с кровлями и полны жильцов. Из мастерских доносился перестук молотков, скрип токарных станков, громкий говор ремесленников. К базару вереницей тянулись вперемешку верблюды, лошади, ослы, люди, собаки, надежда, безнадежность, желание приумножить состояние и мечта о куске хлеба. Живительная ясность дня воодушевляла толпу, наделяя ее щедростью и крикливостью. Город подчинялся издавна заведенному распорядку, но из окон каждого дома выглядывал Восток, каждый свод был закруглен, как полумесяц; Восток, высосав из Грузии все лучшее, насильно навязывал свой дух. Вместо чох горожане рядились в темные, широкие одежды, в духанах вместо бравых грузинских песен простуженными голосами тянули пропитанные восточной тоской пронзительные баяти, задиры поносили друг друга по-тюркски или по-персидски чаще, чем по-грузински. Грузины все еще не решались сняться с земли и перебраться в город, потому что измена земле приравнивалась к предательству родины. Только церковь избежала восточного духа и гнусности. Ислам не мог сокрушить и выкорчевать крест...

Амилахвари не надо было оборачиваться, чтобы понять, кто с кем рядом едет, кто с кем разговаривает. Иногда до его слуха доходил даже смысл произнесенного за спиной. Евнух рассказывал бесконечную историю, вспоминал детство, борьбу за трон, поражение, оскпление, изгнание и дни, проведенные в Стамбуле, Бейруте, Дамаске, Каире, встречу с пиратами в Средиземном море, пост посланника, возвышение,

несправедливую опалу, потерю поместий, возвращение и новое возвышение. Больше всех он был признателен Надир-шаху. Звяканье верблюжьих бубенчиков и безбрежное безмолвие безводных степей гармонировало с неприятными звуками, действительность рядилась в личину потустороннего, предлагая усталым и обессиленным темное убежище. В это убежище и людям, и лошадям полагалось входить зажмурившись, но темнотой он успеет насладиться после того, как его лишат глаз...

Тбилиси не считал его возвращение ни унижительным, ни удивительным, город встретил его как блудного, безрассудно смелого сына. Горожане громко приветствовали его, князя приглашали на обед, в заранее выкупленном дворце его ждали жена и близкие, возлагая на него все надежды. Он вновь стал незаменимым человеком, с которым необходимо считаться, бурное море не смогло поглотить его, увлечь на дно, но сердце его обливалось кровью — из четверых детей не осталось ни одного, и род его должен пресечься. Земля, земля и одиночество стали его уделом на этом свете, его наследниками и поверенными. Может быть, Натия все еще украшает шахский гарем, может быть, она смирилась с невыносимым и увяданию предпочла расцвет, но супруга Надир-шаха была для него потеряна и телом и душой. Вторая дочь, возлюбленная и невеста царевича Ираклия, скончалась до замужества, а двое несовершеннолетних сыновей погибли во время восстания. Вот почему он не мог оставаться с женой наедине, разговаривать с ней. Как она могла не спасти хотя бы одного сына, вырвать его из когтей смерти? Может быть, в тот день, когда погребали его мальчиков, он пил вино или проливал кровь, может быть, смерть пощадила его, чтобы вселить в душу неизбывную скорбь, лишит сил, превратить в живой труп. Враги и ближние, жизнь и смерть старались сломить, растоптать его, но тело его не слабело, дух не сгибался. Накануне вечером он посетил Кайхосро Орбелиани, до рассвета пил, рассказывал, шутил, а утром явился в царский дворец бодрым и свежим, будто выпался в собственном доме...

Смена красок обволакивала, маскировала образовавшуюся в душе пустыню, но приноравливаться к действительности было все-таки трудно. Приговор от-

личался от опасности одним — на нем лежала печать неизбежности и вынуждала обвиняемого участвовать во всех ужасах, которые предшествуют казни. По голый, привязанный к столбу, он должен был не рыдать и орать, а молча и гордо сносить боль и муки, не противиться палачам, но помогать им, облегчая процедуру выкалывания собственных глаз. У обезглавливания перед ослеплением то преимущество, что со взмахом топора для казненного все кончается, для ослепленного же именно после казни начинаются невыносимые страдания.

Амилахвари махнул рукой, словно отгоняя докучливую мошкору, и направил коня на середину дороги. Предела бытия не было видно ни впереди, ни позади, но оставшаяся за плечами жизнь казалась менее туманной, не требовала жертв и открывала двери только старым знакомым... Должность сахлтухуцеси оказалась ответственной, головоломной, но прибыльной. Все доходы и расходы государства проходили через его руки, заносились им в книги, за что ему полагалась десятая часть доходов. Но и забот хватало с избытком. Нужно было снять старых чиновников, обуздать нечистых на руку, подобрать честных сборщиков податей, учетчиков, казначеев — государство становилось на ноги, расправляло плечи, надо было помочь ему. Месяц спустя дело несколько выправилось, бесследно не исчезало ни гроша, без счета ничто не тратилось, но именно здесь он напоролся на то, что называется замкнутым кругом. Разорвать этот круг ему не удалось. Едва кто-то из чиновников отличался, он тотчас же выдвигал его, удваивал жалованье, но большинство отмеченных оподлялись на глазах, становились ни на что не годными и бесстыдно лицемерили. Из десяти человек лишь двое-трое занимались делами, а остальные даром получали жалованье, да вдобавок мешали работать тем двум-трем. Что все это — закономерное явление, он понял только тогда, когда одна и та же история повторилась несколько раз. После этого он никого сгоряча и опрометчиво не выдвигал, без веской причины никого не отставлял от должности, только воровать не позволял никому. Будь он сахлтухуцеси вели-

кой державы, будь у него множество подчиненных, удивляться было бы нечему, но все творилось в государстве, доходов которого едва хватало на содержание царского двора...

Поблекшее солнце покрывалось пятнами, жалось к краю небосвода, тени холмов удлинялись, становились резче. Печальное, посеревшее время побитой дворняжкой трусило по дороге, запаренное, стряхивало дневной зной и растерянно встречало сумерки. Смена настроения как будто ничего не меняла, но под вечер он становился более чувствительным, более подавленным. Все, что раньше барахталось в разных заводах памяти, в эти часы собиралось вместе и бередило горькие мысли. Что, кроме боли и бессмыслицы, найдет он в конце этой, да и любой другой дороги, каких благ ждет от дряхлой, распластанной под умирающим солнцем земли, которую скоро не сможет видеть.

— Раз прошли эту пустыню, больше не придется ночевать под открытым небом, — сказал евнух юному спутнику и помянул аллаха.

Оттуда, где стеной поднималась скала, подул свежий ветер и принес с собой запах влаги. Заходящее солнце дрожало, как внезапно прерванная мысль, и когда исчезнувший было мир обозначился вновь, память ухватила за тусклые контуры Тбилиси...

Он дважды продавал и выкупал родовой дворец. Продавал, когда невозможно было оставаться в Тбилиси, и выкупал, когда возвращался обратно. В руках нового хозяина ко дворцу добавлялось что-то, но убывать не убывало. Царь с царицей вернули ему и вотчину со всеми угодьями. Три тысячи крестьян, бежавших в Кахети, он возвратил в Картли, расселил по своим селам и на два года освободил от податей. Все устроилось так, как не бывает в жизни. Вместо того чтобы наказать, его возвысили, вместо того чтобы доглядывать, предоставили полную свободу, но он не обрел покоя, душа не лежала к дому, да и вне его скука не развеивалась. Четыре года каждодневной борьбы, каждодневные опасности, вечные недосуг и непокой отучили его от мирной, размеренной жизни, обесценили в его глазах многое, а пренебрежение этим делало жизнь однообразной. Он уже не выносил бестолковой, пустопорожней беседы, на людях либо помалкивал, либо говорил

только сам, не давая никому вставить словечка, что раздражало и хозяев, и гостей. К жене он не прикасался, по его просьбе моурав доставил ему из Чалы молоденькую, смазливую крепостную деваху, которую он сделал своей наложницей, но она так робела перед господином, что даже в постели не смела пикнуть. За месяц что-то оборвалось, мир, бывший для него ареной деятельности, желанным поприщем, ускользал из рук, оставляя наедине с самим собой. Одиночество сделало его замкнутым, в бороде появилась седина, поблек цвет лица. Его натура не мирилась с хирением, с преждевременным одряхлением, и когда злость особенно дожимала его, он бежал на охоту и вымещал ее на зайцах, кабанах и косулях...

За скалой поднималась еще одна скала, рассекая гранями пространство, смутно и ясно выступающими гранями, которые изменяли, четко очерчивали вид окрестности. Мгновение спустя этот искусственно созданный, висящий в пространстве мирок снова рассыпался, и глазам опять приходилось объединять все, упорядочивать, вылуцживать из хаоса. Этим же он занимался и в Тбилиси, когда с балкона глядел на Куру, пытаясь воспринять беспорядочный город как единое целое, собрать в одну горсть. Иногда появлялось ощущение, будто он вот-вот завладеет тем, чем надо завладеть, но стоило теням переместиться или ему отвести глаза, как городу возвращался первоначальный облик и надо было по-иному упорядочивать его.

Он потому часто выходил на балкон, непременно в полночь, когда город спал и каждый звук обострял или притуплял предчувствие, что на грядущий день надеяться не приходилось. Теймураз и Тамара окончательно помирились с ним, советовались, оказывали всяческое уважение, но Надир-шах, который не считался ни с кем и ни с чем, не простит ему мятежа, клятвопреступления, пренебрежения и потребует в уплату за пролитую кровь персов его голову или глаза.

Из Персии не поступало никаких вестей, прошлое постепенно забывалось, но в первых числах августа из Исфахана прибыли эти двое персидских ханов, и снова все заклокотало и заходило ходуном.

После захода солнца исчезли все мерилы времени, и до появления луны небо оставалось пустынным, как пепелища Картли. Исполнившая долг земля оказалась в туман, меж скал проглядывал черный лик ночи. Лик этот был знаком ему со дня рождения; если не полностью, то частично он был сыном ночи, ее крестником. Те ночи, что он проводил в походах, в застолье, в любви и скитаниях, то, что он отнимал от света и прибавлял к темноте, хватало и копить и тратить.

...В тот вечер темнота напевала точно такой же, тоскливый, как и ее лик, мотив. Прибывшие из Персии ханы посетили царицу и, возведя очи горé, вручили ей послание Надир-шаха. Царица развернула свиток и побледнела: шах повелевал ей и царю Теймуразу схватить Амилахвари и ослепить его в Тбилиси или препроводить в Исфахан. В одно мгновение колесо судьбы завертелось вспять. Тамара не желала ни ослеплять его, ни отправлять к шаху, но выхода не было, приходилось выбирать что-то одно. Решение не нуждалось ни в долгом обдумывании, ни в прозорливости. Царица тут же заявила посланникам на их языке, что она не может наказать Гиви Амилахвари, ибо клялась не причинять ему вреда; пусть они пойдут к нему сами и сами все уладят. Ханы только этого и ждали, они выразили царице благодарность и покинули тронный зал...

Ветер переменял направление, подул с северо-запада, и Амилахвари ощутил терпкий запах потных животных и прелой кожи. Сон бежал от него, разлежаться и дремать днем он не привык, но его уже несколько часов дожимали боль в пояснице и ломота в согнутых коленях. Прохладный ветер дул в спину, рубаха высыхала на теле, конвой молча ехал по дороге. Жаркий день изнурил его, вымотал, но не смог сломить его и вырвать из его рук прошлое.

...Ханы явились к нему на другой день. С евнухом он был знаком и раньше — встречал при дворе шаха, а юнца видел впервые, не знал, ни кто тот, ни откуда. Несмотря на это, он любезно, радушно принял обоих, предложил тахту и подушки. Завоевать сердца гостей, приручить их не составляло для него труда, за столом он пытался поставить им ловушку, но ханы почуяли опасность и приступили к делу. Евнух встал справа от

него, юный хан — слева, один взял его за большой палец левой руки, второй — правой и, убедившись, что все сделано согласно обычаю, ханы, плача и призывая, объявили ему шахскую волю. Евнух плакал по-настоящему, плакал так, будто слезы доставляли ему удовольствие, а молодому трудно было притворяться и неестественно всхлипывать. Он прекрасно понимал значение этого смешного обычая мусульман, но делать было нечего. В Тбилиси заперты все ворота, все дороги перекрыты. Соппротивление ни к чему, кроме бессмысленного кровопролития, не приведет. Поэтому он отступил на несколько шагов и с актерской степенностью произнес: «Да исполнится воля великого шаха над прахом его ног, над Гиви Амилахвари!» Ханы облегченно перевели дыхание, вознесли благодарность аллаху и прошли с ним в парадный зал. После полудня взятого под стражу посетили несколько картлийских князей, грузин сопровождали персидские военачальники. Во дворец набилось сразу столько народу, что казалось, пир затянется до рассвета, но едва смерклось, ханы потребовали у него оружие, проводили до крепости и сдали особо подобранной охране.

Он несколько раз побывал в плену, но в заключении находился впервые. Узкое оконце едва освещало нештукатуренные сырые стены, неровный глиняный пол пропитался запахом плесени, мочи и крыс. За окном железом дверью стояли вооруженные охранники. Из окна виднелись берег Куры, Рике, Метехи, какой-то квартал Исани. Измученному зноем городу засыпалось с трудом, на улицах едва брезжил свет, но ему не хотелось глядеть в окно, потому что эта промозглая камера не была для него ни последним пристанищем, ни тем местом, с которым необходимо сжиться. Он пробудет тут до тех пор, пока ханы не закончат дорожные приготовления. И все-таки ему не сиделось, он ходил от стены к стене, растравляя душу ядовитыми мыслями. С какой надеждой он отправится в Персию, что увидит при дворе шаха такого, чего бы много раз не видел в человеческих глазах, почему должен признавать за предписание судьбы, за роковую неизбежность то, что считал бессмысленным,

Пусть в Грузии у него нет наследников, зато найдутся поводыри, о нем будут заботиться, а в Персии он вместе с глазами лишится и головы. Разгневавшись за одно возражение может отправить его на тот свет. Стоит ли принимать муку ради того, что в конце концов все равно должно кончиться, разве спаситель перед казнью не поучал апостолов: «Вас мир не может ненавидеть, а меня ненавидит, потому что я свидетельствую о нем, что дела его злы»...

Амилахвари глянул в сторону, словно услышал шум тяжелого крыла, но когда убедился, что кроме ночи к нему никто не приближается, снова усталился вперед.

...Охранники принесли зажженную свечу, деревянную тахту и полную корзину еды. Мерцание свечи и покой стоящей в углу, покрытой ковром тахты наводили на мысль, что и в тюрьме можно существовать, но мысли о будущем отравляли душу, развеивая в прах самые основательные предположения. До полуночи он не присел, не промочил горла, а в полночь подошел к окованной железом двери, грохнул по ней кулаком и потребовал перо и бумагу. Охранники не заворчали, не заупрямились. Вместе со столом принесли гусяное перо, чернильницу и бумагу. Он не любил писать письма, считая их разоблачением, разглашением сокровенного. Но в ту ночь он испытывал к себе такую жалость, что взялся за перо и сплошь испещрил лист черными буквами. Он писал царице, писал быстро, без запинки, сетовал на судьбу Картли и собственную, на тяжелый удел грузина и превратности мира, на прошлое и будущее. Каждое слово было пронизано тоской, каждая фраза закончена и совершенна. Прежде чем пуститься в путь, он должен был убедить царицу, что не имеет никакого смысла отправлять его в Персию, это ничего, кроме лишних мучений, ему не принесет. Возможно, шах не захочет его смерти, не даст безвременно умереть, но и после наказания не предоставит ему свободы, а бросит увечного в темницу, и понадобятся годы, чтобы выволить его оттуда. Поэтому он настоятельно просил выколоть ему глаза здесь, в Грузии, после чего отвезти слепого к младшему брату и позволить умереть в родовой вотчине.

В камеру ворвался ослиный рев. Поднявшись из-

за стола, он свернул бумагу, передал ее охране и вдруг ощутил такой приступ усталости, что еле добрал до тахты. Свет не достигал высокого сводчатого толка, и его острый взгляд столкнулся со строгим взглядом темноты. Тишина, суть которой — безликость и безмолвие, требовала бдения, самоистязания, растравливания болячек, но он отмахнулся от препирательств с безликостью и предпочел заснуть. Во сне все пугала лишались силы и тюрьма утрачивала зловещие черты.

В то утро он бы долго проспал, если бы его не разбудил гомон суетливого, горластого города. Жизнерадостное дыхание Тбилиси слагалось в напев, яркий дневной свет, падавший из оконца, трепетал, как животворящий столп. Ему, не раздевавшемуся на ночь, ничего не требовалось, кроме как соскочить с тахты, чтобы прийти в себя и приветствовать жизнь. Скорбь, страх, чувство одиночества и желание убежать куда-то испарились без следа, навязчивую ночную тоску смыло упругими волнами кипучей крови. Он радовался, что видит мир собственными глазами, что твердо стоит на ногах, что душа снова преисполнена гордости и желания бросить вызов судьбе и врагам. Что может преградить ему дорогу, что не преграждало другим, что может выпасть на его долю такого, что не случилось с другими? Пока Грузией распоряжаются пришельцы, пока она платит неверным дань, поражение не сломит его, скорбь не доведет до отчаяния. Ослепление ничто по сравнению с тем, за спасение чего он сражался.

В корзине он обнаружил сыр, яйца, жареных цыплят, фрукты, зелень и глиняные горшочки с обвязанным верхом. Он не любил есть в одиночестве, но его затем и посадили в тюрьму, чтобы оторвать от грузин, отделить от внешнего мира. Когда человек остается один, у него пропадает аппетит и портится настроение, но он не настолько считался со своим настроением, чтобы отказаться от еды, воображая себя святым или пророком. Мясо цыпленка, обмакнутое в ткемали, хорошо и без вина, а запах зелени и стручкового перца перебивал вонь затхлости. На худой конец он ничего

не имеет против, если ослепление заменят пожизненной тюрьмой, но шах предпочтет видеть его слепым или мертвым, чем узником.

УДК 82(07)
ББК 84.001.003.01

На следующий день он получил послание, написанное рукой царицы. Тамара ободряла его, вселяла надежду, советовала ехать в Исфахан, лично предстать перед лицом Надир-шаха, потому что в Грузии никто не заступится за него, никто не спасет от наказания, а в Персии ему придется иметь дело непосредственно с тем, в чьих руках его судьба. «За полтора месяца дороги, — продолжала царица, — многое может измениться, вдруг гнев шаха остынет или персам понадобятся опытные воины, против шаха может ополчиться та сила, которую не остановит ни узкая, ни скалистая тропа. Необдуманная поспешность присуща людям малодушным и недалёковидным, а я уповаю на твой ум, пронизательность и мужество». Но самой горькой, обжигающей, как удар плети, была последняя фраза: «Если ты сомневаешься в моей искренности и преданности, я готова отправиться с тобой в Персию и вымолить у шаха твою голову».

Он много раз сгорал от стыда и прежде, но никогда не был так недоволен собой, как в тот день. Женщина предлагает ему покровительство, готова ехать в Персию и ходатайствовать перед шахом — такого он не ожидал даже от царицы. Мизерное подозрение обернулось серьезным недоразумением, чтобы развеять его, надо было писать еще одно послание. Перо и бумага лежали на столе возле кувшина с водой. Он напился прямо из горлышка, придвинул бумагу и окунул в чернильницу гусиное перо. «Царица, — писал он крупным, отчетливым почерком, — если бы я совершил тяжкое преступление или неслыханное злодеяние, я бы действительно нуждался в сострадании и заступничестве, но я проиграл битву, я побежденный воин, посему ни чувство сожаления, ни угрызения совести не мучают меня. Шах, правитель и судья, требует расплаты, и расплатиться должен я, мне придется расстаться либо с головой, либо с глазами. Это для меня столь же очевидно, как и ваши искренность и милосердие. Поэтому меня тревожат сомнения и неопределенность. Я не потому просил вас ослепить ме-

ня здесь, в Грузии, что рассчитывал облегчить свою участь, мне представлялось более разумным остаться в Грузии, хотя я не считаю неразумным отправиться в Персию. Мое собачье счастье не допустит, чтоб меня пришлось оплакивать раньше срока. Быть подле вас, путешествовать вместе с вами — великая честь для меня, это доставило бы мне большую радость, но все мое существо противится, чтобы вы следовали со мной в Исфахан и вымаливали у шаха мою голову: крест обязан нести тот, кто взвалил его на себя, а если у него не хватит на это сил, никакие мольбы не помогут. Желаю вам здравствовать, царица, да не лишит господь милости ни вас, ни Грузию, а я последую своей дорогой — или погибну, или достигну желаемого».

Так завершилась их переписка. На четвертый день отворили ворота тюрьмы, подвели ему коня и позволили проститься с царем и царицей, с грузинскими князьями и близкими. Младший брат навез из Чалы целую гору еды и питья, всех от мала до велика согнал в Тбилиси. Родственники обступили его, стали прощаться с таким плачем и причитаниями, будто провожали его в последний путь. Так думал и Димитрий. Со слезами на глазах он отвел старшего брата в сторону и шепотом сказал, что дня через два соберет людей, нападет на персов по дороге и силой освободит его, но он поблагодарил брата, отказался от его помощи, роздал родственникам немного денег и вдел ногу в стремя. Слезы и множество незнакомых заплаканных глаз омрачали и без того мрачный день...

Амилахвари так выпрямился в седле, словно свел счеты с прошлым и окончательно порвал с родимой страной. Свет испускал дух, умаляя величие скал. Соломон догнал ханов, объяснял что-то евнуху и вельможному юнцу. Усталые животные будили жалость, их так и тянуло слиться с темнотой, но дорога сбегала к глубокому ущелью и исчезала среди скал. Пока что его удел разделяли и грузины, и персы, и воины, и погонщики, но как только они доберутся до шахского дворца, все переменится, вокруг образуется пустота, и мучительное

ожидание то начнет цепляться за надежду, то кутаться в темный саван безнадежности. Может быть, шах не казнит его в первый же день, а заточит в тюрьму, ввергнет в такое же сумрачное подземелье, как эта расщелина мрачных скал, но щенок черной собаки все равно везде отыщет его, растянется рядом с ним и заскулит. Сон не будет походить на сон, явь на явь. Стоит ему смежить веки, как нахлынут воспоминания, призраки, кошмары, одни лягут камнем на сердце, другие примутся терзать мозг, третьи начнут колебать большим напряжением сил склеенные предположения, и он долго будет барахтаться под обломками рухнувшего купола. Но может случиться и так, что шах проявит великодушие и прежде, чем казнить, отведет ему какой-нибудь старенький дворец, разрешит принимать гостей, покупать еду и питье. Тогда он не позволит посланникам ада куролесить как им вздумается, он обуздает время, заставит его то нестись вскачь, то застыть на месте. Если кончатся деньги, он начнет занимать, одалживать, созовет во дворец старых и новых знакомых — омусульманенных грузин, чужеземных послов, освободившихся от рабства аллаха персов, будет закатывать пирушку за пирушкой и столько пить, петь и шутить, что его беспечности позавидует сам создатель.

Дорога, постепенно сужаясь, извивалась среди скал и врезалась в чужое царство. Злоключение несколько отвлекло и развеселило бы его, но впереди его не ждало ничего такого, что могло бы поразить, напомнить сказку или старинное предание. Лежавшая за обрывом земля была чужой только по названию, границам, вере и языку, но к виду того, что откроется взгляду с плоскогорья, он давно привык. Персия была заурядным государством, может быть несколько более отсталым, измученным, утомленным, чем другие государства, но и в Персии наказанием и смертью завершалось все то, что зовется чистой верой, истинной любовью, борьбой за свободу и восстанием против узаконенного уклада жизни. И в Персии палач и жертва оказываются один на один, точно так же, как и в других странах, расположенных за морем или за тридевятью горами.

Глубокое, накрытое уступом скалы ущелье, где каждый звук, каждый шорох обрастали эхом и разбивались о каменные стены, скорее напоминало тоннель нежели пересохшее русло реки. Если бы кто-нибудь замуровал с обоих концов эту узкую, темную расщелину, превратив ее в каменный мешок, она бы уподобилась одному из кругов ада. И в других странах он повидал множество подземелий, пригодных для преисподней, иногда обихоженных и соответственно обставленных, но сейчас не хотелось разжигать огонь, слушать бульканье кипящей смолы, травиться запахом серы. В Исфакханах его поджидало настоящее подземелье, настоящий огонь, настоящие мучения, и его сознание уже не могло мириться с искусственно созданным кошмаром.

Будь он один, без факела нелегко было бы пробираться по ухабистому, заваленному валунами, голышами и галькой дну тоннеля, но конь, не сбиваясь с шага, отыскивал дорогу и покорно нес его тяжелое тело. Из тех владений всевышнего, где сеют радость и жнут горе, ему уже нечего было выносить и перетаскивать в иной мир. Призраки обернулись тенями, растворились во мраке, а шум шагающих коней и верблюдов раздавался в глубоком ущелье, будто стук копыт покоренных, загнанных в Аид кентавров. По ту сторону каменистых степей и скалистого подземелья его ждет или царство небесное, или бездонная яма, которая в одночасье поглотит его, превратит в прах, но земные дороги нигде не кончаются так просто, так осмысленно, ни на востоке, ни на западе, ни ведущие к богу, ни проторенные к дьяволу.

Конь так стремительно вознесся на плоскогорье, будто в самом деле одолел дорогу из преисподней, и, не замри он на мгновение, у него бы разорвалось сердце. На небе, усыпанном звездами, не было ни единой морщинки, обманчивый свет полной луны озарял горы и ущелья, бесстыдно ласкал возделанную землю. Далеко внизу, по обширному, орошенному потом полю, переливаясь и отражая лукавый свет луны и звезд, извивалась река. На берегу реки был выстроен один из древнейших городов Персии. Серые

дома с плоскими крышами жались друг к дружке, вознесшиеся минареты копиями вонзались в небеса царство. Сады и огороды, удобренные потом и кровью, села и города, молчание ночи, дыхание жизни и бдительные взгляды выстроившегося за спиной конвоя, все, что наряжало и обнажало жизнь, одаряло и обирало ее, красило и уродовало, смягчало и ожесточало, все немного принадлежало и ему, во всем этом, включая смерть, была и его доля, и если господь не даровал ему твердость камня, непорочность ясного неба и бессмертие звезд, это вовсе не означало, что он должен отречься от любви к родной земле, от борьбы за существование, не довести до конца то, на что благословляли его предки, безумно промотать и без того расхищенный и оскверненный клад.

Полупризрачный от прелести и отдаленности мир молил его изгнать из сердца гнев, предать забвению прошлое, смягчиться, исполниться мужества, заклинал постичь ночь и царящую окрест таинственность, умиротвориться, обрести равновесие, смириться с богом и судьбой, без печали покинуть села и города, равнодушно минуя дворцы, караван-сарай, духаны, непотребные дома, как миновали их миллионы, спокойно встретить боль и смерть, как встречали их многие мудрецы, но расслабляющий шепот блеклого мира не трогал душу, не колебал волю. У плененного и приговоренного не возникало желания проявить большее сочувствие к миру, чем некогда проявил создатель. Если бренный мир так нуждается в подавлении гордости и упорства человеческого рода, в очеловечивании и смягчении смертных, то пусть сначала смягчатся те, кто наложил лапу на его родину, те, кто судил и терзал его только потому, что был сильнее.

Все отчетливее вырисовывалось освещенное луной поле. Явственней представлялись взгляду высокая городская стена, крепость на взгорье, площадь, развернувшаяся перед громоздким темным строением. Из узких оконцев некоторых домов сочился жидкий свет, отпугивая гнездящиеся между стенами тени и пыта-

ясь обрести легкость небесных лучей, но никак не мог расширить беспредельное пространство, на каждом шагу сталкиваясь с непреодолимыми препятствиями. Его мерцание было только тлением коптилки, и он ничего не мог вырвать у мира.

Миром владели ночь, сон, бесплотные и во плоти призраки, владели с такой алчностью, что до рассвета никто не выманит у них и пустяка, но в этом погруженном в безмолвие царстве сновидений и призраков острый глаз Амилахвари подмечал нечто такое, что в иное время прошло бы незамеченным. Его усталое, грязное тело охраняла броня, от ее блестящей поверхности отлетали отравленные чужими и собственными замыслами стрелы; распахивались черные врата мрака и одиночества, за которыми радужным светом горели надежда и воспламеняющая щедрость мужества. В Грузии тысячами плакали сироты, и чтобы осушить их слезы, нужны и голова, и глаза; тысячи умирали с голоду, и чтобы накормить всех, нужны и ум, и сильные руки; тысячи ядовитых семян, чуждые влияние и порочность пустили корни в его земле, и чтобы выкорчевать их, нужны и сердце, и душа. Как бы ни наводняли мир кровь и мрак, как бы круто ни обходилась с ним судьба, его нельзя было упрекнуть в том, что он не ведал, что творил, с кем сражался, кому противостоял. Он уже прошел длинный, изнурительный, самый скучный из всех путей путь, оставив позади зной солнца, родных, доброжелателей, должников, и сейчас ему было безразлично, под чьим кровом найдет он приют, как примет его этот древнейший город Персии. Раз судьба забросила его в такую даль, в такую враждебную страну, он, делая каждый шаг, обязан рассчитывать только на самого себя.

Амилахвари стегнул коня и вместо того, чтобы подготовиться к неизбежной боли, смело улыбнулся ночи и расстилающейся внизу стране и так стремительно ринулся с конем вниз по склону, словно заранее знал, что не вылетит из седла.



...Приехав в один персидский город, дядя мой видел, что на улице немилосердно избивают по пяткам знатного человека, на которого за неплатеж денег разгневался шах и конфисковал все его имение ценою за полмиллиона. Но надзиратели требовали с него свою долю — с каждой десяти рублей им дается полтина, чего тот сделать не мог, ибо у него ни полушки не осталось. Видя это, дядя мой велел отдать надзирателям последние свои деньги и выкупил несчастного. Бывшие с дядей два кахетинские князя начали ссориться с ним, говоря: что тебе за нужда до персианина? Тебе самому надобны деньги, мало ли что может случиться, ибо не знаешь еще ни смерти, ни живота своего! На что дядя мой отвечал им: ...в чем ошибка моя? — Если меня убьют, на что мне деньги, а коли жив буду, пусть они от меня зависят, а не я от них. Несчастный персианин подошел к своему избавителю, принес должную благодарность и записал его имя и фамилию... А со временем, взошед на прежнюю степень своего достоинства, довольно отслужил моему дяде.

Таким образом они доехали до Испагана, столичного города персидского, о чем и доложили шаху. Шах велел поручить дядю коменданту, а ему на глаза не показывать, ибо, увидя дядю моего, он припом-

1 Автор не считает нужным следовать за героем в Персию, но так как история нуждается в завершении, приводим отрывок из «Истории георгианской...», сочиненной племянником Гиви Амилахвари Александром (примеч. автора).

Оригинал этой книги (полное название ее «История георгианская о юноше князе Амилахорове с кратким прибавлением истории тамошней земли от начала до нынешнего века, которую рассказал Усим, купец Анатольский сотоварищам своим между разными известиями») не найден. Перевод ее, талантливо выполненный неким И. С. (вероятно, Семеном Игнатовым) более двух веков назад, может показаться затруднительным современному читателю, поэтому переводчик позволил себе несколько осовременить лексику и грамматику «Истории...», а также для ясности изложения включить в сам текст многочисленные сноски (примеч. переводчика).

нит все его противности и... убьет. «А он человек годный, как досадил нам, так может и заслужить». Дядю моего отвели к коменданту, и он несколько времени находился под караулом. Однако к нему часто езжали ужинать первый министр и фельдмаршал, которые были из нашей нации и великие друзья моего дяди. Оттого пристал к дяде усердный дворянин, с ним находившийся, со слезами говоря: зачем ты зовешь гостей и веселишься, сидя под караулом, где всякий день обязан дожидаться смерти своей, да и меня убьют вместе с тобой. На что дядя мой, улыбнувшись, отвечал: если меня убьют, тебя никто не тронет, а если заранее хочешь знать о моей жизни или смерти, то уведомяю тебя, что сегодня я написал Великому визирю письмо, прося одолжить десять тысяч рублей, которые он тотчас же прислал мне на верблюдах. Этим дядя убедил молодого дворянина, что его жизни ничто не грозит, ибо сей человек, в чьих руках дядино дело, не прислал бы денег, когда бы знал, что его жизнь в опасности.

Однажды случилось так, что адъютанты вместо шахова амилахор-баши (сие по-персидски значит обершталмейстер) привели Амилахвари, то есть дядю моего, который только что отужинал и проводил гостей. Он испугался такого не ко времени приглашения, однако пошел против своей воли. Пришел, обождал, пока о нем доложат, у генерал-адъютантов, которые приняли его с великим почетом, посадили с собой и подали ему кальян по обыкновению учтивости знатных персов.

Услышав об Амилахвари, шах закричал, что требовал амилахор-баши, а не Амилахвари, и велел увести его, приказав вместе с тем переменить ему квартиру, прибавить расходов на содержание и выдать тысячу рублей банных денег (у персианов банные деньги считаются знаком милости царской). По повелению шаха дядю увели обратно, где и содержали до кончины царицы Тамары, которая жила после отъезда дяди моего только год.

А как дошло до шаха о кончине ее и женитьбе ее мужа Теймураза, который через сорок дней после ее погребения вступил в брак с вдовой княгиней Цициано-

вой, то он разгневался весьма и сказал: я возложил правление Грузией на нее, а не на него, который не терпел выждать и носить траур положенное время. По сей причине шах наложил на Теймураза арбаб (у персианов так заведено, если шах на кого-либо держит сердце и ищет причины погубить, то накладывает арбаб, то есть начет, требуя столько денег, сколько провинившийся не может заплатить, за что и будет наказан). Арбаб шахский был в два миллиона, и Теймураз понял, что шах на него гневается, и скрылся со всей семьей в горах Кавказских, однако, прослышав, что дядя мой освобожден из-под караула и с войском посылается на него, отчаялся, ибо дяде моему были знакомы те места, и он мог достать царя везде, Теймураз сам приехал в Персию, рассудив, что лучше сдаться добровольно, так можно скорее получить прощение, чем возьмут силой.

А дядю моего шах освободил из-под караула, простил его, сказав: прощаю тебе всю твою противность, за что ты должен отслужить мне; я поручаю тебе войско, тридцать четыре тысячи человек, отправляю тебя в Грузию и поручаю тебе править царством, а Теймураза с сыном Ираклием пришли ко мне под арестом! Мой дядя хотел отказать шаху в сем деле, однако не посмел отговариваться, стал принимать войско и готовиться к выступлению. А в канун третьего дня на шаха ночью напали телохранители по наущению племянника его Адил-шаха и умертвили¹...

После смерти сего славного государя настала великая смута, ханы восстали друг на друга и начали воевать. Всякий старался силой добиться трона, однако Адил-шах победил всех и взошел на персидский пре-

¹ Трудно утверждать определенно, но в восстании, вероятно, участвовали и грузины, возможно, и Гиви Амилахвари, ибо при дворе шаха служило много знатных грузин, а охрана дворца почти целиком состояла из грузин (примеч. автора).

стол. В то время у дяди собрались тысяча с лишком грузин, занимавшие в Персии разные должности, и он своей волей пошел с ними поклониться новому Шаху. Шах за это пожаловал его титулом куларагаси, то есть шефа надо всей гвардией, и с того времени стал мой дядя называться Шах-Кулиханом. Служил он отлично, куда бы ни посылался со своим войском, всюду ему сопутствовала удача. Однажды, по взятии одного индийского города (Калаты), приехал к шаху с великими трофеями, и шах, чтя его заслуги, снял с себя саблю и собственноручно надел на него. Только убор этой сабли сверх других наград оценивался в триста тысяч рублей по тамошней цене...

Бывши в Персии, мой дядя не только не мстил Теймуразу, но много помогал ему по обыкновению знатных и честных людей, даже от смерти избавил, ибо Теймураз во время смуты был пойман некими из персидского войска, и его бы, конечно, убили, если бы он не закричал, что он брат Шах-Кулихана. Поэтому Теймураза не тронули, а привели к дяде, чтобы угодить ему. Дядя наградил их и поблагодарил, что они оберегли жизнь его брата. С тех пор Теймураз неотлучно находился при дяде до отъезда своего в Грузию, называл дядю своим избавителем от смерти и старался всячески упрочить дружбу и союз с нашим домом...

...Так служил мой дядя до третьего шаха Ибрагима, который пожаловал ему два местечка в Нахичеванском уезде. Ибрагим царствовал недолго, с ним перевелась линия Надир-шаха, после чего в Персии снова стала смута...

После третьего шаха мой дядя со своим войском выехал из Персии, хотя персиане удерживали его силой — он не хотел служить наемником, и приехал в свое отечество с великим богатством. Царь Теймураз принял его с особливою милостью и называл его избавителем своим, а сын царя — отцом...

После того дядя мой жил недолго и, предчувствуя смерть свою, уладил дела, касающиеся наследства, отделил порядок своего погребения и скончался, совершив много добрых дел, построив много церквей божьих и крепостей на месте разрушенных не только в своем княжестве, но и там, где их не в силах были строить разоренные помещики.

Дядю погребли с великой честью. За гробом его шли священники трех вероисповеданий, а именно: впереди святые отцы Греческой церкви, с правой стороны — Католицкой, с левой — Армянской, позади них шли царь и наша семья и все знатные князья. Траур несколько времени продолжался по всей Грузии.

У нас во дворе квартирует столько различных птиц, что с первого взгляда он похож на птичий базар, особенно когда, перезимовав в теплых краях, птицы возвращаются к своим гнездам. Кого только здесь ни увидишь в это время года: ласточек и песчанок, стрижей и иволг, корольков и, само собой разумеется, воробьев — они ведь и зимой остаются здесь. Вот поет дрозд, там прыгают сойки, поодаль беспокойно стрекочет егоза-сорока, где-то поют скворцы.

На крышах домов и карнизах воркуют голуби, плавно парят в воздухе ласточки и стрижи. Нескончаемый гомон, писк, свист, щебетанье, воркованье... С самого раннего утра и до позднего вечера поют наши пернатые друзья и занимаются своими делами. Они без усталости носятся по небу, ловко пожирают на лету бабочек, мух, комаров, тащат в клюве и когтях добычу, пригодную для постройки гнезд, — пух, клочья шерсти, солому, засохший мох, кто на что горазд. Каждый мастерит

Сулхан КЕТЕЛАУРИ

ЛАСТОЧКИ

Рассказ

Перевод Иветты ЛОЛУА

себе жилище по вкусу и потребностям. Даже ласточки, заставшие в сохранности свои прошлогодние и по-запрошлогодние гнезда, и те не бездельничают, они вычищают их, меняют подстилки, заделывают поврежденные места.

Двор наш довольно просторный, и дом большой. Вокруг — густая чаща деревьев и кустарника, так что нашим пернатым друзьям есть где разгуляться, да и делить им нечего, не из-за чего спорить и незачем ссориться. Каждый хорошо знает свои права и обязанности, никто не сует носа в чужие дела, не зарится на чужое добро. Все свято чтут закон общежития, установленный самой природой, и сохраняют добрососедские отношения.

Однако порой и среди птиц встречаются злодеи, невежды, наглецы, жадобы, любители поживиться за чужой счет, и они, конечно, не помнят о добрососедских отношениях и душевном согласии.

Вот что в этом году произошло в нашем дворе.

Возвратившись из жарких стран к своим гнездам, ласточки нашли их нетронутыми. Да и что могло с ними стать: маленькие глиняные шарики так прочно сцементированы, что их ничем не разворишь. Помня местонахождение своих гнезд, ласточки направляются прямо к ним и беспрепятственно там обосновываются, весело щебечут, радуясь благополучному завершению трудного перелета.

Одна супружеская пара осталась без крова. Ее гнездо, находившееся в сравнительно сухом месте — между карнизом крыши и стеной, сохранилось лучше других, но его захватил воробей. Он сидел в гнезде и ни за что не подпускал к нему ласточек — законных владельцев.

Бедные ласточки непрерывно кружили над своим гнездом и скорбно щебетали. Им негде было даже примоститься. Только иногда удавалось зацепиться лапкой за присохшие к нижней стенке гнезда кусочки глины, и тогда они сварливо постукивали по нему клювом, как бы говоря притаившемуся в глубине гнезда воробью: «Выходи оттуда, негодник, иначе несдобровать тебе». Но воробей никак не реагировал на эти угрозы. Если же ласточки осмеливались приблизиться к отверстию гнезда, воробей яростно клевал их.

Мы наблюдали за этой картиной и с замиранием сердца ждали развязки.

Борьба продолжалась, и ни одна из сторон не желала уступать. Ярость и негодование ласточек росли. Поведение воробья возмутило и нас. Мы хотели помочь ласточкам, но к месту происшествия неоткуда было подобраться: снизу, ясное дело, ничего нельзя сделать, с окна пятого этажа — не подойти, спуститься с крыши и вовсе невозможно. Оставалось бомбардировать гнездо. Но и это было бы небезопасно, ведь таким образом можно было и гнездо повредить, и убить воробья. Не зная, что делать, мы махали руками и громко кричали.

Не справившись с захватчиком собственными силами, ласточки обратились за помощью к своим братьям. Они расположились напротив гнезда на электрических проводах и защебетали очень своеобразно, отлично от других: «Жип-жип-жип-цррии!» Казалось, их друзья только и ждали этого сигнала. Они все разом вылетели из своих гнезд и принялись помогать оставшимся без крова ласточкам; целой стаей разместились на электрических проводах и карнизе и в один голос начали освистывать воробья: «Црр-чрут, жип-жип, чрик, црр, чрут-чрут!» Это была не только угроза, в ней проскальзывали и нотки совета, который на нашем языке звучал бы, вероятно, так: «Лучше выходи оттуда по доброй воле, иначе вытащим тебя насильно и хорошенько вздуем». Во всяком случае мы так поняли их и стали кричать:

— Ах ты, разбойник эдакий! А ну, попробуй не выйти, тогда пеняй сам на себя!

Представьте, воробей ничуть не испугался, даже глазом не моргнул. Он был так невозмутим, будто сидел в собственной квартире, а всеобщее возмущение ласточек вовсе его не касалось.

Это уже было слишком! Чаша терпения ласточек переполнилась, и они всей ватагой кинулись на гнездо. Поднялся невероятный шум и гвалт, шорох крыльев, словом, полнейший переполох. Был воскресный день, и все соседи высыпали во двор; задрав головы, они смотрели вверх, но что происходило между сте-

ной и карнизом, не видели, потому что разбушевавшаяся стая ласточек сплошь закрывала фасад.

— Ну что, пока еще не выжили его оттуда? спрашивали друг друга соседи.

— Нет еще.

— Разве выгонишь его из этой твердыни!

— Посмотрите-ка, что творит эта птичка-невеличка, а?

— Да, да! И ведь сколько хитрости у воробья!

— Все равно ему ничего не поможет, выдворят его оттуда.

— Разве?

— Конечно, ему не справиться с таким количеством ласточек.

— Видали, как они наступают?

— Наступать-то наступают, а что толку!

— Будет толк. Вот погодите немного.

— Каким образом? Внутри им не пробраться, они их не впустит, а снаружи им никак не справиться.

— А вот посмотрим. Они его разорвут на мелкие клочья и вышвырнут вон!

— Дайте только срок, они сами знают свое дело...

Каждый высказывал свое мнение. Одни говорили, что воробья выживут оттуда, другие — что с ним ничего не сделают.

Серия атак и отступлений длилась уже почти час. Ласточки прилагали все силы, но упрямый воробей не уступал своих позиций. Изможденные до крайности птицы перестали воевать и с шумом расположились на проводах и на кровлях. Собравшиеся во дворе люди возмущенно качали головами и вслух высказывали негодование и недоумение.

— Видите, что он делает? Он-таки добьется своего.

— Посмотрите, а сам ведь с ноготок!

— Ну и пусть с ноготок, а силища-то какая!

Особенно возмущались женщины:

— Вот бессовестный, негодник эдакий! Надо ему голову свернуть!

— Нет, не это главное, — вмешался в спор мясник Гигола, подняв кверху свой короткий и толстый палец.

— Какие умники эти птички-невелички, знают ведь, что

значит свое и чужое, и умеют за свое постоять. Вот что поразительно!

— Вот именно, я тоже этому удивляюсь.

— Однако они способны заниматься и разбоем, и хищением.

— Как раз это я хотел подчеркнуть.

— До чего же они похожи на нас, людей.

— А может быть, именно от нас и переняли они все это, — засмеялся кто-то.

— Может быть, — поддержали его несколько человек, — чему еще они могут от нас научиться.

— С кем поведешься, знаете...

Ласточки, сидевшие на краю крыши и проводах, не переставали следить за гнездом, щебетали, будто что-то обсуждали и о чем-то совещались.

Воробышек из гнезда настороженно следил за своими соперниками. За все то время, пока ласточки отдыхали, он всего два раза высунулся из укрытия, пострелял по сторонам своими черными глазенками, что-то прокричал, будто поддразнивая ласточек, и снова спрятался.

Ласточки еще некоторое время совещались, потом все разом сорвались и куда-то улетели.

Люди с неудовольствием тоже стали расходиться, решив, что ласточки уступили позиции и отказались от борьбы. Но не прошло и десяти минут, как птицы снова возвратились назад и плотным кольцом облепили гнездо. Они уже не щебетали так возбужденно, как прежде, но к гнезду подлетали так решительно и торпливо, что видно было — делали нечто очень важное. Они суетились вокруг гнезда около пяти минут, потом разлетелись.

С первого взгляда было не понять, что же произошло. Ласточки почему-то неожиданно притихли. Казалось, они забыли о существовании гнезда. У них был очень довольный вид, и летать они стали свободно и раскованно.

— Ой, посмотрите! — внезапно воскликнула Марина, шустрая девочка, стоявшая возле беседки и крутившая металлический обруч. — Посмотрите, они залепили отверстие глиной и замуровали там воробья.

Да, действительно, вход был заделан теми же глиняными шариками, из которых состояло все гнездо. Никто не ожидал от ласточек такой изобретательности. Всех настолько это поразило, что никто не подумал о судьбе замурованного в гнезде воробья. И, как часто бывает, первыми спохватились дети.

— Ой, а вдруг он там задохнется? — со страхом спросил кто-то из ребят.

Все сразу забеспокоились и заволновались. Правда, поведение воробья было возмутительным, но никто не желал ему мучительной смерти, к тому же ведь и он был обитателем нашего двора. До этого момента все мы сочувствовали ласточкам, теперь, наоборот, простили воробью его поведение и беспокоились о нем, хотя и помочь были не в состоянии. Мы были удручены своим бессилием. Но нашлись и бессердечные насмешники, которые посмеивались и говорили:

— Стоит ли убиваться из-за этой пичуги, пусть себе пропадает, сама виновата, нечего было лезть в чужое гнездо. Одним воробьем меньше или больше — от этого мир ничего не потеряет, птичий род тоже не переведется. Посмотрели и хватит, пора заняться своими делами.

Однако не все могли махнуть рукой и уйти. Другие считали так: «Разве имеет значение, что это птица, будет ли одной больше или меньше. Ведь это живое существо, и ему надо жить и дышать, каким бы крохотным оно ни было, ведь оно — живое, и невозможно равнодушно смотреть, когда на твоих глазах оно в муках умирает, тем более, что, может быть, ты в силах его спасти».

Постепенно даже вечно занятые своими домашними заботами домохозяйки отложили все дела. К ним присоединились и жильцы соседнего дома.

Кто-то предложил вызвать скорую помощь, кто-то — милицию (чего не придумаешь в такой ситуации!). В конце концов вспомнили о пожарной. Все ухватились за эту мысль: пожарная команда? И впрямь верно. Приставить лестницу... но и здесь не все складывалось ладно — если нет пожара, пожарники не приедут.

— А мы позвоним и скажем, что пожар.

— Но ведь нет пожара!

— Все же мы позвоним и скажем, что пожар, они тотчас приедут.

— Нет, так нельзя. Пожарная — это серьезное учреждение, надо придумать что-то другое.

— А что если сделать небольшой пожар?

— Как это?

— Поднимемся на чердак, понесем туда тряпье, всякую ветошь, бумаги, и подожжем. Ничего от этого не пострадает, зато небольшой «пожар» будет налицо.

Это предложение решили было принять, но в разговор вмешался уполномоченный нашего дома, дядя Дмитрий, и отклонил его. Один из старожилов нашего дома, человек, умудренный житейским опытом, который ко всем вопросам относился всегда очень серьезно, взвешивая все «за» и «против», сказал:

— Нет, так нельзя, — если пожарные опоздают, может случиться несчастье. Пока они приедут, и в самом деле разгорится пожар. Можно ли из-за одного воробья подвергать опасности весь дом?

Дядя Дмитрий снял свою фетровую шляпу, присел на скамью и после недолгого раздумья сказал:

— Необходимо достать подъемный кран, передвижной подъемный кран.

— В самом деле, это самое верное!

— Нужно позвонить...

— А куда звонить, телефон знаете?

— Узнаем.

— Но сегодня же воскресенье, — вспомнил кто-то, — будут ли люди на месте?

— Есть же там дежурные, позвоним и узнаем.

Но телефон не понадобился. У кого-то в городской ремонтной конторе оказались знакомые, решили прямо пойти туда. Мгновенно с нашего двора вылетели несколько легковых машин, а через двадцать-двадцать пять минут они возвратились вместе с подъемным краном.

Огромная, пестрая, как попугай, машина, пыхтя и фыркая, въехала во двор.

В корзину, висевшую на стреле, посадили цветочница Гоги, вооруженного перочинным ножом. Из гнезда едва слышно доносился писк воробья.

— Быстрее, быстрее! — подгоняли мы «спасителей».

Машина громко заурчала. Желтый хобот вытянулся вверх, качнулся вправо, влево, проплыла мимо деревьев, окон, медленно приблизилась к карнизу и остановилась.

Гоги перегнулся и ножом стал расковыривать залепленное глиной отверстие. Он действовал очень аккуратно, осторожно снимал свежую глину, и вот упал последний комочек. Воробей пулей вылетел из гнезда, но, видимо, все пережитое и наступавшее удушье сковывали его движения, он не смог распрямить крылья, полетел как-то боком и чуть не упал на землю. Опоздай мы хоть на полминуты, он навсегда остался бы в гнезде.

У жильцов вырвался вздох облегчения. Пока шофер опускал кран, портной Батломе, старый тбилисец, решил собрать деньги, чтобы заплатить ему за труды. Он снял с головы свою атласную шапочку, с которой редко расставался, и стал обходить соседей.

Каждый кидал в шапку деньги — кто рубль, кто два. Некоторые за деньгами бежали домой. Батломе поднес шапку с деньгами шоферу, но тот наотрез отказался их принять. Ему было не менее сорока лет, хотя в черных как смоль, густых курчавых волосах не было ни одной сединки. Его смуглое лицо выражало растерянность, он смущенно смотрел на собравшихся робко улыбался.

— Ну пришел, ну и что же? Зачем меня обижают! — сказал он по-грузински с заметным курдским акцентом. — Если вы так, то я как... что я — не тбилисец, что ли!..

— Тогда давай отметим наше знакомство, посидим немного, мы тебя недолго задержим, а потом твою машину доставим на место, пошлем с тобой нашего шофера...

Он совсем смутился:

— Я бы с удовольствием, но много-много дела. И приехал из уважения к ребятам, а то сегодня я делаю ограду на могиле отца, рабочие уже ожидают... Вы без меня кутите, за меня выпейте тост, как будто я тоже здесь, с вами, — он помахал нам из кабины рукой и включил мотор.

Все мы, обитатели нашего дома, живем дружно, часто устраиваем и совместное застолье, в свободное время весной, летом и осенью собираемся в беседке во дворе и за стаканом вина беседуем о том, о сем. Но на этот раз наше застолье было особенно задушевным, мы все чувствовали себя единой семьей, искренне любили друг друга. В общем-то вроде бы ничего особенного и не произошло, подумаешь, спасли жизнь какому-то воробью! Однако, видимо, к добру и милосердию, отданным сполна, от всей души, нельзя подходить с обычной меркой, их ценность неизмерима, ибо они несут в себе особый смысл и силу.

КЕТЕЛАУРИ Сулхан Хвтисоевич. Род. в 1930 г. в с. Тэтрицклеби. По окончании школы 5 лет работал в колхозе пастухом. Затем окончил филологический факультет ТГУ. Первое произведение опубликовал в 1955 году. Автор множества рассказов, трех романов, а также переводов на грузинский язык произведений современных русских писателей — «Мальчик с коньками» Ю. Яковлева, «Полынь на снегу» В. Тельпугова, «Пряслины» Ф. Абрамова и др.

ОБОРМОТЫ

Дом без мебели

Очерк

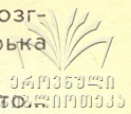
гр. Алексея Н. Толстого

ОБОРМОТИЯ — не остров, не страна, обормоты — не народ. Они селятся между нас гнездами, иногда по одиночке. Говорят на русском языке, одеваются обыкновенно, часто даже сами не знают, что они — обормоты, и душевно страдают, видя несоответствие своих поступков с тем, что вообще принято считать нужным, важным и порядочным у людей, как все. Среди них есть писатели, художники, учителя, музыканты, бродяги, указывают даже на одну особу, они разлиты по всей русской земле, и это имя им — обормоты родилось как бы из ее недр.

* * *

Изан Петрович Красавин ушел на службу в девять, а к часу ехал завтракать домой. День был мокрый, извозчику было наплевать на дождик, и он тащился еле-еле через Дворцовый мост, мимо биржи, потом через Тучков на Мытинскую.

От обилия воды под мостами и сверху из низких туч Иван Петрович просырал насквозь, так



что мысли, и без того невеселые, казалось, промозгли. Жуя потухшую папиросу и глядя из-под козырька пролетки на грязные доски моста, он думал:

«Если она еще не встала, то это черт знает что. Надо рать и навсегда покончить... Если ты жена, так будь женой... Довольно! Все живут как люди, одни мы уж я не знаю как... Вот Шаплыгины устроились же по-человечески».

На набережной извозчик, поругав другого, который загораживал подъезд, остановился у высокого противного дома, где по всем шести этажам проживали постояльцы со своей мебелью.

Учреждение это так и называлось — «дом без мебели». Год назад жена Ивана Петровича, Сима, перед свадьбой наметила поселиться именно здесь. Иван Петрович не противился — тогда он кончал институт гражданских инженеров; но зато твердо решил по окончании найдя место, поселиться по-человечески — в небольшой квартирке, уютно и хозяйственно....

Предлагаемый читателям рассказ выдающегося советского писателя А. Н. Толстого был написан им на заре творческой деятельности. Опубликованный в 1913 г. в одном из незаметных журналов («Новое слово», № 1), он никогда более не переиздавался. Неизвестно, в силу каких причин А. Н. Толстой не включал его в состав своих сочинений.

«Обормоты» увидели свет в тот период творческой жизни А. Н. Толстого, когда он подходил к завершению цикла своих замечательных рассказов и повестей о физической и морально-нравственной деградации дворянского класса. «Обормоты» — свидетельство того, что творческий кругозор писателя расширяется и его интересы касаются жизни и других слоев общества. В этом произведении Толстой обращается к буржуазной интеллигенции России, к ее декадент-

ски-богемствующим представителям, критическое изображение которых вскоре займет одно из заметных мест в его творчестве.

В «Обормотах», названных самим автором очерком, проступают те черты художественной манеры молодого писателя, которые уже тогда во многом определили его творческий облик и сделали его одним из ведущих писателей возрождающегося реализма: зоркий взгляд на явления действительности, пластичность в конструировании художественного образа, великолепное владение всем стилистическим богатством языка, тонкий юмор и сатира — то, что так высоко ценил в нем Горький, называвший талант Толстого «веселым» с «этакой усмешечкой».

Публикуя «Обормотов», сохраняем рассказ в том виде, в котором он был напечатан первоначально, в 1913 году.

Светлана КОШУТ

Мечта эта, прежде приятная, сделалась теперь как болезнь у Ивана Петровича: денег и времени оказалось слишком мало, а Симу никакими калачами нельзя было выманить из насиженной комнаты на шестом этаже, где все жильцы были знакомы, по коридору шлялись как на улице, сплетничали, веселились и просиживали друг у дружки в гостях за полночь.

Иван Петрович ненавидел коридорных знакомых, а сослуживцам не сообщал своего адреса, объясняя, что пока живет «лагерной жизнью», но мебель уже заказана и квартирка снята (где — это мой секрет)...

— Лодыри проклятые, — думал Иван Петрович, поднимаясь на лифте мимо площадок с бамбуковой мебелью; направо и налево уходили коридоры, а по ним и на площадках толклись жители, казалось решительно ничем не занятые, кроме ерундовских разговоров и курения папирос.

«Главное в нашей карьере — это известное антре, когда ты принять не можешь, когда тебя окружают всякие дрянные бездельники, на тебя смотрят как на неудачника, на чернорабочего, и затрут, сделай милость. Нужен блеск, хоть ты расшибись», — думал Иван Петрович, и маленькая, белокурая, сердитая головка его показывалась последовательно над каждым полом, и весь он, в образном порядке, уходил за потолок.

Лифт стал; Иван Петрович сжал брови и, придерживая портфель, быстро зашагал на каблуках по коричневому коридору, где с боков стояли плевательницы, а в конце в матовое окно хлестал дождь.

Берясь за ручку двери, Иван Петрович услышал голос жены:

— Ты только подумай, он сейчас вернется и начнет ругать решительно за все, а я же не могу переменить, стараюсь и не могу...

Другой, ненавистный, мужской голос отвечал:

— Ерунда, не обращай на него внимания, и вообще ты страшная трусиха...

Иван Петрович болезненно усмехнулся рыбьим ртом и поглядел направо и налево. Полуоткрыв соседнюю дверь, подмигивал ему студент в феске, тоже из двери, налево, пялила глаза девица с распущенными волосами.

16.03.59
810-1110333

«Ах», — в тоске подумал Иван Петрович и коленом толкнул дверь. В небольшой, узкой комнате, у окна, стоял главный враг — художник Дьяков. Лицо имело он большое и розовое, с рыжей бородой-веником, кудри с высокого лба катились назад, глаза серые и наглые, и ко всему он был человек без принципов и нахал.

— А, голубчик, — воскликнул Дьяков. — Неужто уже час, виноват, сознаюсь: Курилка (так звал он Симу) давно вскочить хотела, да я все мешал... Сейчас кофей тебе сооружу.

И Дьяков взялся за спиртовку, посмеиваясь и по-свистывая. Иван Петрович, в пальто и картузе, с ненавистью глядел на широкую его спину, обтянутую бархатной блузой...

— Здравствуй же, — сказала Сима. Она лежала в сбитой постели; темные ее волосы были закручены на маковке коком; поверх ночной кофточки надела она коралловые бусы и, держа в маленьких коричневых руках зеркало, разглядывала, вытягивая губы, смуглое свое, худое, немного заспанное, как у девочки, лицо, — я просила оставлять противный портфель и пальто у швейцара... — Мне глядеть прямо холодно.

— Может быть, это ты шляешься до вечера, деньги зарабатываешь, а не я, — проговорил Иван Петрович дрожащим голосом — до того обозлился... Сима поджала губы и швырнула зеркальце в ноги. Дьяков, глядя в пламя спиртовки, раздвинул наглой улыбкой бороду и усы...

— Вот что, — сказал ему Иван Петрович, похлопывая по руке портфелем, — уйди, пожалуйста, мне надо.

— А вот только закипит кофей, — быстро ответил Дьяков.

— Зачем, пусть сидит, — протянула Сима... — Я знаю, ты браниться намерен... Опять только голова заболит...

Иван Петрович, сунув портфель под мышку, сел на стул... То, что он вошел, не сняв даже картуза, было вызовом... Но Сима и Дьяков не только ничего не за

метили, но прямо выгнать, кажется, его собрались, без завтрака, на дождик, деньги зарабатывать.

— Да что же это мы, втроем живем или нет? — закричал Иван Петрович, — ты кто здесь — муж? Люб-
бовник?

— Какая пошлость, — громко сказала Сима.

— Я не сплю, кажется, — продолжал Иван Петрович, поднеся пять пальцев ко лбу, — в свою я комнату попал? К своей жене или нет?

— Ты сделался очень странный за последнее время, — молвил Дьяков давно уже, очевидно, приготовленным тоном.

Но Иван Петрович подскочил к нему, схватил за рукав и крикнул, топая ногой:

— Вон, вон сию минуту...

— Послушай, голубчик...

— Я тебе не голубчик....

Но в это время открылась дверь и вошел маленький человек с большой лысой головой, подстриженными усами и собачьими глазами, которыми он, испуганно поведя, уставился на Ивана Петровича.

— Сонин, голубчик, — воскликнула Сима. — Иван Петрович сбесился, он уж всех нас выгоняет на дождик, как собак, — и она, сунув руки в рукав, захватила кружево рубашки и вытерла слезы...

— Ай, ай, что же это ты, Ваня, — молвил Сонин кротко.

Иван Петрович повернулся, поглядел на врагов, на жену, надвинул картуз и выбежал из комнаты, бормоча:

— На дождик, прекрасно... И не буду завтракать, и не желаю.

На лестничной площадке он присел на минутку, засовывая в рот усы и думая — запустить портфелем в коридор или нет; потом сбежал вниз, на дождик, и нарочно пошел пешком по слякоти, повторяя:

— Пусть, пусть; если не ценишь, и не надо; простужусь — со службы выгонят — наплевать; а завтракать не буду и обедать не вернусь... Валяйся со своими дураками... Неблагодарное животное...

Ивану Петровичу казалось, что этот его поступок — беготня из дома на службу голодным и промокшим — заставит жену сокрушаться по крайней мере всю

жизнь. Но он не почитал, что женщина, разлюбив, не пожалеет; каждое слово и дело повернет по-своему на охуление, и, кроме того, у Симы совсем не было этого го чувства — рожденного из петербургской слякоти, — надрыва, которому соответствует безнадежное, по-рожнее, как пустошь, слово «пусть». И не только не надо было надрываться Ивану Петровичу, а поступить умно, с хитростью, и хоть бы немного приревновать, потому что враги его не дремали.

Сима, когда муж убежал, велела Дьякову кинуть на постель юбку, под одеялом надела ее и, сунув босые ноги в красные туфельки, принялась озабоченно мигать, сидя на кровати. Дьяков разливал кофей, Сонин стоял у печки.

— Ну, чего уставился, — сказала ему Сима, так ничего путного и не придумав, — видишь — вот и выходи замуж. Никакого удовольствия... У него одни чертежи да арифметики, а я между прочим — для ругани... Шоколаду не покупает, в театр только по праздникам можно, и сиди дома, как бочка, да притом намеревается в квартиру меня запереть... А если я хочу жить как нравится? Эти его светские приличия мне прямо надоели.

— Надоел, так брось, чем канитель тянуть... который раз тебе повторяю, — сказал Дьяков, — подожди, побольше денег наживет он, еще не эдак себя проявит: Они все такие; нагляделся.

— Что же мне делать? — воскликнула Сима, вставая и растопырив пальцы.

Так, с растопыренными пальцами, она простояла довольно долго. Наконец Дьяков сказал:

— Вот Сонин — человек беспристрастный, спроси, как он скажет, так и поступим...

Сонин, когда оба на него поглядели, покраснел, покашлял, бочком подобрался к двери, помигал, открыл даже рот, чтобы сказать, и вышел...

— По-моему, он очень определенно ответил, — сказал Дьяков, пристально глядя на смущенную Симу. Потом подошел к ней, взял за локти, притянул к себе и добавил: — Ты должна согласиться, Курилка, так нужно...

— Боюсь не знаю чего, — быстро проговорила Сима, зажмурилась, поднялась на цыпочки и поднесла щеку к его губам.

Но Дьяков не поцеловал, а, засмеявшись, отстранил Симу:

— Нет, крошка, этим не отделаешься; я хочу всего....

— Ах, какой ты странный, — сказала Сима, — подумай, ведь я замужем; у меня должны быть какие-нибудь обязанности. Понимаешь, я о них думаю и думаю; что-нибудь да есть, иначе бы замуж не выходили. А ты все пристаешь... Дай мне подумать как следует...

Сима опять принялась думать, на этот раз сев бочком на стул; положила ногу на ногу; туфля свалилась с крошечной ее голы ступни; головой она коснулась закинутого на спинку локтя и закрыла глаза.

Дьяков молча глядел на Симу, и взор его стал серьезным и ласковым.

— Додумалась, — проговорил он наконец, — не додумаешься, нет никаких обязанностей, все это выдумал Иван Петрович... А вот, действительно, одно ты решить можешь — с мужем ли остаться, жить как Шаплыгины, ни разу во всю жизнь и не посмеяться как следует, или бросить Ивана Петровича к черту и узнать, что такое настоящее счастье... Выбирай...

Слушая, как Дьяков расписывает настоящее счастье, Сима думала, отчего это ей всегда страшно: мужа она трусит; Дьякова — человека настойчивого — прямо боится; а одной ей еще страшней, словно в пустом доме, где ничего не устроено.

— А ты подожди, — наконец сказала она, — вот он уедет куда-нибудь, мы и посмотрим; все-таки мне страшно, подумай, ведь я женщина, а ты ведь чего хочешь.

— Никуда он не уедет, ты просто обыкновенная Курилка, — закричал Дьяков, пробежался и стал около Симы; она покосилась на него и со страха мигнула черными глазами... Дьяков раздвинулся улыбкой, проговорив нежно:

— Пойми, наконец, он тебе никогда ножки даже не поцеловал, — и, нагнувшись, погладил и поцеловал симину ногу. Сима засмеялась...

— А ты почему знаешь, может быть и целовал, — и, соскользнув со стула, она по пути захватила черную шаль, накинула ее на плечи и, потянув Дьякова за пиджак, попросила:

✓ — Душечка, пойдём к Варе и Наде, там поговорим.

В третьей, по той же стороне, комнате, на плюшевой оттоманке, сидели две сестры Райские: Варя и Надя, обе тоненькие, беленькие и круглолицые, одна красивая, другая — нет. Варя готовилась в актрисы, Надя писала стихи; сидели они рядом, греясь друг об дружку, в одинаковых коричневых халатиках, ели шоколад и ждали, кто придет. В комнате был такой беспорядок, что одна на весь коридор прислуга отказывалась убирать, мела только пол; на всех стульях, столе и двух кроватях лежали платья, белье, башмаки и шляпки. Комода не было. Окно же на ночь занавешивалось шалью, висевшей теперь на одном гвозде.

Когда вошли Сима и Дьяков, сестры соскочили и, воскликнув «душечки», поцеловали шоколадными ртами Симу в губы, Дьякова в лоб.

— Ну, что твой муж? — спросила Варя.

— Бедняжка, — сказала Надя, — эти ужасные мужчины... Мы решили никогда не выходить замуж.

Дьяков подошел к окну. Сима, грустно склонив голову, села между сестрами, которые тотчас принялись болтать о том и о сем, выпытывая между словами, что случилось.

— Если бы мы вместе ушли, — сказал вдруг Дьяков, — я написал бы с тебя чудесный портрет, мы его продали бы и уехали в Италию... Смотри, какой дождь. — Сестры и Сима замолчали. Дьяков побарабанил по стеклу и окончил: — В сущности твое поведение — мелко и по-мещански, вот и все... Отступлюсь, вот и живи с Шаплыгиными.

— Не обижайте нашу милочку, — сказала тоненьким голосом Варя, а Надя добавила:

— Вы ничего не понимаете, это — не мещанство, а просто женская стыдливость...

— Ваш писк несносен, это — не стыдливость, а сквернейшие предрассудки, — гневно воскликнул Дьяков и вышел, ударив дверь. Сестры же и Сима

остались рассуждать о своем женском. Дьяков прошел в конец коридора к себе в мастерскую, отличавшуюся от других комнат только тем, что здесь воняло красками, на стенах, приколотая кнопками, висела живопись, а вместо кровати стояла низкая тахта, прикрытая цветными фонами, да посередине пола горела керосиновая печь.

Сжав за спиною пальцы, Дьяков заходил из угла в угол, думая, как это он—сильный, веселый и талантливый человек, не может сломить упорство крошечной женщины. Сима его любит, конечно, но этот промозглый инженер овладел ее волей. И приходится жить одному, видеть постоянный дождик за окном, слушать, как внизу гремят извозчики, чувствовать холод в пальцах и воспаленную голову и вертеться, как овца, вокруг невероятной мысли: запереть Симу здесь на неделю, на месяц; вдвоем погрузиться в фантастическую страну любви и, конечно, писать милую Курилку, целые полотна исписывать ее телом.

За стеной налево играл в это время Сонин на рояле тихо и печально. Дьяков, став, прислушался: музыка была несносная, как дождик, и он, обозлясь, постучал в стену; играть перестали. Тогда Дьяков постучал еще три раза, и через минуту вошел Сонин, сел, сунув ладони между колен, и сделал покорное лицо.

— Голубчик, ты все знаешь, — сказал ему Дьяков, — нужна какая-то штука, выверт, чтобы сразу все распутать. Так жить я не могу больше. Представь только — ведь этот промозглый человек явится вечером, ляжет с ней в одну постель, всю ночь будет душить ее своей гнилью. Ведь не любит же она его.

— Она никого не любит, — ответил Сонин, — она — настоящая обормотка, живет и не живет...

— Неправда, я знаю, меня полюбит... А ты вот придумай.

— Штуку я знаю одну... Давно придумал...

И Сонин, словно покраснев, поднял умные глаза и улыбнулся.

В это время, когда придумывали и выполняли штуку, Иван Петрович шел со службы с двумя товарищами, но не домой, а на Невский в ресторан, где в подвалах играли на бильярде. Сослуживцам Иван Петро-

вич надоел, рассказывая про домашнюю неприятность, и они, объявив ему раз и навсегда: «Плюнь на береги свое здоровье», сняли пиджаки, отстегнули манжеты и в прокуренном подвале, наклоня под светом из лампы лысые свои черепа, принялись гонять шары по сукну, а Иван Петрович сел на высокий диван, в тоске стал ждать заказанную еду и думал, что его жизнь человеческой назвать нельзя.

«Учился, учился, — размышлял Иван Петрович, — и опять, как в старые времена, — ни дома нет, ни жены-умницы, ни положения.

К чему тогда и жить... Вот бы вместо этого прийти бы домой, откроет тебе горничная, пальто повесит в прихожей, собачка выбежит, залает, зайдешь в гостиную — перед окнами пальмы, на стене Беклин висит; просмотришь альбом или собачку погладишь, и вот жена отворит дверь и скажет: «Проголодался, милый, — обед подан». Вид у Симы скромный, хозяйственный; подадут к столу французский суп, развернешь салфетку и спросишь — нельзя ли грибков и рюмочку; а собачка служит уже, стоит у стула; вдруг звонок — пришли Шаплыгины, их сейчас же к обеду, и заведешь приятный разговор, только вилки стучат»...

Вилки, действительно, застучали — половой принес еду; Иван Петрович тяжело вздохнул, слез с дивана и, поев и выпив пива, стал выпускать воздух из надутых щек, после этого полегчало — многое невозможное представилось вдруг выполнимым. Он пересчитал деньги — было всего пятнадцать рублей. Если бы достать еще тридцать пять, — сообразил он, — можно завтра же расплатиться за комнату, немедленно переехать в гостиницу, запереть Симу на ключ — пусть ревет, и ехать к начальнику — «ваше превосходительство, — скажу, — я — человек, я должен жить, а не погрязать в доме без мебели; выдайте мне вперед жалованье за полгода, отработаю вот этими руками; я умею работать, пусть только будет импульс!»

Иван Петрович вскочил, часто мигая, попридержал сослуживца за кий и воскликнул:

— Володя, понимаешь, я нашел выход.. Мне ну-
жен импульс — дай тридцать пять до послезавтра

— Много пива пил, дорогой, — ответил сослуживец спокойно, — денег я тебе не дам, а если уж так приспичило, поди вон к тому бильярду и мажь на кривого в жилетке — он жучок.

Иван Петрович глянул на кривого в жилетке и понял, что в нем сейчас вся судьба...

Давно настал вечер; дождик лил на фонари и на их отражения по тротуарам и лужам; дом на Мытнинской светился всеми мутными окнами, а на шестом этаже жильцы, умирая от любопытства, глядели в приотворенные двери, ждя событий.

В коридорах было пусто, а на лифтовой площадке стояли, ожидая вот уже больше часу, двое — студент в феске и рослый юноша в куртке с бранденбурами — цирковой борец.

Дьяков и Сонин сидели в мастерской. Сима лежала у сестер Райских, Варя похлопывала молодую женщину по ладоням. Надя поила валерианом, уверяя, что когда возьмутся за дело мужчины, — спорить нельзя.

Дело, удуманное Сониным, было сделано, ожидали дальнейших событий. В половине одиннадцатого голова Ивана Петровича показалась, наконец, над полом площадки, и он, шагнув из лифта, очутился перед студентом и юношей с бранденбурами. На вопрос — «Что угодно?» юноша крикнул, а студент сказал:

— Нам поручено нашим доверителем серьезно поговорить с вами, господин К. (студент не произнес фамилии, а лишь начальную букву, помня кодекс).

— Прошу, — ответил Иван Петрович, и, когда отомкнул свою дверь, открыл электричество, и без того осунувшееся лицо его вдруг позеленело: на стене, где висели симины юбки, торчали теперь одни гвозди; кровать была голая; посреди пола стоял неубранный сосуд, и через распахнутую форточку дуло в опустевшую комнату ветром и дождем.

Иван Петрович обернулся к доверителям, спросив, переводя дыхание:

Что это значит?

— Дама, с которой вы жили, — начал студент...
Виноват, моя жена.

— Виноват, дама, с которой вы жили, нашла для себя более удобным переехать в 27-й номер.

Иван Петрович, не дослушав, воскликнул: — побежал к двери, но, наткнувшись на юношу с бранденбурами, растерялся и сел на кровать...

— Наш доверитель — художник Д., — продолжал студент, делая страшные (как нужно в подобном случае) глаза, — просил передать вам, что он готов на всякое удовлетворение, какое вы ни пожелаете.

— Морду ему... — начал было Иван Петрович, но юноша с бранденбурами перебил:

— Это мы еще посмотрим, кому...

Иван Петрович схватился за голову, уперся локтями в колени и так и остался. Доверители потоптались...

— Что прикажете передать? — проговорил, наконец, студент...

— На дуэли со всяким драться я не намерен, meşie, принципиально против, а закатаю его в Сибирь, мошенника.

— Итак, миссия окончена, вы считаете себя удовлетворенным, что же касается суда, это — дело юристов и государства. — И, выговорив такую кудреватость, студент, пятясь, вышел, прихватив с собой и юношу с бранденбурами.

Иван Петрович остался сидеть на голом тюфяке. В голове у него звенело, на мокрый лоб дуло из форточки, и электрическая лампа горела под потолком — печальная и холодная.

Потом Иван Петрович медленно полез в карман, достал оттуда все, что осталось от игры, поглядел на пятаки и швырнул их под стол к окошку. Потом опять сидел очень долго без движения; потом встал, поглядел на лампочку и, выйдя, постучался к сестрам Райским...

— Кто там? — запищала Варя.

— К нам нельзя, мы раздеты, — ответила Надя.

Иван Петрович, опустив голову, с застывшей улыбкой, потому что изо всех дверей глядели на него по паре и по две любопытных глаз, направился к мастерской — номеру двадцать седьмому.

Сонин в то время стоял у стены, под натюрмортом, Дьяков лежал, куря трубку... Когда дверь открылась, Дьяков вскочил, сунул руки в карманы и с трубкой перед носом шагнул Ивану Петровичу навстречу. Сонин невидимо и тонко усмехнулся, очень довольный.

Впоследствии Иван Петрович никак не мог понять, почему не кинулся он на этого человека, не схватил его за волосы и не сшиб с ног, а вместо всего спросил негромко:

— Где же Сима? — И, задохнувшись от слез, повернулся и вышел, не дожидаясь ответа...

Случилось так, должно быть, оттого, что в этот вечер Иван Петрович был слишком потрясен беготней, событиями, в голове еще бродили пивные пары, и посему не мог он ясно осознать, что это не злая шутка, какие выкидывались часто в проклятом доме, а конец и развязка... что надо начать сызнова жизнь, которую не так-то просто строить, — взял жену, нанял квартиру и живи; что эти бездельники и обормоты оказались сильнее его — инженера с твердыми понятиями. Хотя это последнее всего труднее было ему осознать.

Иван Петрович не вернулся к себе, а скорченный и словно подгоняемый взглядами из дверей, побрел вниз, вспоминая адрес холостого сослуживца...

Посредине лестницы его догнал Сонин, обеими руками взял за плечи, прижался к пальто щекой и зашептал:

— Что делать, что делать, какое несчастье, я просил их, отговаривал, приводил резоны, они как сумасшедшие... Куда вы теперь?.. Ах, только не огорчайтесь, все устроится, только побольше мужества.

Иван Петрович отстранился, поглядел на Сонины и, проговорив:

— Иезуит, иуда... — продолжал спускаться, держась за перила.

И сейчас же, как только Сонин, взбежав, поступался к Дьякову, потом к Райским и сообщил, что инженер ушел, должно быть, топиться, открылись все двери, высыпали жильцы в коридор и засмеялись, передавая всевозможные подробности. Внизу, с лестничных площадок, задрав головы, глядели жители остальных этажей. Швейцар приехал на лифте и объявил, что око-

лоточный обижаются. Смех и топот и хлопанье дверями стояли за полночь.

Когда же по комнатам пошли спать, Надя открыла дверь, а Варя вывела под руку заплаканную Симу и проводила до двадцать седьмого номера, где бегал Дьяков. Сонин позади нес платья, белье, подушку, плед и чемоданчик.

В мастерской было темно, лишь на потолке лежал свет из керосиновой печки. Дьяков отошел в угол. Сима попридержалась за косяк, но не сильно. Надя отвела ее руку и, поцеловав в шею, толкнула на середину комнаты, говоря: «Иди к мужу»; Сонин положил вещи у стены и, выйдя, прикрыл за собой дверь. Вот и все...

Скоро остался в коридоре один Сонин, стоя перед мокрым окном. Дрожали стекла, хлестал дождь; вдалеке на набережной и судах горели огни... По улицам в слякоти шатался обиженный инженер; а Сонин, глядя в темноту на огни, думал:

«Теперь, конечно, нет надежды; меня то уж, конечно, не полюбит. Разве только поссорить их. Не стоит... Лучше я уйду отсюда. Зажился очень.

Мелко стало все — скучно. Вот вырасти бы таким большим, как каланча, пойти по улице, дом спихнуть плечом; или дерево вырвать и начать мести по тротуару и всех людей вымести в Неву... Не вырастешь. Отчего так плохо — живешь, живешь, — все ни к чему».

гр. Алексей Н. Толстой

Шалва ЧИЧУА

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ ГРУЗИНСКОГО СОВЕТСКОГО РОМАНА

●
Эпохи обращены к нам
лицами людей.

●
Лео Киачели.

В ОЗРОЖДЕНИЕ грузинского романа начинается с середины 20-х годов, когда в Грузии победила революция и грузинский народ приобщился к великому делу строительства социалистического общества. В 1924-25 годах один за другим были опубликованы «Санавардо» Демны Шенгелая, «Джакос хизнеби» («Обвал»), «Белый воротник», «Кеачи Квачантирадзе» Михаила Джавахишвили, «Улыбка Дионисия» Константинэ Гамсахурдиа, «Падение Армази» и «Георгий Саакадзе» Василия Барнови, «Юрий Боголюбский» Шалвы Дадиани, «Кровь» Лео Киачели.

Безусловно, каждый из этих романов характеризуют особое мировоззрение, метод, направление, художественный уровень, наконец. Тем не менее все они заняли свое место в грузинской литературе и не только несут в себе характеристику определенного исторического периода, но, утратив своей художественной ценности, являются и активом грузинской литературы.

Уже на этой ступени развития романа стала очевидной несостоятельность гипотезы, ставившей под сомнение перспективу развития грузинской прозы и объявлявшей поэзию более близкой по духу и природе грузинскому национальному характеру.

Развитие прозы, в частности широких эпических жанров, вполне справедливо связывали с углублением аналитического мышления, с необходимостью проникновения в глубинные пласты жизни.

Мощное развитие мышления, в частности художественного, было обусловлено эпохальными сдвигами в жизни народа, раскрывшими потенциальные возможности нации и каждого человека в отдельности и подводящими к решению проблем, порожденных самой жизнью.

В середине 20-х годов возрождается или возникает множество разновидностей романа — социальный и психологический, исторический и историко-революционный, фантастический и плутовской, авантюристический, экспериментальный, руссоистский и т. д. Особое значение имело развитие всех разновидностей реалистического романа.

Уже первые романы исследовали жизнь с различных точек зрения. Имеется в виду не только художественная индивидуальность, манера письма и личные пристрастия художника, но в первую очередь глубокие творческие течения, которые, своеобразно проявляясь в индивидуальном творчестве каждого писателя, представляют собой выражение идеологических и художественных позиций, возникающих в результате развития глубочайших жизненных процессов.

Вышеперечисленные романы разнообразны и с точки зрения тематики и фабулы. Среди них — произведения о современности, революционном прошлом, а также и исторические, социальные, психологические романы, но, конечно, не в чистом виде, а, если можно так выразиться, диффузировавшиеся друг в друге. У каждого — свое направление и стиль, что обусловлено различным пониманием человека, сущностью связи писателя с действительностью и принципами создания художественного образа. Все это в конечном счете проявляется в структуре романа и, формируясь как признак жанра, ложится в основу существенного жанрового различия.

Историю романа нельзя превращать в историю направления, метода, отмечал М. Бахтин. И действительно, такой подход был бы неверным. Однако при изучении романа, исследовании его динамики невозможно, более того, недопустимо пренебрегать художественным направлением, методом, определяющим принципы построения художественного образа и соответственно типа романа, принципы изображения человека, построение сюжета и вообще структуру произведения.

Иное дело, что романное мышление и литературное направление, метод — разные величины. Литературное направление вмещает в себя эпическое, лирическое и драматическое начало.

С другой стороны, романное мышление и романное слово охватывают различные литературные направления — реалистическое, натуралистическое, модернистское. Литературное направление — не что иное, как отражение глубоких жизненных процессов, философского, эстетического и художественного мышления. Роман, как, наверное, и любой другой жанр, следует рассматривать не только в неразрывной связи с художественной концепцией и эстетическим идеалом, но и со всей жизнью, со всем ее содержанием. Именно в романе эта связь проявляется наиболее глубоко и рельефно.

Однако, прежде чем говорить о различии романов «Улыбка Дионисия», «Джакос хизнеби» («Обвал»), «Санавардо», «Падение Армази», «Кровь» и других, необходимо отметить, что все они, невзирая на их тематику, фабулу, жанровое разнообразие, сущность художественного метода и направления, взаимосвязаны одной общей основной проблемой: отображение жизни народа, его прошлого и настоящего. И это вполне естественно. Революция явилась важнейшей вехой, в корне изменившей жизнь грузинского народа, и, стремясь осмыслить это эпохальное явление, писатели обращают взоры на самые отдаленные истоки, живо интересуются настоящим и задумываются над будущим. В отдельных критических статьях, опубликованных в 20—30-е годы, это неверно квалифицировалось как проявление национализма. Между тем раздумья о судьбе нации, народа — основное назначение литературы, ее существеннейшая черта. В процессе решения этой единой для всех проблемы выявились различные точки зрения, различное отношение к действительности, различные философские, эстетические и художественные взгляды, что выразилось и в «чисто» жанровом своеобразии.

В смысле литературного направления романы на этой начальной стадии развития, можно сказать, реалистичны. Однако, поставив на этом точку, мы упростили бы проблему. В «Улыбке Дионисия», «Санавардо» и некоторых других произведениях явно чувствуется влияние модернистских школ Запада. А существующий в них реалистический поток можно объяснить эклектической природой экспрессионистской и символистской прозы, поскольку эти романы отличаются своеобразным мировосприятием и принципами построения художественного образа, что нашло выражение в их структуре и архитектонике.

Что касается бесспорно реалистических романов, не испытывавших на себе никакого влияния модернизма, было бы упрощением считать, что они написаны методом социалистического реализма. Социалистический реализм, зародившийся еще до революции как художественное мировоззрение и творческий метод, с установлением Советской власти не сразу стал основным методом нашей литературы, этому предшествовали долголетние литературные баталии. Реализм романов «Джакос хизнеби» («Обвал»), «Квачи Квачантирадзе», «Юрий Боголюбский», «Георгий Саакадзе» — критический реализм. Верностью методу в этих романах можно считать стремление к выявлению теневых сторон жизни. Однако, поставив здесь точку, мы опять-таки упростили бы проблему и проявили бы по существу неверный подход к ней. В романах «Джакос хизнеби», «Квачи Квачантирадзе» отразились эпохальные сдвиги нашего времени. В сатирических образах, доведенных до гротеска, показано окончательное поражение предводителей старого мира. Можно сказать, что образ Теймураза Хевистави — своего рода «сведение счетов» с его прототипами, бескомпромиссное, жестокое, беспощадное. Писатель считает, что полутона тут малодейственны. Теймураз Хевистави — национальная проблема грузинской литературы, своеобразно модернизированная для двадцатого века. Ввиду особенностей грузинской истории феодальная аристократия всегда была в центре внимания нашей литературы. И в XIX веке эту тему исследовали и разрабатывали Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. Нарождавшиеся в нашей стране капиталистические отношения и порожденные ими типы нашли отражение в произведениях Лаврентия Ардазиани, Георгия Церетели, Эгнатэ Ниношвили и Лалиони, которые лишь наметили «новый тип в нашей жизни». Однако в художественном исследовании национальной истории вплоть до 30-х годов и позднее в историческом романе одной из основных фигур по-прежнему остается дворянская аристократия, безусловно рассматриваемая под иным углом зрения в соответствии с нашим временем. Это подтверждает галерея образов — начиная с Бондо Чиладзе, Саварсамидзе и Теймураза Хевистави до Арчила Дадишани и Тараша Эмхвари, не говоря уже о героях исторических романов Василия Барнови и Шалвы Дадиани.

Несмотря на большое значение художественных образов Теймураза Хевистави и тем более Джако, это не те герои, которые могли бы стать основой литературы социалистического реализма. Хотя здесь же следует отметить, что проблема социалистического

Шалва Чичуа. Шестьдесят лет грузинского советского романа.

реализма не сводится к проблеме героя или предмету искусства, несмотря на то, что именно этот предмет — действительность и герой — определяет его суть. Существенную сторону социалистического реализма как художественного мировоззрения и метода представляет его отношение к действительности, герою. Поэтому животворящая сила этого метода проявляется также и в историческом романе.

В своих исторических романах Василий Барнови брал за основу действительность, но главным для писателя были постановка и решение интересующих его нравственно-философских проблем, представляющих интерес не только с точки зрения прошлого, но и настоящего и в общечеловеческом аспекте. Он предстает перед нами как писатель совершенно своеобразного мироощущения и идей, что нашло выражение в слиянии его оригинального стиля и принципов отображения истории. История в романах Василия Барнови является предметом философско-эстетического восприятия и изображения на базе совершенно реального нравственного содержания — в пределах взаимодействия частей отмеченной исследователями «триады» писателя — Красоты — Любви — Божества. Здесь же кроется причина следов идеалистического мышления в мировоззрении автора, отсюда проистекают социальные взгляды Василия Барнови, его представления о борьбе, народе, героях, противопоставлении добра и зла.

Своими гуманистическими идеалами, стремлением служить народу Барнови оказался очень близок к новой социалистической действительности. Вместе с Давидом Клдиашвили, Шио Мгвимели и другими писателями он приветствовал Советскую власть. Что касается его художественного мировоззрения, по мнению многих исследователей, оно не претерпело значительных изменений. Однако анализ вышедших в 1925 году романов «В тисках провидения» («Георгий Саакадзе») и «Падение Армази» убеждают в том, что проблему взаимоотношения личности и общества, героя и народа писатель увидел в совершенно новом аспекте и в своих исторических романах более настойчиво и последовательно осуществлял принципы подлинного историзма. Георгий Саакадзе, прогрессивный политический деятель, талантливый военачальник и несравненный воин возвеличивается автором, пока герой вместе с народом, пока он борется за народное дело. Однако ничто не может оправдать Саакадзе, когда он обнажает меч против братьев, тогда герой обречен и достоин лишь жалости.

В. Барнови, поборник свободного человека и свободной любви, и раньше не испытывал симпатий к канонической церкви. Однако его отношение к церкви, проявившееся в «Падении Армази»,

безусловно, явилось плодом долгих раздумий о христианстве как идеологии. Церковь как сила, сковывающая свободу любви, изборожена и в романе «Любовь измученная», созданном в 1918 году, но в «Падении Армази» христианская религия предстает как служительница великодержавных идей Рима. «Рим — центр христианства — мечтал стать центром всего мира. Царица Нана и Мириан тоже понимали это...» — так утверждалась историческая точка зрения в художественном мировоззрении Барнови.

Осмысление эпохальных событий жизни народа лежит в основе романа Ш. Дадиани «Юрий Боголюбский». Юрий Боголюбский не случайно избран автором героем романа, и не случайно имя этого героя вынесено в заглавие произведения. Эта художественная проблема была вызвана к жизни в обстановке неразрешимой связи национальной жизни Грузии с жизнью Советской России и осмысления исторических корней сближения русского и грузинского народов.

Что касается проблемной сути реалистических романов «первой волны», с чисто жанровой точки зрения эти проблемные особенности не внесли значительных изменений в структуру традиционного романа. Как отмечают русские советские исследователи, советская романистика и впоследствии успешно использовала принципы композиционного и сюжетного построения традиционного романа. Яркое доказательство этому — написанный на историко-революционную тему и построенный всецело на эстетике традиционного романа роман «С тропинок на рельсы» Нико Лордкипанидзе, который несомненно явился одной из важных вех не только в творческой биографии Нико Лордкипанидзе, но и в грузинской литературе вообще.

Несколько обособленно среди романов, опубликованных в 1924-25 годах, с этой точки зрения стоит роман Лео Киачели «Кровь». Мировоззренческая и психологическая суть героя — Арчила Дадишани как бы пластично отразилась в сюжете произведения, его композиции и во всей структуре. Даже в какой-то степени определяет ее.

Необходимость обновления содержания и формы романа понимали и писатели-реалисты. Михаил Джавахишвили не ограничивался рамками чисто социального романа, широко используя формы плутовского романа. После первой публикации «Квачи Квачантирадзе» был назван «бульварным романом» (журнал «Литература и другое»), да и впоследствии не получил достойной оценки, поскольку при анализе его исходили из критериев, не

соответствовавших тому типу романа, к которому принадлежало это произведение; а оно с начала до конца пронизано поэтикой плутовского романа и ставило и решало важные художественные задачи. Имя Квачи стало нарицательным, и это безусловно свидетельствует о том, что роман «Квачи Квачантирадзе» Михаила Джавахишвили явился несомненным достижением грузинской романистики.

В письме к Б. Буачидзе Михаил Джавахишвили называл «Белый воротник» экспериментальным романом. Писатель прекрасно знал, что в романе, как и в реалистическом искусстве вообще, функции отражения и вымысла тесно взаимосвязаны. Этнографический обзор романа, данный в статье В. Очиаури (журнал «Картули мцэрлоба»), подтверждает, что в «Белом воротнике» доминирует вымысел, что вовсе не означает неправомерность подобной позиции. В поисках новых форм писатель неизменно обращается к эксперименту, выдумке и может достичь успеха на этом пути, если, конечно, опирается на значительную жизненную проблему. В данном случае стержнем произведения была руссоистская проблема взаимоотношения цивилизации и природы на базе новейших реалий современной жизни. «Белый воротник» явился талантливым экспериментом, хотя бы частично, но отразившим действительность, и в то же время выражением неудержимого стремления художника к новым формам художественного познания действительности и освоению новых путей ее изображения. Впоследствии эта мощная художественная энергия проявляется вновь в романе-эпопее «Арсен из Марабды», с большой силой продемонстрировавшем новаторство М. Джавахишвили как эпика.

Поиск новых форм, новой романной структуры наглядно проступает в «Санавардо» Д. Шенгелая и «Улыбке Дионисия» К. Гамсахурдиа. Новизна формы этих романов соответствовала художественным целям писателей. «Истинно национальная литература начинается с преодоления чуждых влияний. Иная практика несомненно ведет к эпигонству и глубокому провинциализму» (К. Гамсахурдиа). Однако это не должно означать отказа от контактов, замыкания национальной литературы в собственных границах. «Выдающиеся деятели грузинской культуры стояли на рубежах культур Востока и Запада и постоянно искали пути их синтеза». Они были хорошо знакомы с памятниками культуры Ирана, Арабского Востока, а также Греции, Византии, но никогда не ограничивались «рецептурным восприятием, напротив, сказали новое слово современному им миру».

Наряду с другими романами эта ориентация стала характерной и для «Улыбки Дионисия» и «Санавардо», но здесь на перед-

ний план выступало стремление к известному уровню развития мировой культуры. Причиной, видимо, было появление на мировой литературной арене модернистских школ. В. Кайзер пишет о модернистском романе «распадом формы», но в тот период он все же воспринимался как революция, особенно в сфере поэтики романа. Этот процесс был связан с общественной жизнью Запада, и поэтому вторую половину 10-х годов XX века и 20-е годы можно считать периодом расцвета модернистского романа. Однако, если учесть источники «Улыбки Дионисия», особое значение приобретают распространенные в то время в Европе эстетико-философские взгляды; поиски же литературно-творческих параллелей сами по себе не приведут к значительным результатам, поскольку основные модернистские романы создавались приблизительно в тот же период, когда была написана «Улыбка Дионисия». Последние тома «В поисках утраченного времени», принесшие Прусту популярность, были опубликованы в 1920-22 годы. В то же время был напечатан «Улисс», а романы Кафки «Америка», «Процесс», «Крепость» были опубликованы Максом Бродом в 1925-26 гг.

В «Улыбке Дионисия» хорошо прослеживается также влияние опыта национальных и европейских реалистических школ. Это подтверждается стилем отражения жизни Европы того времени. Возможно, следы реалистического и импрессионистского течений в «Улыбке Дионисия» следует искать также и в эклектизме поэтики экспрессионистского и импрессионистского романов. Изучая романы Пруста, Джойса и Кафки, многие исследователи отмечали механические стиливые соединения в их произведениях. Однако тот факт, что в «Улыбке Дионисия» правдиво отображена жизнь Европы, свидетелем которой был сам автор, не вызывает сомнения.

Распад старых форм жизни вызывает глубокий скепсис молодого писателя и порождает крайне критическое отношение к смыслу жизни, сущности человека и его назначению, порождает импульс к переосмыслению существующего. Так или иначе, кризис буржуазной цивилизации был общественной реальностью, что позволило писателю прийти к выводу: «Этот мир беспорядочен и мрачен».

Безусловно, причиной трагического восприятия мира нельзя считать только кризис западного капиталистического общества. Драматическое отношение Константина Саварсамидзе к действительности имело и более глубокие корни — трагическое восприятие

исторических судеб Грузии. Раскрытие главной мифемы романа убеждает в том, что основная проблема «Улыбки Дионисия» — национальная проблема. Постулат мировосприятия главного героя: «Этот мир беспорядочен и мрачен» — должен был найти выражение в эстетике и в стиле романа. Безусловно, это ни в коей мере не оправдывает выбора эстетического идеала художника, но достаточно хорошо объясняет его. Художественное творчество зависит не только от общественной жизни, объекта отображения, но и от отображающего субъекта, писателя, от философской сути и направленности его художественного мышления, от того, какая сторона многогранной противоречивой действительности привлекает мыслящий субъект, в чем он видит главное. В. И. Ленин говорил, что картина мира есть картина того, как движется материя и как мыслит материя. Это касается литературы всех направлений, и в частности писательской позиции Константина Гамсахурдиа конкретно в те годы, и вообще модернистского искусства, модернистского романа. Запутанную и мрачную действительность, где «абсурдно бытие человека» (Камю), лучше изображать с помощью иносказаний и символов, туманными намеками и мифемами. Только богу или полубогу, может быть, удастся преодолеть эту действительность, победить ее. Поэтому в стремлении Саварсамидзе приравнять себя к богу или найти в себе бога проступает тень нищезанятия. И все же Константин Гамсахурдиа сохраняет трезвую, реалистическую точку зрения и миропонимания. Идея сотворения нового бога оказалась эфемерной, попытка создания оригинального, гуманизированного улыбающегося Дионисия терпит крах. Бесплодна также попытка восстановления мифа в эпоху цивилизации. Наше время — «время, лишенное мифов».

Этот трезвый реалистический взгляд на жизнь и верное осмысление взаимосвязи писателя и читателя («Ни одно зерно не падает в пустоту. Все на свете родит свой отзвук») — проводят черту между К. Гамсахурдиа и декадентством.

Влияние декадентства на «Улыбку Дионисия» неоспоримо, и нет никакой необходимости отрицать его. Методологически было бы неверно по той или иной причине какую-либо сторону многогранного литературного процесса 20-х годов оставлять без внимания. С этой точки зрения в нашей критике наблюдаются две крайности. Раньше следы декаданса «находили» почти во всех литературных произведениях, независимо от того, были они там или нет, и во время литературных баталий писателям излишне «доставалось» от критиков. В последнее же время наметилась другая крайность — в некоторых очерках о литературе 20-х

годов картина представлена таким образом, будто и не было литературных сражений и группировок, а если и существовало различие во взглядах, то лишь как литературное соревнование в поисках лучшей формы.

В этом отношении правильный подход обнаруживали сами писатели, оценивая собственный пройденный путь. В частности, Константин Гамсахурдиа писал: «Все мы, кто вступил на литературное поприще до Октябрьской революции, несем на себе следы декадентства». Это ни на кого не бросает тени, но необходимо для осмысления литературного процесса того времени, да и для того хотя бы, чтобы понять, какую метаморфозу претерпел писатель, скажем Константин Гамсахурдиа, «за эти 45 лет от «Фотографа» и «Похищения луны» до «Цветения лозы» — «оглядываясь на свои декадентские грехи, должен признаться, что по своей природе и писательскому темпераменту я никогда не был декадентом».

Когда говорят о модернистской литературе, делают определенную скидку на идеологию и основное внимание обращают на художественную сторону, новизну формы. В «Улыбке Дионисия» действительно есть определенная новизна формы, оказавшая влияние на развитие грузинской романистики XX века. Однако никто не сможет доказать, что эта новизна формы связана с приобщением к западно-европейским модернистским философским воззрениям. Саварсамидзе говорит: «Я горжусь тем, что Бог даровал мне быструю, как радиоволна, мысль. Мой разум — удивительная машина, вмиг предо мной предстает страница из старого фолианта, лицо Таи Шелиа, какой-нибудь ландшафт Италии, Испании, Германии, Англии, Бельгии, Балканских стран, Скандинавии или Мегрелии; парад крейсеров, виденный мною двенадцать лет назад в Портсмуте; выход гусаров в день смерти германского кронпринца или изуродованные трупы трех тысяч рабочих Бреславля, лежащие вповалку по обеим сторонам от железной дороги; изящные ножки парижских шансонеток или лицо русского жандарма, арестовавшего меня в 1917 году в Торнео; лицо моего профессора, который забраковал мой реферат, и та моя возлюбленная в Берлине, что пыталась плеснуть мне в лицо карболку».

В этом психологическом автопортрете Саварсамидзе отражен не только стиль мышления человека в век радио и электроники, но и определенного рода поэтика романа двадцатого века, его стиль и эстетика.

Шалва Чичуа. Шестьдесят лет грузинского советского романа.

Форма отображения в первую очередь сама является отражением. Она вызвана сущностью познания и художественного отражения, которые обусловлены действительностью. Каждое произведение зависит от изображаемого объекта, от психологической сути персонажа — человека. Одна из разновидностей романа XX века рисует человека, ставшего «жертвой» «взрыва информации». Из множества сведений в сознании оседают детали, которые диктуют тот или иной способ отображения, композиционные средства, которые условно можно назвать временем и пространством мышления. Мы хотим сказать, что все то новое, что отразилось в романе XX века, уходит корнями в действительность, является характерным не для какого-то одного жанра или специальной формы изображения, а проявляется во всех областях искусства, а также и в рациональной сфере. Роман как область художественной литературы, определенный жанр облекает это новое в специфическую форму.

Картины, запечатленные в «Улыбке Дионисия», представлены в виде отрывков. Ее внутренняя композиция опирается на принцип поиска. Религиозные, психологические и философские или эстетические искания Саварсамидзе пронизывают весь роман, но нет единства формы — все представлено в виде более или менее значительных деталей, отрывков, что отвечает общему стилю «Улыбки Дионисия», в которой отразились основные черты модернистского романа. С точки зрения архитектоники роман состоит из 13 восхвалений и 52 новелл. Определяя жанровую форму произведения, Константинэ Гамсахурдиа учитывает и старые традиции романа и строит «Улыбку Дионисия» по принципу объединенных новелл. Эта форма романа вызывала горячие споры как на Западе, так и в России. В. Шкловский и другие считали ее какое-то время даже единственной формой романа. Примечательно, что Константинэ Гамсахурдиа оставался приверженцем этой формы на протяжении всего своего творчества. Его романы о современности, так же как и исторические произведения, с точки зрения презентации материала, по крайней мере внешне, построены по этому принципу.

Усиленный поиск новизны формы наглядно представлен в романе Д. Шенгелая «Санавардо». Здесь композиционным средством в структуре использована порой казалось бы совершенно неожиданная для прозы фактура — акустика, звуковая связь, графическая образная ассоциация, а также математические и числовые ассоциации.

Все это служит в «Санавардо» средством создания «потока сознания», доведенным до артистизма, переносащим акцент на

вымысел. В этом стилистическом артистизме постепенно выделяются и кристаллизуются истинно новые аспекты восприятия и художественного освоения мира, которые впоследствии будут использованы в реалистическом романе того же автора «Бата Кекиа». И в «Санавардо» принципиально воплощается тот же процесс сопоставления времени и пространства в сфере мышления, которые мы условно назвали мыслительным временем и пространством. Этот процесс сопоставления присутствует и в «Бата Кекиа» но полное интегрирование его происходит уже в литературном процессе 70-х годов, хотя уже в более реалистической, демифологизированной форме.

Если грузинский языческо-христианский миф представлен в «Улыбке Дионисия» только как один поток, то в «Санавардо» мифический мир в основном грузинский, и миф является вариацией или каденцией основной темы. Однако, учитывая романное время, его можно представить как контрапункт, а развернутую в романе реальность — как частное проявление единого мифа. С мифом связаны мистика и символика «Санавардо», которые входят в роман в виде быта и решаются в символическом плане. Символизм выдвигается на передний план как основное свойство стиля романа.

Ретроспективный план «Санавардо» опирается на легенды и возвращает нас на тридцать веков назад, в окутанное туманом прошлое Месопотамии, Кападокии, Ханаана и Кеме, откуда, согласно концепции романа, происходит род грузинский. Отсюда возникает проблема непрерывности жизни. Через десять лет к этим же началам обратился Томас Манн в произведении «Иосиф и его братья». Он использовал не только систему мифических образов библии, но и древнейшую и позднюю мифологию, обнаружив одно поразительное сходство. Тема Иштар и Таммуза — общая основа всех мифологических пантеонов. Озирис, Усир, Думузи, Таммуз, Амон, Адонис, Дионис — символические мифические образы смерти и жизни, гибели и обновления, ухода в преисподнюю и возрождения. Они являются носителями мужского начала, поэтому их так оплакивает материнский род в Хадесе — Исет, Иштар, Эя, их настойчивое стремление к мужскому началу — залог продолжения жизни рода, племени, народа, нации, жизни вообще. В «Санавардо» эта цепь обрывается на Бондо Чигладзе. Бондо бесплоден. Некогда сильнейшему грузинскому роду грозит вырождение. Это переживается как национальное бедствие. Бесплоден и Саварсамидзе, и Теймураз Хевистави, Арчил Дадишиа-

ни, Тараш Эмхвари уже в «Похищении луны». Это бесплодие, помимо биологической опасности вырождения, символично. Бесплодностью отмечены все дела, к которым обращаются герои: поиски в области науки и религии, философские или эстетические проблемы, к решению которых они стремятся. Главное же заключается в том, что они уже давно не способны найти общий язык с народом и быть его предводителями, как в былые времена. Более того, они не в состоянии создать что-либо для него, они превратились в балласт, омелу на его организме. Все разлагается вокруг Бондо Чиладзе — болота поглотили некогда цветущие леса и долины, сады и виноградники. Нужен трудолюбивый хозяин, новый герой, который возвратит все это к жизни.

Первая волна грузинского романа уже расчистила для него путь, исполнив тем самым свой огромный эстетический и нравственный долг. С приходом этого нового героя начинается новый этап в развитии литературы, в частности романистики. Он поднял роман на новую эстетическую и художественную ступень, идеологически углубил его.

Несколько слов об обновлении литературного языка. Роман рассматривается как художественная система жанрового единства, но он в первую очередь является языковым феноменом. Обновление литературного языка, вероятно, более глубокий процесс, нежели тот, который мы наблюдаем в грузинском литературном языке XX века. Однако несомненен тот факт, что литературный грузинский язык XX века стал более совершенным, богатым. Немалая заслуга в этом — всей грузинской литературы, и в частности романистов.

В создании единого стиля, возможно, большее значение имело творчество тех писателей, которые использовали принцип «Ich Erzählung» или занимали только позицию рассказчика. Но только тот писатель способен выявить все богатство языковой стихии, который стремится к многостороннему охвату жизни, который на высоком уровне осваивает языковые богатства, создавая разнохарактерные образы. Неизмеримый вклад в обновление грузинского литературного языка двадцатого века внесли Нико Лордкипанидзе, Константинэ Гамсахурдиа, Михаил Джавахишвили, Лео Киачели, Шалва Дадиани, Серго Квдиашвили, Демна Шенгелая и другие писатели.

* * *

Следующий этап развития грузинского советского романа знаменует появление героя — создателя новой жизни. Сама жизнь выдвигает на передний план проблемы, тесно связанные с совре-

менностью; если проблематика романа первой половины 20-х годов в основном связывалась с прошлым и настоящим, то уже на следующем этапе в центре произведения — настоящее и будущее или революционное прошлое, тесно связанное с современной жизнью. Вторжение современности в фабулу романа меняет его художественную проблематику, эстетику, концепцию, стиль, жанровые особенности. Постепенно обретает силу и утверждается как художественное мировоззрение и творческий метод — социалистический реализм.

Первым к революционному прошлому как к объекту отражения обращается Лео Киачели в своем романе «Кровь», писатель как бы продолжает линию «Тариэла Голуа». Он вводит в грузинскую прозу перспективного героя — революционера Андро Каривадзе.

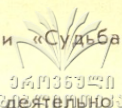
Значительным явлением в грузинской литературе и в художественном, и в идеологическом смысле, безусловно, был роман известного писателя Нико Лордкипанидзе «С тропинок на рельсы», в котором отразилось революционное движение 1905 года.

Одной из главнейших задач романа вообще является отражение динамики жизни и характеров, раскрытие их взаимосвязи. С этой точки зрения весьма интересен роман Серго Квдиашвили «Пепелище», который рисует путь трудового крестьянства и солдат времен первой мировой войны к революции. Художественный уровень и глубина проблем «Пепелища» позволяют поставить этот роман в один ряд с произведениями Анри Барбюса, Гичарда Олдингтона и других.

Демна Шенгелая рисует Бата Кекия как обобщенный тип грузинского крестьянина, для которого революция 1905 года — значительная веха на жизненном пути, полном труда, борьбы и злоключений, возможно самая значительная и ответственная. Однако как человек трудящийся он делает выбор, не колеблясь, — становится на сторону революционеров. «Бата Кекия» — реалистический роман, отличающийся своеобразной структурой; автор отказывается в нем от авангардистских «излишеств», характерных для «Санавардо», и вплотную подходит к отражению действительности. Новые композиционные средства романа, новый подход к лепке художественных образов и построению сюжета — все поставлено на службу решения новых реалистических задач.

Революции 1905 года, ее месту и значению в жизни грузин-

ского народа посвящен роман Михаила Джавахишвили «Судьба женщины».



Роман И. Лисашвили «Кецховели» рассказывает о жизни грузинских революционеров, подготавливавших революцию. Новизна этого произведения обусловлена объектом изображения. Жизнь Ладо Кецховели была тесно связана с революционным движением, и это, безусловно, расширило рамки биографического романа.

Историко-революционная тематика дала грузинской романистике два романа-эпопеи — «Арсен из Марабды» Михаила Джавахишвили и «Лицом к лицу» Александра Кутатели.

Своеобразны художественные особенности романов П. Сакварелидзе, еще недостаточно хорошо изученных. В своих произведениях — «Растерянные листья», «По тернистому пути», «Камень и железо», «Последний перегон» — он стремился обобщить собственный опыт, который являлся одновременно опытом «целого поколения» революционеров; писатель много размышлял о формах изображения, жанре и стиле, о том, как лучше отобразить ту возвышенную, полную опасностей, трудную жизнь, которую вели революционеры его поколения.

Традиционные литературные формы, средства и стиль казались ему малопригодными для этой цели, и, как это часто происходит на длинном пути развития романа как жанра, он решил описывать жизнь «такой, как она есть». Возможно, определенную роль здесь сыграли дискуссии, развернувшиеся в те годы на страницах «Картули мцэрлоба» («Грузинская литература») и других журналов вокруг «литературы факта». Однако основной, пожалуй, была внутренняя потребность найти новые формы отражения новой жизни. Новое содержание нередко отрицает «художественность», уже достигнутый уровень мастерства. Именно в таком «нехудожественном» подходе к действительности проявляется эластичная суть романного жанра — его новая художественность, новые формы, тем не менее всегда подспудно связанные с традиционно-жанровыми особенностями.

Мы остановились на этом вопросе не только потому, что это необходимо для характеристики романов П. Сакварелидзе. Их приближение к действительности и кровная заинтересованность ее проблемами этого периода — конца двадцатых — начала тридцатых годов — отражали суть всего литературного процесса.

Мощное течение новой жизни, начало экономического возрождения страны и, наконец, что главное, новый человек, который входит в художественное произведение, в корне меняют

параметры романа, его традиционную фабулу, сюжет и структуру.

Все это находит яркое отражение в романах К. Лорджаидзе «Заря Колхиды» («Долой кукурузную республику»), К. Гамсахурдиа «Похищение луны», «Гвади Бигва» Лео Киачели и в других.

Высказывая свое мнение о романе «Заря Колхиды», Михаил Джавахишвили и Лео Киачели единодушно отмечали трезвый взгляд писателя на современность, безошибочную характеристику жизненных явлений и умение передать все это в доходчивой языковой форме. Маститые писатели подметили, что в романе проводились новые эстетические идеи, и реалистический подход к жизни был гарантией их безошибочного воплощения.

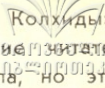
Новый герой определил поэтику романа. Писатель должен был найти соответствующую форму для воплощения жизни нового героя. Пластичность романа как жанра, когда изображаемый объект становится фактом художественного произведения, способствует «воспроизведению» в художественной форме своеобразий форм жизни.

Борьба в одиночку не приносит Меки успеха, и писатель вместе с ним начинает поиски тех путей, которые превратят героя из забитого бывшего батрака в настоящего человека.

Отныне его судьба связана с жизнью народа.

Здесь впервые со всей очевидностью предстает взаимосвязь и новизна проблем, которые выявились в советском, в частности в грузинском романе на пути освоения социалистического реализма как художественного мировоззрения и творческого метода. Проблема взаимосвязи личности и общества, народа вырисовывается в этом романе по-новому. Советский роман с большей или меньшей пронизательностью и полнотой, под разным углом исследует проблему: «Судьба человеческая — судьба народная». Главную роль в сближении Меки с коллективом сыграл коммунист Тарас Хазарадзе, и это также соответствует правде жизни. Судьба Меки, становление его как личности, строителя новой жизни показана в романе в единстве с впечатляющими картинами становления коллективного хозяйства. Эти две сюжетные линии взаимосвязаны и как бы дополняют друг друга.

И по мере того, как биография главного героя все теснее связывается с делами строителей новой жизни, центральное

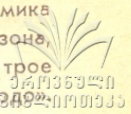


место в романе постепенно занимает колхоз «Заря Колхиды», его люди, его дела, достижения и неудачи. Внимание читателя от Меки Вашакидзе переключается на жизнь села, но это не умаляет его роли и значения как личности и художественного образа. Скорее наоборот, даже усиливает его. Если «Заря Колхиды» помогла открыть и развить дарование личности Меки Вашакидзе, то он со своей стороны внес немалую лепту в развитие коллективного хозяйства и в формирование характеров активистов колхозного села.

Характерным для строящегося общества был поиск новых форм жизни путем «пробы и отрицания». Еще на начальной ступени строительства социалистического общества в статье «Великий почин» Владимир Ильич Ленин говорил, что мы должны тщательно изучить ростки нового, внимательнейшим образом относиться к ним, всячески помогать их росту и «ухаживать» за этими слабыми ростками. Неизбежно, что некоторые из них погибнут. Нельзя ручаться, что именно «коммунистические субботники» сыграют особо важную роль. Не в этом дело. Дело в поддержке всех и всяческих ростков нового, из которых жизнь отберет самые жизнеспособные. Здесь открываются большие возможности для личной инициативы и личной ответственности. Писатель-гражданин был не фиксатором и летописцем жизни, а в первую очередь пламенным участником и борцом за упрочение всего нового. Духом поиска проникнуты все значительные романы. Реализм, а тем более социалистический реализм, никогда не был хладнокровным копированием жизни.

Еще одна деталь, которую следует подчеркнуть, — порой мы как будто забываем о природе художественного отображения и оставляем без внимания тот факт, что искусство — это процесс творческий, результат которого отражает действительность в той или иной степени. Поэтому каждое произведение, будь то роман или рассказ, следует рассматривать как сочинение, как единство вымысла и реальности. Реализм часто трактуется как сухая регистрация действительности, более того, зеркальное отображение жизни и представляется как лишенное страсти и возвышенных идеалов литературное направление.

Течение бурной и полнокровной жизни, предельно трезвое видение действительности, непосредственное сопереживание ей ни в коей мере не лишало произведения социалистического реализма возвышенности и романтики. Именно в действительности следует искать природу новаторства, которым характеризуется второй, значительнейший период в развитии грузинского рома-



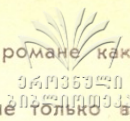
на. У каждого художника она проявляется по-разному. Динамика жизни 30-х годов диктовала уменьшение временного диапазона, охватываемого романами. Время действия «Гвади Бигва» — трое неполных суток против более чем тридцати веков «Санавара». Сокращение временного пространства связано непосредственно с насыщенностью текста, один богатый событиями год оказался достаточным для романа-эпопеи «Похищение луны». За год и в окружающем мире и в психике человека происходит столько перемен, столько преобразований — в корне меняется основа экономики страны, общественная структура, классовое и социальное сознание, окончательно рушатся веками существовавшие религиозные догмы, этические нормы, привычки, адаты, прививаются новые взгляды, новое понимание человека и его роли в общественной жизни. В грузинской литературной критике справедливо отмечено, что Константинэ Гамсахурдиа отобразил крушение экономических, моральных и философских основ старого общества лучше, чем зарождение, рост и развитие нового. Несомненно, правильный вывод, но в «Похищении луны» ясно видно, что крушение старого произошло благодаря победе нового, революционного. Но самое главное, что удалось отразить Константинэ Гамсахурдиа на страницах этого романа, — это характер и основное направление национальной жизни грузинского народа.

Переломный момент в жизни народа, данный крупным планом в «Похищении луны», придает произведению черты романа-эпоса. Писатель раскрывает духовный мир героев и обнаруживает в них ту силу и богатство, которые необходимы для создания нового общества, новой эпохи, рисует многоплановые картины жизни народа, впечатляющие панорамы сражений и труда, показывает жизнь человека в непосредственной связи с жизнью коллектива, личности — общества, героя — народа.

Этим чрезвычайно насыщенным событиями годом романа-эпопеи — календарным временем — вовсе не ограничиваются реальные границы романного времени. Время и пространство здесь имеют другие измерения, «внутренние» параметры. С точки зрения романного времени в роман-эпопею включены древнейшие эпохи, в глубинах которых формировался грузинский характер. А с пространственной точки зрения с линией Тараша в роман входит Запад того времени. Этот ракурс с еще большей силой выявляет значение всего происходившего в то время в Советской стране, в частности в Советской Грузии. В силу чего стро-

Шалва Чичуа. Шестьдесят лет грузинского советского романа.

ительство коммунистического общества понимается в романе как путь будущего развития человечества.



Широкий взгляд на действительность отразился не только в развитии действия романа-эпопеи, в жизни и судьбе народа, но и в языковой структуре произведения. И с этой точки зрения «Похищение луны» принципиально отличается от «Улыбки Дионисия». В «Улыбке Дионисия» все сфокусировано вокруг жизни главного героя. Более того, другие персонажи романа рассматриваются как бы сквозь призму его восприятия и мышления. Поэтому язык автора, повествователя, главного героя и других персонажей абсолютно идентичен. Можно сказать, что в «Улыбке Дионисия» язык субъективизирован. В «Похищении луны» концепция романа реализована и в языке. Объективизированным, сочным, богатым языком отображена в романе разнообразная и многокрасочная действительность, мир, представленный в различных оттенках.

Автор часто «дает слово» Тарашу Эмхвари, «публикуя» его письма и дневники, в монологах героя раскрывает его мировосприятие. Тем не менее К. Гамсахурдиа твердо знает, что ни Тараш Эмхвари, ни кто-либо другой из его героев не в состоянии в одиночку осознать и объективно оценить всю правду рушащегося и строящегося миров. В «Похищении луны» действительность входит с самобытным достоинством. В многоголосом сложном оркестре даже как будто незначительные эпизодические персонажи, скажем Джокия Мешвелиани, безусловно имеют свою необходимую для целого «партию».

Эта позиция писателя выработалась не вдруг. «Улыбку Дионисия» и «Похищение луны» разделяет наполненное очень содержательной и эмоционально напряженной борьбой и трудом десятилетие, которое имело решающее значение для всей грузинской романистики, ее идейного вооружения и разработки творческого метода.

Отобразив современность, грузинская романистика с большим вниманием относится к прошлому и, как уже отмечалось, революционному прошлому. Первый роман-эпопея в грузинской литературе принадлежит Михаилу Джавахишвили. «Арсеном из Марабды» завершилась творческая эволюция писателя — он окончательно становится на позиции социалистического реализма. «Арсен из Марабды» — первый исторический роман, в котором были последовательно реализованы принципы социалистического реализма, что имело большое значение не только для творческой биографии Михаила Джавахишвили, но и для развития всей грузинской литературы. Михаил Джавахишвили сумел

художественно отобразить один из важнейших периодов жизни народа. Постигание эстетики романа-эпопеи было связано с целым рядом сложностей. Дело не только в том, что грузинская романистика не имела опыта в этом плане, гораздо сложнее было освоить традиции поэтического эпоса и в то же время в значительной степени преодолеть их в рамках романа-эпопеи. Беря за основу «Стих об Арсене», М. Джавахишвили использовал эпические формы, сложившиеся на протяжении веков, своеобразно претворив в поэтику легенды художественный образ исторической личности. М. Джавахишвили расширил арену действия героя, углубил параметры его характера. Арсен из Марабды в романе действует заодно с революционно настроенными крестьянами.

Говоря о романе-эпопее, Константинэ Гамсахурдиа отмечал: «Ни у одного из разбойников не было в руках знамени». Арсен из Марабды действительно действовал согласно нравственным принципам героя из народного стиха, однако, находясь по воле автора в гуще народной жизни, он возвысился до уровня национального героя. Это имело под собой твердые историко-социальные основы и, со своей стороны, определило эстетику романа-эпопеи.

Тридцатые годы в развитии грузинской романистики, можно сказать, были годами становления формы романа, его вторым, важнейшим этапом. Это касается как содержания, так и его изобразительных средств, поэтики, различных ракурсов стражения действительности, которые давали возможность для реализации индивидуальности писателя, проявления его художественных способностей.

Совершенно особая проблематика и подход к действительности отражены в романе Лео Киачели «Гвади Бигва». Здесь уже решена проблема колхозного строительства и на передний план выдвинут вопрос участия отдельного человека в общем деле, проблема совместной трудовой деятельности. Социальная борьба, классовые противоречия имеют свою нравственную сущность, утверждение коммунистического идеала во всех сферах жизни — это и вопрос нравственности, которая на различных ступенях развития социалистического общества имела разные формы и сферы проявления. Проблема отношения к общественному труду и для той ступени, которую отражает «Гвади Бигва», являлась важнейшей нравственной проблемой. Отношение к труду и сегодня очень четко характеризует нравственность каждого члена нашего

общества. В романе Лео Киачели общество само заботится о том, чтобы каждый его член был вовлечен в творческий процесс социалистического труда. Однако главное здесь все же не это, а примера. Гвади Бигва, пытающийся избежать работы на колхозных полях, постоянно сталкивается с трудностями. Это дает возможность автору романа для построения поистине мастерских сюжетных линий. Характеры в романе как бы диктуют своеобразный стиль изображения. Это проявляется в типичных характерах Гвади Бигва и Гочи Саландия. Оба героя, как истинно романские характеры, даны в динамике — в развитии. Они по-разному воспринимают силу воздействия коллектива, но оба включаются в общественный труд.

Труд является гарантией мощи и будущего прогресса общества. Проблема труда — одна из важнейших в 30-е годы, она пронизывает литературу, не обходя и историческую романистику.

К. Гамсахурдиа с гордостью заявлял: «В наше время, в век апологии труда, я воздал хвалу труду и самоотверженности великого художника». Эти слова относились к роману «Десница великого мастера». Тема труда естественно связана с глубинами народной жизни. Мцхетский кафедрал был воздвигнут в результате творческого и самоотверженного труда многих строителей. В переключке эпох тема труда оказалась естественным каналом связи. Вообще история входит в романистику с учетом проблем современности как опыт народа, нации.

Романистика обнаруживает жизненно важные артерии национальной жизни, рисует достойных героев, поборников народных дел. Но это не мешает ей критически оценивать глубину исторической жизни, радость и страдания людей прошедших эпох, рисовать их живые художественные образы — ведь «эпохи обращены к нам лицами людей». Почтенный, серьезный взгляд на историю никак не должен порождать апологическое к ней отношение. Уже в начале нашего века прозвучало предостережение исторической науки: «Нация, устремленная в будущее, не должна преувеличивать значение истории и искать защиты под ее сенью» (Иванэ Джавахишвили). Вскоре к голосу науки присоединился голос литературы, по мнению которой ни народ, ни его литература «не должны прикрываться богатым национальным пантеоном, если перед ним цель — сохранение самобытности и прогресса» (Константинэ Гамсахурдиа).

Все это, можно сказать, является предпосылкой, на которой базируется поэтика исторического романа, согласно этой поэтике творческая свобода романиста должна опираться на стол-

пы, воздвигнутые на историческом фундаменте. Поэтика исторического романа, воплощенная в «Деснице великого мастера» несмотря на определенную трансформацию, по сей день является основным принципом художественного изображения истории. На этом принципе построен грандиозный роман-эпопея К. Гамсахурдиа «Давид Строитель», «Жизнь Бесики Габашвили», «Золотой шатер» — Акакия Белиашвили, «Удел героев» — Левана Готуа, «Лашарела», «Долгая ночь» и «Цотнэ» — Гр. Абашидзе, «Тяжелый крест» — Р. Джапаридзе и другие.

* * *

В послевоенный период роман как жанр, который благодаря своей пластичности «подражает жизни», создает многообразие новых форм. Сущность и суть построения художественных образов не претерпевает принципиальных изменений, идя в ногу с жизнью, романистика обогащается новой тематикой и соответствующей формой изображения.

В основе ее магистральной линии развития — дух современной жизни, осмысление только что перенесенной советским народом второй мировой войны, с одной стороны, и восприятие и оценка огромной работы по восстановлению народного хозяйства, отражение типичных образов людей, стоящих в центре этих событий, своими биографиями, мировосприятием и характеристиками воплощающих сущность советского общества, с другой. Это главным образом люди, прошедшие войну, бескорыстно отдающие всю свою энергию и талант делу преобразования родного края.

Если во время войны большей частью развивались «оперативные» жанры литературы — лирика, репортаж, публицистика, короткий рассказ, то послевоенный период знаменуется созданием широких полотен о войне. «Человек гор» Лео Киачели, «Красный мак» Демны Шенгелая посвящены теме защиты социалистической Родины, великой дружбы народов Советского Союза. В этих романах отражены художественные образы воинов-патриотов, сыновей советского народа — Бату Кардуа, Кирилла Гораква, Маци Зурубайа, майора Севгачова, лейтенанта Маткериа и других. С большой нежностью и теплотой нарисованы образы девушек-патриоток — Лии, Наташи и Майко.

Отечественная война оставила глубокий след в жизни советских людей, вызвала глубокие размышления о судьбе госу-

дарства и человека, о патриотизме, правах и обязанностях человека. И сегодня, почти сорок лет спустя, эта тема волнует человечество, представляет собой сферу глубокой заинтересованности литературы, в частности романистики. В грузинской романистике до сих пор создаются произведения, отражающие борьбу советских людей, в частности борьбу грузинского народа за свободу Советской Родины, его самоотверженный труд на фронте и в тылу; свидетельство тому — целый ряд романов — «Ладо Вашаломидзе» К. Лордкипанидзе, «Рассвет» Тины Донжашвили, «Перевал» Акакия Белиашвили, «Новый горизонт» Ладо Авалиани, «Звездопад» Отии Иоселиани, «Цветы, выросшие в каске» Акакия Гецадзе, «Макизари» Ал. Каландадзе, «Москва сдана во всем мире» Вану Урджумелашвили, «Берлин проездом» С. Чхартишвили, «Прощайте, дремучие леса» Д. Квицаридзе, «Мако Цхведадзе» Н. Канделаки и др.

Второй мощный тематический поток в грузинской романистике охватывает приобщение вернувшихся с войны солдат к мирному труду, восстановлению и развитию народного хозяйства, разоренного войной, и обуславливает создание типичных художественных образов. Эти задачи успешно разрешены в романах «Хевская невеста» Реваза Джапаридзе, «Каменный мост» Отара Чхеидзе, «Цветение лозы» Константинэ Гамсахурдиа, «Талисман» Константина Лордкипанидзе, «Новый горизонт» Ладо Авалиани, «Вепхиа Халибаури» Акакия Белиашвили и др.

Вместе с тем в эти годы в литературе возникает тенденция приукрашивания действительности. Развитие романа и других жанров начинает тормозить так называемая «теория бесконфликтности», которая подверглась строгой критике на страницах газеты «Правда» от 9 апреля 1952 года. Партия призывала не обходить острые общественные проблемы, проявлять критическое отношение к формам жизни, не удовлетворявшим требованиям советских людей. Этот призыв партии способствовал рождению таких романов, как «Плотина» Отара Чхеидзе, «Вдова солдата» Реваза Джапаридзе и др.

Критический подход к действительности еще более усилился после известных решений XX съезда партии. Были пересмотрены взгляды на проблему личности и коллектива, героя и общества, они нашли отражение в романах «На Алазани» Тины Донжашвили и «Отмель» Отара Чхеидзе. Критический подход к действительности усилился и в ретроспективном плане. Возвращаясь к прошлому, писатели переосмысливали его с позиций сегодняшнего дня: «Тихая обитель» и вторая книга «Пепелища» Серго Квдиашвили, «Корнали» Григола Абашидзе, «Побеги гря-

дущего» Р. Бежанишвили, роман, в котором прослежена жизнь грузинского труженика с момента установления Советской власти до наших дней.

Обретает свой голос и молодая проза, которая основательно пересматривает проблематику литературы конца пятидесятых и шестидесятых годов, принципы взаимосвязи искусства и действительности, средства построения художественного образа и проблему героя. Все это благоприятно сказывается на «оперативных» жанрах, какими являются новелла и рассказ. Широкоплановый роман отодвигается на второй план. На авансцену выходит новый вид повести, получивший в критике название «микроромана» (Г. Мерквиладзе). Главное в нем не столько объем, сколько своеобразная поэтика. К числу таких произведений принадлежат «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Я вижу солнце», «Солнечная ночь» Нодара Думбадзе, «Вот и кончается зима» и «Бассейн» Тамаза Чиадзе, «Звездопад» Отии Иоселиани, «Золотая рыбка» Арчила Сулакаури, «Седьмое небо» Гурама Панджикидзе...

«Я, бабушка, Илико и Илларион» — одно из первых произведений, которое утвердило новый подход писателя к действительности. Юмор — свойство писательского таланта Н. Думбадзе — выступает как своеобразный прием, способствующий раскрытию внутреннего мира героя. Писатель старается быть как можно ближе к герою, к его чаяниям и в то же время объективно оценивает его слабые стороны. От этого герой не становится для него менее дорогим. Вообще смех и слезы в романах Нодара Думбадзе идут рука об руку и служат одному идеалу. Его герой часто очищается слезами. Идеал писателя — свобода человеческой личности. Однако с мужанием его героев выясняется, что свобода — понятие относительное. Постепенно ширятся взаимоотношения героев с обществом. Так, если круг общения Зурикелы составляли в основном бабушка, Илико и Илларион, то сфера интересов Бачаны Рамишвили («Закон вечности») охватывает всю Грузию, весь народ.

В конце шестидесятых годов в художественной литературе обостряется критика антиобщественных явлений — «Камень чистой воды», «Седьмое небо» Гурама Панджикидзе, «Кабахи» Ладос Мрелашвили и «Преображение» Ванос Урджумелашвили.

* * *

Значительным этапом в развитии грузинской романистики являются семидесятые годы. Этот период еще ждет основатель-

ного изучения, мы же отметим разнообразие видов жанра романа, многогранность тематики и проблематики. Обширная сфера интересов романистов — наряду с современностью обращаются к истории, параллельно с типичными характерами создают условные художественные образы, что свидетельствует о разном подходе к пониманию концепции человека, одновременно с традиционным романом создают романы-параболы.

Изменился акцент и в историческом романе. Своего рода скрытую полемику относительно концепций исторических романов Константинэ Гамсахурдиа можно было заметить уже в «Золотом шатре», «Уделе героев», «Лашареле» и «Долгой ночи», когда вместо «творческих эпох», к которым обращался автор «Десницы великого мастера» и «Дазида Строителя», темой романа становятся «критические периоды» жизни народа. Впрочем, оба эти акцента служили всестороннему отображению истории народа и не исключали друг друга. Роман Григола Абашидзе «Цотнэ», который является последней книгой трилогии, продолжает курс воспроизведения «критических периодов», этому же направлению следует и «Тяжелый крест» Реваза Джапаридзе и «Нейшевская клятва» Ал. Каландадзе.

Для Григола Абашидзе история — самостоятельная объективная реальность. Но писатель рассматривает ее под определенным углом зрения, а именно — насколько подходит тот или иной период истории, та или иная историческая личность для постановки и решения актуальной и для современности нравственной проблемы. Проблема, поставленная в «Цотнэ», — чувство долга и ответственности перед своим народом и историей.

Задача «Тяжелого креста» иная — воплотить в художественных образах саму историю. Автор ставит перед собой цель — восстановить критическую эпоху жизни народа, проникнуть в глубины его духа, всесторонне охарактеризовать своих героев. Роман-эпопея вскрывает самую суть жизни важнейшего периода истории. Героические усилия во имя сохранения грузинской государственности сопряжены с борьбой за самые элементарные условия жизни человека. Самое банальное счастье невозможно без единого национального государства.

Неистовство глубинных чувств и страстей сочетается сжнейшими порывами души; кровная месть и ненависть — с глубокой любовью и самопожертвованием; предательство — с беспримерным героизмом; коварство и вероломство — с безграничной преданностью. Разорение страны, постоянное насилие внешних и внутренних врагов тяжелым ярмом ложатся на стремление человека к свободе.

Основная идея романа: тот, кто хочет служить родине, должен нести на себе тяжелый крест. Не ради своего блага, а ради блага страны, так, как нес это бремя Соломон, у которого жизнь отняла все, кроме славы истинного сына родины.

Роман-эпопея закончен недавно. Он требует глубокого изучения и достойной оценки. Но уже сейчас можно сказать, что в «Тяжелом кресте» на высоком художественном уровне осуществлена поэтика исторического романа.

Для художественной оценки произведения определение жанра не имеет решающего значения, оно необходимо для того, чтобы вникнуть в суть произведения. Чтобы понять художественное произведение, мы должны знать, на каком языке оно создано. Жанр и стиль также определяют язык искусства. Поэтому не будем называть романы Отара Чиладзе «Шел по дороге человек» и «И всякий, кто встретится со мной...» или «Дата Туташиа» Чабуа Амирэджиби историческими романами. Неверное понимание жанра произведения влечет за собой неоправданные иногда требования, какие, в частности, предъявлялись к «Дата Туташиа».

Читатель не обязан соглашаться с тем, что говорит о своем романе автор. Однако, на мой взгляд, вполне убедительно звучат слова Чабуа Амирэджиби, сказанные в одном из интервью, — то, что произошло с Дата Туташиа, могло случиться в Грузии на рубеже двух веков, а может быть, и в другое время и в каком угодно другом уголке мира. Это заявление автора вполне отвечает поэтике романа. Писатель создает модель государства, условий жизни, что помогает ему в художественном претворении своих замыслов, мироощущения. Эта модель экспериментальная, в ней принижено значение историзма. Время, отраженное в романе, не определено. Пространство формально помещено в национальные границы. Национальность выявляется в характере героя (архетипе). Успех «Дата Туташиа» у читателя, на мой взгляд, обусловлен тем, что в начале романа главный герой предстает перед нами как положительный герой, борющийся за справедливость.

В критической литературе было отмечено, что в романе «Дата Туташиа» использованы конструкции исторического, детективного, плутовского романов. Возможно, это и так, но ни одна из них не играет независимой роли в романе. Все они растворены в ткани произведения, которое написано в стиле романа-параболы. Не только вымысел, но и реальность использованы писателем для изображения в художественной форме собственных идей; все это

Шалва Чичуа. Шестьдесят лет грузинского советского романа.

отражено в структуре романа, его композиции, художественной ткани. Каждый эпизод, вымышленный или жизненный, призван подтвердить мысль рассказчика и только таким путем включается в единую конструкцию произведения.

«Дата Туташиа» в меньшей степени является отражением, он скорее — изображение. Хотя всякое изображение в то же время и отражение, пусть и не непосредственное. Такое понимание предмета искусства выдвигает на первый план то, как мыслит писатель, какие у него взгляды на окружающий мир, на жизнь, на человека. Это влечет за собой иную оценку предмета искусства, иные принципы лепки художественного образа и интеграции современной проблематики в художественном произведении. Такой стиль характерен для творчества определенной части советских писателей. В грузинской романистике я бы назвал Гурама Дочанашвили («Большой аметист»), Гурама Гегешидзе («Грешник»), Нодара Цулейскири («Тутарчела»), Тамаза Бибилури («Помоги! — сказал он»), Джемала Карчхадзе («Квартирант») и др. В основе их стиля лежит условный образ.

Говоря об условном образе, можно было бы вспомнить и романы Отара Чиладзе, однако здесь мы все же имеем дело со своеобразным явлением; хотя роман «Шел по дороге человек» не является историческим романом, он затрагивает подлинную национально-историческую проблему, которая на протяжении всей нашей истории представляла дилемму для грузинской нации. Принципиальная позиция романа — демифологизация. Если автору приходится реаранжировать миф, то это потому, что никто не знает «подлинной действительности», а эллинистический миф, тенденциозный и в политическом, и в идеологическом отношении, отвергается с позиций реальности — «как могло быть на самом деле». Несмотря на стремление к правде, к истине, «Шел по дороге человек» насыщен символическими образами, которые представляют свободное, имманентное развитие художественных идей писателя.

Ищущий художник, он исследует пути эпики и идет к современной действительности двумя путями. Он приближается к нашей эпохе из далеких времен, и время и пространство у него становятся историческими, более локализованными. «Железный театр» — начало нашего века.

Но главное — проблема связи писателя с действительностью, принцип построения художественного образа и приближение к историзму. В романе «И всякий, кто встретится со мной...», несмотря на то, что в нем более или менее определено время, исторические реалии, в значительной степени сохраняется прин-

цип свободной лепки образа. Постигание глубин этих образов требует и определенной литературной эрудиции. Наряду с типизацией здесь использована и символика. На мой взгляд, в «Железном театре» процесс сближения с действительностью и типизация образов — более высокого уровня.

Когда мы говорим об историзме, не надо думать, что речь идет только об историческом романе. Известно, что историзм вообще является свойством романа, отличительным признаком его сущности.

Что касается истории, в частности историко-революционной тематики, наша романистика периодически возвращается ко времени революции 1905 года, к периоду послеоктябрьской революционной Грузии и к февралю 1921 г. — году победы революции у нас (романы Г. Чиковани, О. Куправа и др.)

Возрождается историко-биографический роман, который перекликается и с традициями древней грузинской литературы — «Жизнь Иванэ Мачабели» В. Челидзе, «Григол Орбелиани» и «Плач Давида» Э. Маградзе, «Екатерина Чавчавадзе», «Сыновья» С. Чилая, «Ореол славы» Ак. Геловани, «Тигр скал» М. Хергиани.

В центре внимания современного грузинского романа — наша современность. В то же время он является отражением духовной жизни писателя, мыслителя и художника. Поэтому интересно то многообразие стиля и художественных концепций, которые наметились в 60-е и 70-е годы.

Особо следует отметить многообразие художественных особенностей романов, отражающих современную жизнь и отмеченных различной художественной манерой и индивидуальностью. Это романы Нодара Думбадзе — «Не бойся, мама», «Белые флаги», Реваза Чейшвили — «По городу ходят динозавры», Эдишера Кипиани — «Шапки, брошенные в небо», Александра Календадзе — «Зеленая ветка» и др.

И все же, на мой взгляд, современная грузинская романистика нуждается в некотором тематическом и проблематическом обогащении. Необходимо, чтобы литература чаще обращалась к образам рабочих и крестьян, полнее показывала жизнь людей, которые, по словам Толстого, «пашут, сеют, разводят скот, выводят новые породы овец, коров, строят дома», а сегодня трудятся на заводах и создают множество такой продукции, о которой мы, возможно, и не имеем представления, одним словом, тот народ, который «сохраняет дух нации» и строит новую жизнь.

Шалва Чичуа. Шестьдесят лет грузинского советского романа.

У нас есть несколько книг такого направления, созданных в последние десятилетия, — «Талисман» Константина Лордкипанидзе, «Новый горизонт» Ладо Авалиани, «Вепхиа Халибаури» Кия Белиашвили, «Кабахи» Ладо Мрелашвили, «Листья папоротника» Рамаза Кобидзе. Однако этого явно недостаточно.

Наконец, следует отметить качественно новые романы о современности, художественные образы которых, на наш взгляд, возведены в новую степень масштабности и глубины. С этой точки зрения принципиальным достижением грузинской романистики являются опубликованные к концу семидесятых годов романы «Закон вечности» Нодара Думбадзе и «Год активного солнца» Гурама Панджикидзе¹.

Мы говорили, что ни тематика, ни проблематика не определяют истинной художественной ценности произведения. Но если взглянуть на теперешнее положение романистики с точки зрения развития литературного процесса, наиболее перспективной нам кажется та разновидность романа, которая современные сложнейшие проблемы решает на современной тематике, создает живые образы нашего современника и синтезом планов быта и бытия достигает настоящей философской глубины.

Романист в первую очередь должен показать нам своего современника.

Специфика искусства — изображение, сочинение. Но для реалистического искусства это одновременно и отражение. Роман первым утвердил историзм. Его главное назначение — отражение действительности, первым долгом современной действительности. Лишь следуя этим принципам, национальная литература может внести свой вклад в сокровищницу мировой романистики, отразить общечеловеческое в конкретных национальных образах.

Читатель легко поймет, что автор статьи не собирался устанавливать шкалу ценностей и определять достоинство всех произведений грузинской романистики. Задача данной статьи более скромная — определить хотя бы в общих чертах развитие грузинского романа, его диахронию и синхронию в плане развития литературного процесса.

Думаю, что данная и в столь сжатой форме картина развития жанра даст возможность читателю представить определенные достижения грузинского романа за 60 лет.

¹ См. «Литературная Грузия» №№ 9, 10, 1981 г.

ЭТИ есенинские строки, обращенные к поэтам Грузии, сразу пришли на память, когда я сел писать статью. Пусть они идут в заголовке. В них надежно светится правда той дружбы и взаимного уважения, которые издавна связывают грузинское и русское художественное слово.

Давно внимательно слежу за современной литературой Грузии, радуюсь ее успехам, люблю ее романтический порыв и глубокую народность, щедрость ее красок и многообразие творческих индивидуальностей. Кажется, еще Важа Пшавела писал о «предельном идеализме и предельном реализме» грузинского национального характера. В лучших произведениях писателей советской Грузии сохраняется удивительное единство этих двух крайних духовных состояний. Можно сказать, что молния искусства всякий раз высекается из их драматического столкновения, и тогда на мгновение для художника и читателя освещается сокровенный смысл жизни. Ради таких мгновений искусство и существует.

Юбилей СССР — прекрасный повод для раздумья об общем пути наших литератур. Не буду вспоминать историю русско-грузин-

Евгений СИДОРОВ

«ТОВАРИЩИ ПО ЧУВСТВАМ, ПО ПЕРУ...»

ских писательских связей, она хорошо известна. За последние годы поэты, прозаики, драматурги, критики Грузии существенно обогатили наш многонациональный литературный процесс. Их книги переведены на многие языки народов СССР и за рубежом. Благодаря усилиям грузинской компартии, товарища Э. А. Шеварднадзе, всей общественности республики создан идейный и эстетический климат, способствующий появлению значительных произведений, в которых зримо живут правда жизни и правда искусства, партийность и народность, чувство социалистического интернационализма.

Будучи литературным критиком, не могу не сказать здесь несколько слов о тех именах и книгах, которые обратили мое внимание, о которых я думал или даже уже писал. Советская литература наших дней непредставима для меня без поэзии И. Абашидзе и Ш. Нишнанидзе, Д. Чарквиани и К. Надирадзе, К. Каладзе и Р. Амашукели, О. Челидзе и Х. Гагуа, без творчества Г. Абашидзе и Р. Джапаридзе, рассказов, повестей и романов Н. Думбадзе, Т. Чиладзе, Г. Панджикидзе. Она непредставима для меня и без имен поэтов и прозаиков, живущих в Грузии, без И. Тарбы, Б. Шинкубы, А. Гогуа, М. Ласурна, Г. Каландиа, Ф. Халваши, Э. Фейгина, Н. Джусойты, М. Лохвицкого, без безвременно скончавшегося Александра Цыбулевского, личности высокой духовности, владевшей тайной благородного литературного мастерства. Как и искусство наших дней немислимо без фильмов Отара Иоселвани, одного из лучших художников советского (и мирового!) кинематографа, и без блистательных спектаклей Роберта Стурюа.

А разве можно представить себе современную советскую литературу без Даты Туташкиа, созданного воображением и сердцем Чабуа Амирэджиби? Мне уже приходилось писать о том, какой это прекрасный пример возрождения вечной темы, вечного сюжета — рыцарского скитальчества и борьбы за честь и правду простого человека! Недаром комментаторы и критики романа вспомнили о Робин Гуде и Карле Мооре, о романтических бунтарях против насилия и произвола сильных мира сего. Общечеловеческое ясно проступает в абреге Туташкиа, но не упустим и тот грузинский, исторический элемент, который делает произведение Амирэджиби очень современной книгой, где за приключениями, погонями и перестрелками, игрой ума и воображения, эпическим рассказом и притчевым иносказанием встают мощные социальные силы добра и зла. Самое главное, что эти силы даны отнюдь не в схема-

тизированном противоборстве, а в тесном переплетении, как и бывает на самом деле. Потому-то и личность благородного Даты или его главного противника, двойника и брата по имени Мушни Зарандиа мало что решает в историческом плане. Религия Даты — активное добро; бог Мушни — государство. За одним стоят народные представления о человеческой свободе; за другим — доктрина самодержавия, царство железной необходимости. Но чем больше, чем решительней стремится Дата приблизиться к идеалу в личной практике, тем резче его конфликт с окружающей действительностью, с нормой, традицией. Ибо в природе любого индивидуального бунта даже во имя самых светлых целей лежит гордое чувство одиночества. Когда народ вступает в решающее действие исторической драмы, герой, подобный Дате, не может до конца разделить его судьбу, потому что невольно отделился от него, взяв на себя право быть судьей не только себе, но и миру. Не случайно Дата падет от руки сына, который не знает своего отца. Но в жизни и гибели славного абрага содержится высокий смысл и трагический урок, не пропавшие даром. Роман вымышлен, но вымышлен так, будто Чабуа Амирэджиби воссоздает народную легенду, ставшую уже достоянием национального духовного опыта. И революционного, социалистического в том числе. Все уровни сюжета — философский, исторический и фабульно-событийный — приведены в соответствие со сложным идейным замыслом и как бы преобразуют легенду в реалистический роман.

А роман Отара Чиладзе «И всякий, кто встретится со мной...»! Тоже мощная книга, обогащающая наши представления о современном романном творчестве. Страстная мысль автора разветвлена, подобно корням старого дерева. Будучи оригинальным, честным художником, он стремится вложить почти в каждый романский период многозначность мгновения, психологического жеста, видимость и суть присходящего. Добавьте к этому прямые философские рассуждения — о судьбе, о причинности, о ненависти и страхе, о жизни и смерти — и вы получите многослойный срез его романа, который ищет читателя с очень активным и пластичным духовным миром. Такие писатели, как Отар Чиладзе, — большая редкость в литературе. Они всегда будут цениться прежде всего за те вопросы, которые бесстрашно ставят перед задремавшей было чело-

веческой совестью, перед успокоившимся на время человеческим сознанием, перед жизнью и историей.

И потом — вновь не забудем — это очень роман. Новаторство прозы О. Чиладзе прочно укоренено в почве традиции. Мы то и дело забываем об этом и ищем романские аналогии где угодно, чаще всего оглядываясь на Габриэля Гарсиа Маркеса. Увлечение понятно, но для профессионального критика не всегда прощительно. Кровь «мнимого» рода Макабели пронизана драматическими токами подлинной грузинской истории. Сам образ мышления автора — с внутренней музыкальной патетикой — глубоко национален и только поэтому способен возвыситься до общечеловеческого.

Читая грузинские книги, с особой благодарностью думаешь и о труде переводчиков, которым они обязаны своим вторым рождением для русского читателя.

Литературный институт имени А. М. Горького, где я работаю, стремится внести свой вклад в успешное развитие русско-грузинских писательских связей. Вот уже около двадцати лет в нем идет подготовка студентов-переводчиков с грузинского языка. Среди окончивших наш институт такие писатели и переводчики, как А. Эбанондзе, А. Котетишвили, Д. Чкониya, В. Федоров-Циклаури, группа абхазских молодых литераторов — Г. Ломия, Э. Басария, Д. Чачхалия. В 1982 году под руководством опытных мастеров-педагогов Л. Озерова, А. Беставашвили, К. Хучуа был выпущен еще один семинар переводчиков, в котором очень хорошо зарекомендовали себя Д. Кондахсазова, А. Златкин, Н. Соколовская, В. Тереладзе. В их переводах зазвучали по-русски произведения К. Надирадзе, О. Чиладзе, М. Мачавариани, Т. Гранели, Р. Мишвеладзе, Д. Топуридзе, М. Морчиладзе. Немалую помощь в подготовке молодых переводчиков оказывают нам Союз писателей и Главная редакционная коллегия по литературным взаимосвязям и художественному переводу Грузии.

Необходимость совместной подготовки литературной смены возрастает с каждым годом. Реальная дружба литератур возможна только тогда, когда мы будем больше читать друг друга, а не только дружески провозглашать тосты за праздничным столом. Новое поколение переводчиков призвано связать прочным ажурным мостом культуры новые литературные поколения, выросшие в России и Грузии.

В последние годы в Грузии появилась плеяда молодых писателей, заметно повысивших, на мой взгляд, уровень психологического драматизма национальной прозы. Они обратились

к современному человеку — горожанину, крестьянину, интеллигенту — и попытались дать срез его души и разума, особое внимание уделив внутренним конфликтам, протекающим в сфере сознания и подсознания персонажей. Конечно, такой акцент был подготовлен не только старшими мастерами в республике (особенно Отаром и Тамазом Чиладзе), но и общесоюзной литературной ситуацией.

Рожденные в начале сороковых Джемал Топуридзе и Мераб Абашидзе, Автандил Чхиквишвили и Сосо Пайчадзе словно бы не знали поры ученичества и сразу же с первых произведений привлекли к себе внимание критики. Они пишут, главным образом, рассказы и небольшие повести, немного пока опубликовали в переводе на русский, но и то, что дошло до нас, позволяет говорить о яркой индивидуальности каждого, о серьезной, зрелой литературе.

Вот повесть Сосо Пайчадзе «Иродион», напечатанная в журнале «Цискари» (№ 3, 1979) и недавно хорошо переведенная на русский студенткой Литературного института Динарой Кондахсазовой.


Сельский врач Иродион четверть века служил людям, спасал их от болезней и смерти. Деревня постепенно пустела, молодежь уходила в город, и врач давно покинул бы ее, если бы не чувство долга, которое живет в нем наперекор рассудку, натуре, страстям. Иродион одинок; его уважают одесельчане, они постоянно нуждаются в нем, но близких у него нет. Более того, его втайне не любят, и когда он, наконец, понимает это, его большое сердце не выдерживает. Смерть настигает его на дороге, в привычном пути врача к больным и страждущим.

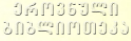
В маленькой повести С. Пайчадзе сильно звучит тема страдающего одиночества. Чувства поданы крупно, они символизируются, не теряя конкретности; диалоги не только полны значения, но и значительны, патетичны, как в высокой трагедии:

«— Я люблю тебя, — сказал Иродион, — и все боялся, что ты уедешь в город. Каждая зима была невыносимо мучительна. Тебе этого не понять...»

— Ошибаешься, Иродион. Ты не способен любить женщину. Ты никого не способен любить, потому что сам хотел быть всеми любимым, для всех быть хорошим, хотел, чтобы все село было рабом твоей доброты, но и это тебе не удалось.

Евгений Сидоров. «Товарищи по чувствам, по перу...»

Головешка гаснет, стоит ее только достать из очага.  Сердце
у тебя заеденело, Иродион, сердце.

— Ложь! Кто же тогда сделал столько добра? 

— Страх, страх правды.

— Ложь! — закричал Иродион. Но понял, что сам лжет, и застонал, желая подавить отчаяние».

Аспироза, женщина, которую любил Иродион, так и не услышала от него признания в любви. Диалог, приведенный нами, — мысленный, он разворачивается в предсмертном сознании героя. Пронзающая Иродиона правда заключена в том, что любовь и добро не есть долг, это разные, хотя и близкие духовные материи.

Психологическая глубина конфликта определяется самим вопросом, вечным и современным, — что есть добро и добрый человек? Что движет им в доброте: тщеславие или бескорыстное чувство, разумный эгоизм или свободная воля? Масштаб, уровень нравственной проблемы, ее принципиальная неразрешимость создают в повести грозное напряжение. Она стилично написана, со смелым проникновением в подсознательное, с внутренними монологами, в которых высок удельный вес самой прозаической ткани — плотной, без пробелов и вялых словесных расцветок.

Смерть красна на миру. Иродион жил и работал среди людей и для людей, но умирает одиноким. И нам по-настоящему жаль его, потому что этот человек уносит с собой какую-то волнующую тайну, нереализованную жизненную идею. Он даже в слабости своей неординарен, в противоречивости своей прекрасен. Сопереживание — вот то слово, которое здесь уместно. На уровне разума и, самое главное, — чувства. Подчеркиваю это именно потому, что читательское чувство, на мой взгляд, держится сегодня многими писателями на голодном пайке.

В развитии русско-грузинских писательских отношений немалую роль играет современная литературно-художественная критика, журнал «Литературная Грузия». Многие мои московские коллеги с огромной болью встретили весть о кончине Гурама Асатиани, главного редактора этого журнала, талантливый литератор и человека, нашего большого, искреннего друга.

Мы являемся свидетелями процесса, когда связь категорий национального и интернационального становится более сложной и глубокой. В литературах всех наших республик все основательнее осознается природа национального характера,

его история, и это очень плодотворный и закономерный процесс, потому что, прежде чем ощутить себя членом единой семьи братских советских народов, необходимо глубоко знать себя русским, грузином, узбеком, литовцем и т. д. Важно только, чтобы подобное осознание обязательно имело в виду следующий, главный этап — интернационализм, выросший на почве патриотизма, стремление к общечеловеческому идеалу. Нельзя, пагубно даже из самых лучших субъективных побуждений замыкаться на первой, национальной стадии самосознания.

Гурам Асатиани был подлинным грузином и поэтому подлинным интернационалистом. Его эссе «О грузинском» — блистательная работа, закономерно перекликающаяся с «Заметками о русском» Д. С. Лихачева. (Надо сказать, что работа Г. Асатиани была написана раньше, независимо от труда русского академика). Ею движут любовь и знание, когда даже национальная самокритика и та вербует в свои ряды благодарных читателей иных племен. Здесь много удивительно точных наблюдений, они вырастают из знания жизни и литературных источников и, как правило, безукоризненно корректны и с исторической и с литературоведческой точки зрения. Многого стоят на мой взгляд, рассуждения автора о славе и скромности, о «спектакле счастья», о поверхности и бездонности, о робости и на пути бесстрашия в характере грузинского народа, о его отваге и бескорыстии, о его потрясающем чувстве музыки, живописи, поэзии. Честное, продуманное, свободное слово о самом дорогом и любимом — о колыбели, о матери, об отчизне.

«Слияние восточного и западного, — пишет автор, — в природе самого грузинского характера, и в синтезе этом содержится в основном ключ к нему и его объяснение». Мысль эта не нова, но в эссе Г. Асатиани она облекается в живую плоть наблюдений, подробностей и становится близкой, рельефной, будто ты сам это знал и чувствовал. Автору удалось показать, как в литературе и устном творчестве народа выразились его сокровенные чаяния и эстетическое понимание мира. Широта охвата материала (фольклор — Миндиа и Мурман, Цотнэ и Зураб; летописные образы — трагедия Ундиладзе; литература — Руставели, Пшавела, Квдиашвили), сердечная и одновременно научно-взвешенная позиция патриота и гуманиста делают эти заметки значительным явлением в нашей критико-философской публицистике.

Для стиля лучших грузинских критиков вообще характерен сплав двух начал: исследовательского и художественного (вспомним, к примеру, книги и статьи Г. Маргвелашвили, Г. Гвердцители, Э. Елигулашвили). Основательность и красочное, темпераментное письмо не противоречат друг другу; наука ищет поэзию, не теряя себя, а, наоборот, обогащая свой язык, свою мысль чувством реальной жизни, ее праздничными и драматическими оттенками. Историк литературы, отложив на время профессорские штудии, пишет хороший роман (Г. Цицишвили). Критик поэзии много сил отдает переводческой поэтической деятельности (Г. Маргвелашвили). И это не просто эпизоды, это стиль литературной жизни республики, где полижанровость — в природе, в самой атмосфере быта и творчества. Истоки такой атмосферы — в народных традициях, в памяти истории. Когда Гурам Асатиани пишет в одном из своих очерков об Иосифе Гришашвили, он «вписывает» его в изгиб тбилисской улицы, без которой тот действительно непредставим. И понятно, почему автору не хватает «обычных» литературоведческих слов, чтобы адекватно передать впечатление от его поэзии: «Какой-то удивительно здешней вольностью и красочностью дышит его строка. Когда я хочу сравнить ее движение с чем-нибудь, литературная терминология отстывает и вокруг меня теснятся иные видения, иные живые образы». Теснятся приметы тбилисской жизни, и критик сам на время становится поэтом.

Грузия навсегда в моем сердце, ибо этот край подарил мне много друзей. Грузия пробуждает в человеке идеальное, стремление отдать, помочь, поддержать в трудную минуту. За щедрость ее земли надо платить ответным чувством и реальным делом, и тогда братство становится не лозунгом, а сутью твоего мироощущения.



СИДОРОВ Евгений Юрьевич. Род. в 1938 г. Критик, литературовед. Автор книг «О стилевом многообразии современной советской прозы» (1977), «Время, писатель, стиль» (1978), «На пути к синтезу» (1979), «Страницы и судьбы» (1982). Проректор Литературного института им. А. М. Горького, заместитель председателя совета по грузинской литературе Союза писателей СССР.

СРЕДИ юношеских стихов Михаила Туманишвили, написанных на русском языке в бытность его учеником Тифлисской гимназии, есть одно, издавна привлекавшее внимание исследователей. Это стихотворение «Кавказ», помещенное им во второй книжке хорошо известного «Цветка Тифлисской гимназии» за июль-август 1835 года (дата: 1 июля 1835 года) под его обычным гимназическим псевдонимом «Граф Горский».

Стихотворение это интересно во многих отношениях. Взятое само по себе, оно — факт раннего творчества крупного писателя, проясняющий его литературно-эстетическую и даже мировоззренческую ориентацию и в годы учения, и даже в более поздний период; рассмотренное в отношении к своим источникам, оно становится фактом русско-грузинских культурных связей; наконец, оно приобретает особое значение как порождение той литературной среды, в которой формировалось творчество Николоза Баташвили, гимназического товарища его, автора и участника того же рукописного учебного журнала.

«Кавказ» был впервые опубликован М. Туманишвили в 1938 году в статье «Пушкин в творчестве Михаила Тумани-

Вадим ВАЦУРО

«КАВКАЗ» МИХАИЛА ТУМАНИШВИЛИ

ИЗ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО
ПУШКИНИЗМА

швили», однако не полностью и без весьма любопытного авторского примечания, и последующие исследователи этого стихотворения вынуждены были обращаться к рукописи¹. Мы знаем о нем его полностью — в том виде, в каком оно сохранилось в «Цветке Тифлисской гимназии».

КАВКАЗ

Недосягаемый Кавказ в моих очах!
Ровесник двух миров стоит передо мною!
К нему парю я в сладостных мечтах,
Обвороженный весь пустынных скал красою.

Громады вечных льдов на каменных хребтах, —
Казбек и Эльборус там высятся главами, —
Утесы там стоят друг другу на плечах,
Как будто меж земли и неба сторонами.

Растянуты поля пестреющим ковром
Под исполинскими высокими гор стопами;
Шумят расплавленным в пучине серебром
Каскады дивные под мшистыми скалами...

Я здесь, друзья, — и мне ли выше вас не быть
Кавказа дивного всей гордой вышиною!..
Завидуйте, мне мир прекрасный сей открыт,
Открыт мне счастья блистательной зарею!

Ты скрыт и нем, Кавказ, был долго для меня,
Хоть колыбель моя в горах твоих качалась,
И молодость моя, как бабочка весной,
Порхала и, как цвет роскошный, развивалась.

О, долго, долго я тебя не понимал,
Не понимал твоей истории заветной,
И тайны старины твоей не постигал
Твоею книгою, мне лишь теперь известной.

Отраднo мне порой от мира убежать,
Пороку покидать приличия оковы,
Порою бурю городскую забывать
И уходить в тиши в пустынные дубровы,

И по твоим, Кавказ, по девственным снегам
На крыльях молодой фантазии носиться, —
С утесов на утес пустынный налетать, —
Дохнуть свободою и — радугой умыться!



Люблю высокие картины бурь твоих,
Когда грохочет гром в твоей тиши священной,
И молнии скользят на раменах крутых,
И шумные потоки мечутся над бездной.

Люблю воображать я миг роскошный тот,
Когда с волнистых туч, как будто из потопа,
С кудрями белыми возникли тени гор
И уперлись под свиний пояс небосклона...

Кавказ! Будь ввек наперсником моей души,
Предметом будь моих ты вдохновений!
И мне везде (где б ни был я) внуши
Полет высоких дум и сладость воспоминаний!..

Граф Горский²,

К словам «ровесник двух миров» во второй строке сделано примечание: «Я разумею здесь старый и новый: старый — это до потопа; новый — после потопа. Некоторые ученые полагают, что выси Кавказа не были затоплены во время всемирного потопа. См. у Клапрота, Марлинского, — и что всего вероятнее, прислушайтесь к преданиям горских народов, людей, столько же верящих в старину, сколько и ненавистников настоящего».

Таково стихотворение, о котором далее пойдет речь. При некоторых неточностях в просодии и рифмовке молодой поэт обнаруживает довольно высокую поэтическую технику. Конечно, его стихотворение подражательно. Оно и не может быть иным. Перед семнадцатилетним поэтом, создающим свои первые стихи на русском языке, стояла целая традиция — традиция русской элегической школы с тщательно выработанными и устоявшимися приемами мелодизации стиха, с лексическими и фразеологическими клише — «поэтизмами», с готовым репертуаром лирических сюжетов — со всем тем, что составляло язык русской элегической поэзии. Этот «язык элегии» ясно ощущается в «Кавказе». В нем несомненно и воздействие Пушкина — более всего «Кавказского пленника» и стихов о Кавказе, как справедливо за-

Вадим Вацура. «Кавказ» Михаила Туманишвили.

метили уже первые его исследователи. Однако далее, по мере изучения, пришлось расширить сферу сопоставлений. В работах М. Хелтубнели, В. С. Шадури, И. С. Богомолова и других было показано, что пушкинское начало, глубоко проникшее в творчество грузинского писателя, осложняется и другими воздействиями, что наряду с Пушкиным он усваивает поэтические традиции Жуковского, Баратынского, декабристской литературы, позднее Лермонтова. В этой связи и обращали внимание на примечание к стихотворению «Кавказ», где упомянуто имя Марлинского.

Все это очень важно. Литературные взаимосвязи не есть сумма индивидуальных воздействий, хотя бы и двусторонних. Мы хорошо знаем, что тифлиские гимназисты из окружения Бараташвили не просто читали Пушкина, — перед ними была вся русская литература определенной эпохи — большая и малая — и вся она входила в их поэтическое сознание, которое производило в ней отбор, интерпретировало ее; она ложилась на национальный поэтический субстрат и видоизменялась уже по новым законам. Грузинский поэтический пушкинизм был явлением живым и национальным, совершенно так же, как, например, русский байронизм.

Обо всем этом стоит напомнить в связи с нашей темой, потому что в ориентированном на Пушкина стихотворении М. Туманишвили мы неожиданно обнаруживаем и нечто «непушкинское», нечто такое, что принадлежит новой поэтической эпохе, приходящей на смену пушкинской.

Это новое обнаруживается при сравнении текста «Кавказа» с весьма примечательным стихотворением под тем же названием, впервые опубликованным в одиннадцатой книжке популярного в те годы «Московского телеграфа» за 1829 год (с. 301) и принадлежащим перу чрезвычайно талантливого и незаслуженно забытого поэта, стоявшего в преддверии лермонтовской эпохи, — В. Г. Теплякова. Стихотворение это, перепечатывавшееся уже в светское время, стоит тем не менее того, чтобы привести его целиком.

КАВКАЗ

Г. А. Римскому-Корсакову

Отчизна гор в моих очах,
Окаменелые гиганты предо мною;
Громады мрачные, как будто на часах,
Стоят грачитною стеною!

В венце из темного кустарника одна,
Зеленым бисером унизана другая;
Там голых скал семья чернеет вековая,
Над ней волнистых туч клубится пелена;
 Под тяжкими ее стопами
Вокруг богатыми, махровыми коврами
 Луга холмистые лежат;
На них из сердца гор кипучие фонтаны,
Бушующая, серебром растопленным летят;
 В гранитных бронях великаны,
Склонясь на пропасти, их грозно сторожат;
 И тихо речка голубая,
Змеей сапфирною утесы обвивая,
 Журчит меж каменных стремнин.
 Но кто сей мрачный исполин!
Иль замок мрачного громад сих властелина!
Огромный с башнями зубчатыми дворец!
 Ряд острых скал — его венец,
Седая дымка туч — одежда исполина.
Ты ль, пасмурный Бешту, колосс сторожевой,
В тумане облаков чело свое скрывая,
Гор пятиглавый царь, чернеешь предо мной
 Вдали, как туча громовая!
Так, так, уж не во сне я новый зрю Парнас!
Уж не восторженный богинею рассказа,
 О люди, здесь я выше вас
 Всею дивной вышиной Кавказа!
Здесь, на скалах Бешту, в утробе сих громад,
 В чертогах матери-природы,
 Здесь, где гранитные их своды
Со мною о веках минувших говорят!
Проснитесь, спящие под их навесом годы!
Вещай, отчизна гор: которая скала
 Кровь Прометееву пила!..
 Скажи: как он страданий вечность,
Неволя горькой бесконечность
За дружбу к смертному сносил!
И никогда душой высокой
Глухую непреклонность рока
О примиреньи не молил!..
 Но посмотрите, как с Востока

Завеса палевых, свинцовых облаков

Свернулась, движется, сбегает...

И что ж! — за нею мир духов,

Из перлов созданный, мелькает!

Я вижу здания янтарных городов,

Покрытых тонкими от снега кружевами;

Там сфинксы дивные; там странных ликов ряд —

Изида, Озирис, живой хрустальный сад —

В тумане розовом слиялись с небесами!

Но ты, святой Эльбрус³, ты будто конь седой,

На коем смерть предстанет миру⁴,

К светилу вечному, к далекому эфиру

Вознесся снежною главой!

Ровесник мира величавый,

Какой орел взлетал на твой венец двуглавый!⁵

Всемирный океан тебя не поглотил:

Твой верх, как мавзолей надменный,

Белел над влажною могилою вселенной

И первой пристанью любимцу неба был!⁶

Ты видел, как на мир тот ураган могучий

Своих несметных сил мчал громовые тучи⁷;

Ты слышал вой их стрел, их бурной керны глас...⁸

Но страшный метеор угас —

И силы грозного — дым, пепла прах летучий!

О вы, которых все мечты

К земле продажною прикованы душою,

Рабы ничтожной суеты,

Придите с дикою громад сих красотою

Кумир души своей сравнить!

Но нет! Пигмеям ли о мелких их заботах,

О их тщеславии, о хладных их расчетах

С престолами громов небесных говорить!

Степей обширную темницей утомленный,

Как радостно, отчизна гор,

Мой на тебя открылся взор!

Восторженный, обвороженный

Красой твоих пустынных скал,

Как часто в дикие дедалы

Я на залетном их питомце проникал!

Как часто пировать в порфиновые залы

Чад эпикуровых сбиралася семья!

Но вы уж скрылися, счастливые друзья,
Как это солнце золотое,
Как это небо голубое,

Как эта теплая кавказская весна!
Как ты мертва теперь, пустынная страна!
Как молчалива ты! Лишь ветер в ущельях мшистых
Трепещет — и с вершин кремнистых
От скал отторженный гранит
В глухие пропасти катит...

1 сентября 1828 г.

Кавказские Минеральные воды.

Таково это стихотворение. Мы цитировали его вместе с авторскими примечаниями по тексту «Московского телеграфа», так как вероятнее, что Туманишвили знал его по журнальной публикации, а не по последующей перепечатке в «Стихотворениях В. Теплякова» 1832 года. О том же, что Туманишвили знал его, мы можем говорить с полной уверенностью: оно отразилось в «Кавказе» прямыми реминисценциями. Сравним:

Туманишвили:

Недосягаемый Кавказ в моих очах!
Ровесник двух веков стоит предо мною!

Тепляков:

Отчизна гор в моих очах!
Окаменелые гиганты предо мною!

Ровесник мира величавый!
Какой орел взлетал на твой венец двуглавый!

Туманишвили:

Я здесь, друзья, — и мне ли выше вас не быть
Кавказа дивного всей гордой вышиною!

Тепляков:

О люди, здесь я выше вас
Всей дивной вышиной Кавказа!

Туманишвили:

Растянуты поля пестреющим ковром
Под исполинскими высокими гор стопами;
Шумяг расплавленным в пучине серебром
Каскады дивные под мшистыми скалами...



Тепляков:

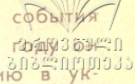
Под тяжкими ее стопами
Вокруг богатыми махровыми коврами
Луга холмистые лежат.
На них из сердца гор кипучие фонтаны,
Бушуют, серебром растопленным летят...

Эта пейзажная картина произвела на юношу, по-видимому, довольно сильное впечатление: она варьируется и в черновом наброске неизданного стихотворения Туманишвили, сохранившемся среди бумаг его архива:

Луга там бархатны лежат
Разнообразными коврами,
И горы вместе там с реками
Долины злачны сторожат;
Пустынны скалы покрывая,
Красой там вечной дышит яс,
И ветерок, прохладой вея,
Играет с тысячами древес,
И взоры манит холмик пышный:
Он яркой зеленью облит,
И виноград на нем душистый
На солнце янтарем горит.

Итак, стихотворение В. Г. Теплякова «Кавказ» прочно вошло в литературное сознание юного поэта из окружения Бараташвили, и нам предстоит теперь заняться ближе этим стихотворением, чтобы посмотреть, что именно и почему из него усваивалось.

Виктор Григорьевич Тепляков был поэтом переходного периода, и в его творчестве нашли себе место самые разнообразные поэтические тенденции. В юности он испытал сильное влияние декабристской поэзии и ранних байронических поэм Пушкина; он отдал дань и элегической школе, но уже не старой, допушкинской, а реформированной и преобразованной Пушкиным и Баратынским. Его поэтическое развитие получило новое



направление после 14 декабря 1825 года: декабрьские события резко и драматически отразились на его судьбе. В 1826 году он был заключен в Петропавловскую крепость по обвинению в уклонении от присяги Николаю I. Отбыв полугодовое заключение и церковное покаяние, он был выслан в Херсон; совершенно больному, ему удалось, наконец, добиться разрешения посетить для лечения Кавказские Минеральные воды. Его духовная, нравственная, а иногда и внешняя биография прямо проецировалась в его стихи, придавая им особый трагический колорит. На водах он нашел себе новых друзей; в их числе было путешествовавшее в это время по Кавказу семейство Римских-Корсаковых — Марья Ивановна Римская-Корсакова с двумя дочерьми и сыном Григорием.

Римские-Корсаковы были колоритнейшими представителями старой Москвы. Марья Ивановна, умная, хлебосольная, властная и деспотичная, всеми своими корнями была связана с фамусовским бытом; дочери ее, московские красавицы, в одну из которых, Александру, был влюблен Пушкин, и сын Григорий — вольнодумец, близкий к декабристским кругам, принадлежали уже к новому поколению. Их путешествие на Кавказские Минеральные воды в 1827—1828 гг., продолжавшееся более года, было предметом разговоров в Москве: рассказывали, что Марью Ивановну ограбили горцы во время набега, а Александру похитил черкесский князь. Эти рассказы слышал и Пушкин, он собирался потом воспользоваться ими в своем «Романе на кавказских водах»¹⁰.

Пушкин был дружен с Г. А. Римским-Корсаковым, тем самым, которому посвящено и стихотворение Теплякова. По-видимому, Тепляков также сблизился с ним — во всяком случае Григорий Александрович, несомненно, входил в приятельский кружок, который Тепляков обозначил как «семью чад Эпикура», сходящуюся пировать в «порфириновых залах». Это не плод поэтического воображения: у Теплякова есть стихотворение «26 августа 1828» с теми же строчками, что и в «Кавказе»: «Вчера был пир в утробе скал, В чертогах матери-природы». 25 августа была эта дружеская пирушка; 1 сентября в «Кавказе» появляются прощальные строки: «Но вы уж скрылися, счастливые друзья...» Приблизительно в это время Корсаковы отправляются в обратный путь.

В феврале 1829 года Тепляков отправляет другому участнику дружеской компании — И. П. Шабельскому свое стихотворе-

ние, навеянное общими впечатлениями. «...Осмеливаюсь я препро-
водить к вам последнее свое стихотворение «Кавказ». Желаю, чтобы оно понравилось вам столько, сколько я сам недоволен им. Увы! прихотливая муза не терпит ни рассеянной головы, ни пустого сердца — неизбежных последствий антипоэтического моего положения. Впрочем, мой абрис снят с природы; большая часть первых даже красок была, сколько мне помнится, положена в глазах ваших, перед пятиглавым Бештау, перед державным Эльборусом, на Кольце, при Окаменелостях и проч., и проч. ...За красоту своей копии я ни под каким видом не отвечаю, но за верность рисунка смело ручаюсь — и в этом отношении вы, конечно, согласитесь со мною»¹¹.

«Верность рисунка» была поэтическим принципом, который утверждал Пушкин в «Кавказском пленнике». Верное описание «нравов и природы» — то, чего добивался Пушкин в своей кавказской поэме, и то, что он более всего ценил в ней впоследствии. Это были элегические описания, тронутые субъективным отношением поэта, — и Тепляков, создавая свое элегическое и описательное стихотворение, ориентировался именно на них. Он не только не скрыл от читателя, но счел необходимым специально подчеркнуть свою зависимость от Пушкина. Переиздавая свое стихотворение, он снабдил его эпиграфом из «Кавказского пленника»:

**Забуду ли кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные; края, где ты со мной
Делил души молодые впечатленья!**

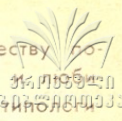
Эпиграф был обращен к Г. А. Римскому-Корсакову, пушкинскому приятелю, с которым Тепляков, конечно, не раз вел разговоры о пушкинской поэзии. Адресат посвящения, без сомнения, улавливал отсылки к Пушкину и в самом тексте; Тепляков обозначал их курсивом как поэтические цитаты. «Пасмурный Бештау», «новый Парнас», перифраз «богиня рассказа» — пушкинские формулы, рассчитанные на узнавание. Тепляков заведомо и демонстративно выбирал поэму Пушкина своим поэтическим путеводителем по Кавказу.

Тифлисский гимназист, читавший стихи Теплякова спустя семь лет после их создания, конечно, не мог знать ни деталей биографии их автора, ни обстоятельств их появления на свет. Однако Пушкина он знал хорошо и смотрел на «Кавказ» уже сквозь призму усвоенной им пушкинской традиции, благо сами

стихи Теплякова давали все основания для такого восприятия. Они оказались для Туманишвили своего рода посредником, до-носившим до него пушкинское начало, которое совершенно справедливо усматривали в его «Кавказе» исследователи. При этом он, естественно, начинает с тех пейзажных описаний, в которых Тепляков стремился следовать Пушкину и в которых сам усматривал основное достоинство своего стихотворения. Любопытно, что в поле его зрения попадает та самая картина, которой сам Тепляков придавал особое значение. 20 июня 1828 года он писал брату, А. Г. Теплякову, с Горячих Вод: «Пускай ваш взор обнимет эти очаровательные картины истинно-романтических окрестностей, эти муравчатые долины, которые, подобно богатым, махровым коврам, подстилаются под стопы гор Бештовых, унизанных кудрявым, как ярко-зеленый бисер, мушкетером и низвергающих из недр своих шумные кипучие водопады»¹². В этом письме дан первый абрис пейзажного описания, которое затем перефразирует в своих стихах Михаил Туманишвили.

И вместе с тем в «Кавказе» Теплякова явственно ощущались черты новой поэтической эпохи. Это уже не вполне «пушкинские» стихи. Когда в 1836 году вышли в свет «Фракийские элегии» Теплякова, Пушкин написал на них восторженную рецензию, но не скрыл и того, что было чуждо ему в этой поэзии. «...Главные достоинства «Фракийских элегий» — блеск и энергия; главные недостатки — напыщенность и однообразие». И далее: «Везде гармония, везде мысли, изредка истина чувств»¹³. Эта «напыщенность» — театрально-декламационный характер, несколько экзальтированный лиризм становится в русской поэзии отличительной особенностью послепушкинского этапа, свойственной, между прочим, и Лермонтову, как и другое качество, отмеченное Пушкиным: «мысли» и «изредка истина чувств». Повышение интеллектуального, философского потенциала поэзии на определенном этапе приходило в противоречие с пушкинским принципом «гармонической точности» и плавного развития поэтической эмоции. В 1830-е годы поэтов привлекает резкая контрастность, лирическое неистовство, драматизм ситуаций. Это все также сказывалось в поэзии Лермонтова и отличало ее от пушкинской. Тепляков занимал место где-то в промежутке между Пушкиным и Лермонтовым.

В 1920 году в Тбилиси вышла небольшая книжка Ш. Беридзе под названием «Один из забытых. Жизнь и творчество Викт. Гр.



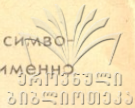
Теплякова». Книга эта, первая и единственная по существу попытка монографии о Теплякове, носила компилятивный и библиографический характер, но в ней впервые была намечена историческая параллель: Тепляков — Лермонтов — Н. Бараташвили. Эта параллель не опиралась на историко-литературные доказательства и была полностью эссеистична, но вместе с тем заключала в себе некое зерно истины, то зерно, к которому мы сейчас пытаемся подойти с историко-литературных позиций.

«Послепушкинское» в стихах Теплякова сказывалось не только в резком повышении лирического напряжения, чего всегда избегал Пушкин, но и в самом характере поэтической образности. Даже когда он цитировал Пушкина, у него был иной круг ассоциаций и иной поэтический ключ. Это сказалось и на его описании Кавказа.

В концепции «Кавказского пленника» ландшафт принципиально выступает как некая самоценная величина. Он не нуждается ни в какой метафоризации и символизации; ему не нужен мифологический или исторический контекст. Пушкин решает проблему «природа и общество», и природа для него является точкой отсчета. Исторический экскурс он вводит только в эпилог, где обещает рассказать «преданья грозного Кавказа», но и здесь «история» и «география» отделены друг от друга как две автономные области. Совершенно иную картину мы видим у Теплякова. У него пейзаж — культурно-историческая величина. Прежде всего, Кавказ — это «отчизна гор». С этой формулы начинается стихотворение, и за ней стоит целая концепция. Эту концепцию Тепляков черпает из исторических сочинений, относящихся к Кавказу, — прежде всего из двухтомного труда Ж. Клапрота «Путешествие по Кавказу и Грузии» (1823). Его примечания к «Кавказу» чаще всего основаны на описаниях Клапрота, из которых он тщательно выбирает ссылки на предания и легенды. На этих легендах построена поэтическая образность стихотворения. «Горские народы говорят, — цитирует Тепляков в примечании, — что святой ковчег остановился сначала на вершине Эльбурса и уже после того отплыл к Арарату». Эта мысль развернута в строках о «ровеснике мира величавом», чья вершина белела «над влажною могилою вселенной». Кавказ является своего рода историческим началом мира — и соответственно на нем оканчивается круговорот человеческой истории: ND

Но ты, святой Эльбрус, ты будто конь седой,
На коем смерть предстанет миру...

Следует ссылка на апокалипсис. Пейзаж становится символическим и мифологическим, и очень характерно, что именно эти строки перефразирует М. Туманишвили:



Ровесник двух миров стоит передо мною...

В примечании к этой строке грузинский поэт прямо варьирует примечание Теплякова, добавляя имя Марлинского. Он заимствует у Теплякова и ссылку на предания «горских народов», но распространяет ее уже от себя: «людей, столько же верящих в старину, сколько и ненавистников настоящего». В данном случае он имел преимущество перед русским поэтом. Предания и легенды, которые Тепляков черпал из Клапрота, возможно, были уже известны М. Туманишвили — и из литературы, и изустно: уже в прозе его периода «Цветка Тифлисской гимназии» мы нередко находим ссылки на фольклорные источники. Источник литературного происхождения, проанализированный и интерпретированный, возвращал юного литератора к исходным легендам, стимулируя типично романтический интерес к народному творчеству.

Совершенно естественно, что молодой романтик усваивает в первую очередь именно эти, указанные нами, элементы романтического мифа о Кавказе. Однако Тепляков на них не останавливается, он разворачивает далее историческую, точнее историософскую концепцию, и если Туманишвили не воспроизводит ее в своем стихотворении, это не значит, что она проходит мимо его художественного сознания. Логика исторической ассоциации заставляет Теплякова вспомнить миф о Прометее, прикованном к Кавказским горам, и далее перейти к историческому времени. Он говорит о Тамерлане и приводит также взятую у Клапрота цитату из персидского хрониста. Нашествие Тамерлана, «обратившего победоносные фаланги и знамена свои к горе Албрузу», рассказанное со ссылкой на ученый источник, для Теплякова также элемент романтического мифа — это исторический катаклизм, сопоставимый с геологическими переворотами:

**Ты видел, как на мир тот ураган могучий
Своих несметных сил мчал грозовые тучи;
Ты слышал вой их стрел, их бурной керны глас...
Но страшный метеор угас —
И силы грозного — дым, пепла прах летучий!**

Бадим Вацуро. «Кавказ» Михаила Туманишвили.

Следует ссылка на ориентальную поэму Т. Мура и труд Ричардсона, который, кстати, послужил одним из источников Мору. Мур стоял у истоков русской ориентальной традиции. Ближайшим же источником процитированных стихов оказывался русский поэтический текст — поэма А. И. Подолинского «Див и Пери», очень популярная в 1830-е годы и характерная для русского ориентализма тех лет. По своим поэтическим принципам Подолинский также был поэтом «промежутка» и также подготавливал поэзию Лермонтова. «Дива и Пери» Тепляков высоко ценил и читал как раз накануне создания своего «Кавказа», и пассаж о Тамерлане прямо отсылал читателя к ее строкам:

**Где неслись ордынцев клики;
Голос керны завывал,
И на трупах тот Великий,
Тот ужасный пировал, —
Кто на царства и народы
С шумом бури налетал
И, как вихорь непогоды,
Разрушением дышал!**

**Он промчался — и повсюду
Нивы кровью напоил;
Грады в каменную грудю,
В пепел храмы обратил!
Но свершилось! — Меч Некира —
Меч Судеб неумолим:
Грянул он! — и в лоне мира
Пепел грозного храним!..
Стихнул вихрь опустошенья,
Битвы смолкли — и один
Мрачный дух уединенья
Ходит в сумраке долин¹⁴.**

У Теплякова та же концепция: катаклизм окончился смертью властителя; место разрушения заступило уединение, забвение. Близки и поэтические принципы — лирическое движение, экспрессия, достигаемая иногда утратой точности поэтического слова.

Стихотворение Теплякова оказывалось, таким образом, своеобразным образцом целого нарождающегося поэтического течения, принадлежавшего, как сказано, во многом уже послепушкинской эпохе. Для этого течения и была характерна историческая символизация и даже создание исторических мифов, опиравшихся на историософские концепции 1830-х годов.

Кавказ для Теплякова оказывался как бы символом идеи исторического круговорота, рождения и уничтожения цивилизаций в промежутке между возникновением мира из первоначального хаоса и грядущим апокалиптическим его исчезновением, той идеи, которая в ближайшие годы будет развернута им на новом материале во «Фракийских элегиях». Грузинский поэт, как мы имели случай убедиться, не воспринимает этой концепции полностью, однако соприкасается с ней в нескольких местах своего стихотворения. Как это всегда было свойственно начинающим поэтам, он воспроизводит не столько индивидуальные, сколько типовые черты, ставшие уже достоянием целого течения. К числу таких общих черт принадлежало и заключение тепляковского «Кавказа», где содержалось противопоставление величественной природы «рабам ничтожной суеты» и низменных расчетов. Выше погрязшего в мелочных страстях общества оказывается только поэт, носитель рефлексов человеческой истории и праистории. Воплощением этих последних оказывается Кавказ:

**О люди, здесь я выше вас
Всею дивной вышиной Кавказа!**

Эти строки мы находим и в «Кавказе» Туманишвили:

**Я здесь, друзья, — и мне ли выше вас не быть
Кавказа дивного всею гордой вышиною!**

С этими строчками мы подошли к концу нашего анализа и можем теперь резюмировать сказанное. Совершенно естественно, что тот поворот к национальным началам, который свойственен всякому романтизму, в том числе и грузинскому, в известной мере предопределял выбор источников и образцов, и М. Туманишвили не случайно останавливается на стихотворении русского поэта, написавшего апологию Кавказа. Он выбрал стихотворение, ориентированное на хорошо знакомого ему Пушкина, и это тоже не случайно. Но вместе с тем он выбрал и посредника между собой и Пушкиным, и посредник этот обогатил его теми новыми чертами, которые принадлежали уже послепушкинской, условно говоря, лермонтовской школе. Юный романтик из окружения Бараташвили совершенно естественно оказывался на параллели русской поэзии тридцатых годов, поэзии увеличившегося лирического и философско-исторического потенциала,

Бадим Вацуро. «Кавказ» Михаила Туманишвили.

и это обстоятельство дает нам лишний штрих для изучения ист-сков и сущности того «лермонтовского комплекса», который ис-следователи находят у самого Бараташвили и который является результатом не столько индивидуального влияния, сколько параллельного развития поэтов в атмосфере общего поэтического движения 1830-х годов.

Это рассуждение уместно закончить цитатой из новейшей книги исследователя русско-грузинских литературных взаимоотношений, цитатой, которая на первый взгляд не имеет прямого отношения к нашей теме, но которая как бы намечает перспективу литературного движения. Вот что пишет Л. Д. Хихадзе, исследуя «лермонтовский элемент» в творчестве И. Чавчавадзе:

«Эмоциональной памятью о «Демоне» отмечена (...) поэма И Чавчавадзе «Видение» (ее первый вариант относится к 1858—1859 гг.). Характеристика, которой награждается здесь Казбек, снова вызывает представление о могущественной и недоброй силе:

В начале дней из недр земного лона
Его взметнули сонмы адских сил,
Но, разорвав главою полнебосклона,
Он изнемог и в воздухе застыл.

И вот гигантским ледяным кристаллом
Его глава под солнцем замерла,
И в дальний мир глядят, грозя обвалом,
Его снегов тяжелые крыла.

Как будто ждет он лишь трубы господней,
Чтоб в судный день низринуться с высот,
И самому погибнуть в преисподней,
И погубить с собою весь народ.

«Космическая» символика подготавливает воображение читателя к появлению могучего образа»¹⁵.

Речь идет о совершенно иной эпохе и иной проблематике. Но наблюдение об «эмоциональной памяти» сделано совершенно точно. И не является ли эта эмоциональная память остатком того романтического мифа о Кавказе, о котором у нас только что шла речь и который, действительно, принадлежит «лермонтовской» эпохе — в русской и «бараташвилевской» — в грузинской поэзии?

1. Сб. «А. С. Пушкин в Грузии», Тбилиси, 1938 (на груз. яз.), с. 176—177. Ср. В. Шадурц. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958; И. Богомолов. Из истории грузино-русских литературных взаимосвязей (1-я половина XIX в.), Тбилиси, 1967, с. 103—104.

2. ИРК АН ГССР им. К. Кекелидзе, арх. М. Туманишвили, № 34, л. д. 6—9.

3. Черкесы называют Эльборус Уах' Гамако, т. е. гора святая, чудесная.

4. См. Апокалипсис. — Клапрот справедливо замечает, что двуглавая вершина Эльборуса имеет вид седла; я прибавлю—черкесского.

5. По наблюдениям Вишневого, Эльборус вышиною 16000 футов. «Никто не всходил на вершину горы сей; жители Кавказа полагают, что для сего нужно особенное соизволение божие» (Клапрот).

6. Горские народы говорят, что святой ковчег остановился сначала на вершине Эльборуса и уже после того отплыл к Арарату. (Ibid).

7. Тамерлан. — «Когда властитель судьбы и правитель мира решил в высокой воле своей прекратить войну в стране русских и черкесов, он обратил победоносные фаланги и знамена свои к горе Албрузу... Знамена завоевателя стран направились с признаком победы против Юри Берды и Ярахена, начальников племени асов (осетинцев). Дорога была непроходима; но он велел очистить ее и, оставя там Амира Гаджи-Сейф-Эддина с обозами, понес войну к горе Албрузу, сражаясь непрестанно с неверными — и в горных твердых их, и в их неприступных ущельях».—История Тимура; соч. Шериф-Эддина Езды; персидская рукопись. (см. Voyage au Caucase par M. Jules Claproth, t. II, p. 230 et suiv).

8. Керна — род военной трубы; она была в большом употреблении в войсках Тамерлановых: говорят, что звук ее действительно ужасен и слышен в расстоянии многих миль (Ричардсон. См. также поэму «Огнепоклонники» Т. Мура).

9. Цветок Тифлисской гимназии, № 4. Начало стихотворения утрачено; сохранившийся текст — в черновом автографе, с пометкой письмю «Кн. Михаил Туманов». ИРК ГССР им. К. Кекелидзе, архив М. Туманишвили, № 34.

10. Н. В. Измайлов. Очерки творчества Пушкина, Л. 1975, с. 197—203.

11. Русская старина, 1896, № 2, с. 439.

12. Там же, с. 433.

13. А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, изд. АН СССР, 1949, с. 90.

14. Повести и мелкие стихотворения А. Подолинского, ч. I СПб, 1837, с. 1—2.

15. Л. Д. Хихадзе. Из истории восприятия русской литературы в Грузии, Тбилиси, 1978, с. 113—114.

ВАЦУРО Вадим Эразмович. Род. в 1935 г. Кандидат филологических наук. Автор книг «Новонайденный автограф Пушкина» (совм. с М. И. Гиллельсоном) и «Северные цветы», а также статей о творчестве Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Занимается также историей русского литературного движения XVIII—XIX вв. и вопросами сравнительного литературоведения.

В 1876 году в связи с десятилетием основания газеты «Дрозба» Илья Чавчавадзе заявил: «Справедливость требует воздать каждому по заслугам. Знамя, упомянутое С. Месхи, сейчас несут деятели современного «Дрозба», но унаследовали мы его от покойного Соломона Додашвили».

Человек на редкость трагической судьбы, С. Додашвили отдал все свои знания, энергию и жизнь на благо отечества, став вдохновляющим примером бескорыстного служения народу и стране.

Нельзя сказать, что о его философской, журналистской и литературной деятельности написано мало, однако очевидно и то, что до сих пор как выразитель идей своей эпохи он оставался в тени.

Главная причина этого в том, что С. Додашвили был сыном времени, насыщенного сложными событиями, многое в которых до сих пор остается непроясненным.

В таких обстоятельствах писатель, взявшийся за описание жизнедеятельности этого многостороннего деятеля, должен был показать своего героя не просто на фоне современных ему событий, а в тесной связи с жизнью эпохи. Без этого личность его оказалась бы в вакууме и превратилась в абстракцию. Здесь как раз и реализован принцип, согласно которому история великого человека воскрешает историю человечества. В результате биографический роман обретает содержание и целенаправленность романа исторического.

На глазах у читателя постепенно, с неумолимой художественной логикой разворачивается бурная, драматически напряженная жизнь гражданина и патриота нового типа.

Нодар ЧОЛОКАВА

НА ПЕРЕЛОМЕ ИСТОРИИ

О РОМАНЕ Ал. КАЛАНДАДЗЕ «ОРЕОЛ»

В романе Александра Каландадзе «Ореол» характер Соломона Додашвили раскрывается в делах и поступках. Целостность его личности обусловлена безупречностью как личной жизни, так и общественной деятельности. Приспешники царизма стремились использовать талант, знания и авторитет Додашвили в своих интересах, но Соломон всегда оставался верен собственным убеждениям.

В центре описываемых в романе событий — заговор 1832 года, без которого невозможно постичь суть личности и деятельности Соломона Додашвили и его современников, а также разобраться в ключевых явлениях последующего периода.

В своей работе писатель опирался на последние исследования наших историков. Позицию романиста делают убедительной и фон декабристского движения в России, и вооруженная борьба грузинского крестьянства, и обличение грубой политики царизма.

Необходимость наполнить роман духом эпохи обуславливает неразрывную связь между художественным и научным поиском, благодаря чему многое в «Ореоле» предстает перед нами в новом свете. Ведь не все в Грузии одинаково приняли Георгиевский трактат и последствия его присоединения к России. Одни мечтали о возвращении прошлого, другие искали новые пути. И как показал роман, истинность и достоверность достигаются не загугешиванием противоречий, а художественным раскрытием явлений и их реалистичным отображением.

«Ореол» — обширное историко-эпическое полотно, продолжающее тему, начатую в связи с Георгиевским трактатом в «Нейшневской клятве». Она охватывает

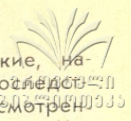
историю Грузии двух последних столетий. Главные герои этих двух произведений — Антон Католикос («Нейшневская клятва») и Соломон Додашвили («Ореол») — дали писателю возможность осветить наиболее острые общественно-политические и духовно-культурные проблемы, показать выдающихся деятелей того времени.

По воплощению многих важных ступеней большого исторического пути, начало которого восходит к присоединению Грузии к России, «Ореол» представляется таким же масштабным и многоплановым, как и прежние произведения того же автора.

Драматические события эпохи показаны в романе с объективных позиций. Восстановлены перипетии заговора, различие мнений, атмосфера хаоса, раздора, растерянности. Созданы образы пламенных, безвременно ушедших борцов. В этой связи своеобразно освещен образ Додашвили, отражены демократическо-прогрессивные идеи, непримиримость с социально-национальной политикой царизма, приведшая его к заговорщикам. В этом движении вычерчена его собственная линия и идейная принципиальность.

Роман возрождает также многие забытые или неизвестные стороны жизни той поры, что приумножает его познавательную ценность.

Однако ни приведенные документы, ни указание дат, ни деловая, «документальная» манера повествования не вызваны «научной необходимостью». Все это — эффективные художественные средства, усиливающие достоверность изображаемого. И хотя такой материал порою тормо-



зит развитие действия, он полностью отвечает требованиям современной прозы и цели «Ореола», где налицо документальный материал и художественный вымысел, их неразрывная связь и гармоническое сочетание. Художественное единство фантазии и документа, факта и воображения, широта и глубина исторического фона как бы способствуют самозарождению сюжета из исторического материала, на наших глазах возрождается история, реалистически обобщаются противоречия жизни.

Еще Пушкин говорил, что под современным историческим романом мы подразумеваем показ исторической эпохи в отраженных картинах. «Ореол», охватывающий весьма широкие пласты исторических явлений, на мой взгляд, интересен еще и тем, что автор его не только писатель, но и исследователь истории, литературы и культуры Грузии XVIII—XIX веков, в работах которого по-новому освещен целый ряд проблем.

Многое здесь предстает перед нами по-иному либо в силу использования нового материала, либо — своеобразной трактовки уже известного. Было бы несправедливо говорить, что мы не располагаем достаточным количеством исторических источников по этому периоду. С этой точки зрения проблема выбора материала была гораздо более ответственной задачей, чем исследование с целью выявления дополнительных документов. И надо отдать должное писателю — необходимые сведения отобраны им скупно, использованы сдержанно, в соответствии с идейно-художественными задачами произведения.

«Ореол» показывает Георгиевский трактат и манифест 1801 года в действии, отражает их по-

литические, экономические, национально-культурные последствия. Как известно, предусмотренное трактатом освобождение Месхети и Джавахети имело огромное значение. И вот какие мысли одолевают в связи с этим заговорщика Захария Чолокашвили перед штурмом Ахалцихе: «К другим делам я готовил себя. А сейчас уж не думаю о том, умру или останусь в живых! Мой дед был среди участников похода на Аспиндзу... Может, и бывал в этих местах! Может, и мечтал об этих минутах! Их ожидание передалось нам! Мы не сумели бы достичь этого в одиночку! Мы опоздали бы! Потеряли бы! (Месхети, Джавахети, Аджарию — Н. Ч.). В этом мудрость наших отцов и дедов».

По всему видно, что деловые отношения между русскими и грузинами были обусловлены необходимостью: многие передовые, недовольные правительством русские чиновники, солдаты, офицеры и интеллигенты (Мельников, Науменко, Силантьев и другие) приняли сторону заговорщиков 1832 года. Писатель убедительно показал многонациональность этого заговора.

В романе широко и многопланово представлена деятельность тех исторических лиц, которые в начале XIX века закладывали прочный фундамент боевой дружбы между нашими народами.

Что же касается создания образа Соломона Додашвили, то его становлению в потоке событий способствуют и другие персонажи, не уступающие ему в литературном отношении. Заслуживает внимания колоритная фигура Михаича, историческим прототипом которого являлся губернатор Кико Палавандшвили.

Литературное расширение и углубление этого образа обуслов-

лено не только недостатком исторических источников, но также ролью и местом, в свое время занимаемыми Кико Палавандишвили. Имя его впоследствии было предано забвению, а по этико-художественному замыслу этот образ играет решающую роль в романе.

Кико Палавандишвили—подлинное открытие «Ореола». В его образе запечатлены социология и психология того периода. Как литературный потомок питаихша Варскена, он олицетворяет карьеризм аборигенов в условиях утраченной или ограниченной независимости, который начинается с подавления инстинкта и заканчивается умением любой ценой приспособляться к создавшейся обстановке, при этом любой коварный поступок оправдывается в «патриотических» целях. Отображение обдуманных до мельчайших подробностей планов, а также точной механики их превращения в жизнь обеспечивает художественную жизненность проблемы, воплощенной в этом образе.

Умный и пронырливый Михаич типизирует образ той части грузинского дворянства, которая служила императорскому престолу.

Антипод Михаича — трансформированный образ Иасэ Палавандишвили. Это второе открытие «Ореола». Здесь уместно вспомнить слова Марлинского о том, что ангел смерти—брат ангела мира. Если один — порождение своего времени, то второй — отвергнутый новой жизнью «лишний» человек.

Изображение Иасэ Палавандишвили отлично от исторически сложившегося представления. Однако писатель не изменяет исторической действительности. Он опирается на новый материал, а также на иное вос-

приятие известных фактов и исходит из требований основных тенденций произведения. Читателю жаль эту «сильную личность», которую время превращает в «лишнего» человека, авантюриста и предателя.

Кико и Иасэ, Каин и Авель дополняют и обогащают друг друга. Иасэ не находит себе места ни в обществе, ни в собственной семье. Он не понимает неизбежности текущего процесса и не может с ней смириться, а потому остается совершенно один. Жертва времени, он погибает, его туманные мечты разбиты. Писатель сочувствует трагедии героя, мечты которого идут вразрез с жизнью. Ее темп не дает ему возможности проанализировать происходящее, оценить исторические закономерности и их неизбежность.

Соломон Додашвили, Михаич и Иасэ Палавандишвили воплощают в себе три основные тенденции эпохи, зародыш трех направлений нашей национальной жизни XIX века. В их образах выявляются острые проблемы веры и лжеверы, преждевременности и своевременности, которые всегда были актуальны в истории человечества.

Рядом с этими героями живут и действуют другие исторические или вымышленные персонажи романа: Элизбар Эристави, Елена Додашвили, Натимзе Орбелиани, Дима Гомозов, Анита, Паата, Александр Орбелиани, Тато Бараташвили, Паушенко, Мельников и другие.

Отношения Елены, этого пленительного образа грузинской женщины, обрисованного писателем, и Соломона Додашвили — прекрасный пример верности, доброты, нежности и бескорыстия.

Романтическая окраска образов Иасэ, Аниты, Гомозова, На-

тимзе также способствует созданию колорита эпохи, аромата времени, что интересно еще и потому, что наша проза не столь уж богата романтическими героями.

Иасэ, так же как и Соломон, воплощает идею беззащитности перед насилием, интригами и мстостью, столь характерными для той поры.

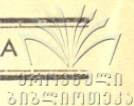
Принципиальность. Додашвили вызывает раздражение и враждебность у людей мелких, ограниченных, судьба которых не только волнует автора, но и заставляет задуматься.

Обогатив и оживив изображаемую эпоху такими новыми типажам, как Михаич и Иасэ, романист на их примере убеждает читателя в том, что объективные трудности на переломах истории отнюдь не освобождают лич-

ность от обязанностей перед обществом.

Как и «Нейшневская» «Ореол» овеян светлой воспоминаний о былом, самоотверженность героев которого во имя прогресса освещена и одухотворена их высокими идеалами. Именно в противоборстве добра со злом выявляется творческая энергия героя, его непоколебимая вера и нравственная потенция. Преисполненные готовности вершить большие дела, Додашвили и его друзья погибают. Однако на смену им грядет новое поколение во главе с молодым Николозом Бараташвили, призванное продолжить начатое ими на благо отечества. Герои погибают, но остается цель, о которой Илья Чавчавадзе сказал: «Идея это нечто такое, чего не одолеет ни меч, ни ружье».

ЧОЛОКАВА Нодар Давидович. Род. в 1929 г. Доктор филологических наук. Заведующий отделом теории литературы Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели. Автор ряда книг и статей, в том числе «Вопросов социалистического реализма», «Творческого направления».



Маргарита ВАЧНАДЗЕ

МИЗАНДАРИ И РУССКАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

АЛОИЗИЙ Иосифович Мизандари, основоположник фортепианной культуры в Грузии, был первым грузинским пианистом-концертантом международного масштаба, первым грузинским композитором, чье творчество не утратило интереса и в наши дни. Своим вдохновенным общественным и педагогическим трудом он всячески содействовал становлению профессионального пианизма в Грузии. Музыкальная школа, основанная им в Тифлисе в 1874 году и преобразованная в 1886 в Музыкальное училище, явилась тем ядром, из которого впоследствии выросла Тбилисская консерватория.

Это оказалось возможным благодаря общению Мизандари с лучшими представителями русской интеллигенции еще в начале его жизненного пути. Яркий музыкальный талант девятилетнего мальчика вызывал восхищение в аристократических тифлиских салонах.

Алоизий становится учеником Леона Янишевского, известного польского писателя и музыканта, высланного из Польши после восстания 1831 года. С 1841 года талантливый пианист жил в Тифлисе, пре-

подавал в Закавказском дезичьем институте и в частных домах. Мизандари занимался с Янишевским игрой на фортепиано и теорией музыки вплоть до своего отъезда в Петербург в 1855, куда его влекла жажда новых знаний, впечатлений, главным образом музыкальных, которыми была так богата русская столица.

Он поступает на факультет восточных языков Петербургского университета, но не прерывает занятий музыкой. Однако небольшая стипендия «Кавказского комитета» не обеспечивала ему прожиточного минимума. Поборов врожденную застенчивость, Мизандари обратился за содействием к Карлу Шуберту, известному виолончелисту, директору и дирижеру университетских симфонических концертов, которые пользовались большой популярностью у петербургских любителей музыки благодаря интересным программам и первоклассным солистам.

Прослушав Мизандари и одобрив его изящную, осмысленную игру, Шуберт немедленно включил в программу одного из ближайших выступлений оркестра ля-минорный концерт Хуммеля. Дебют оказался удачным: грузинский пианист имел подлинный успех у многочисленной публики и у таких знатоков фортепианного искусства, как Антон Рубинштейн, Лешетицкий, Ксентский. Доказательство тому — новое приглашение участвовать в университетском концерте, на этот раз с Большим концертным рондо Шопена. Похвальный отзыв Балакирева об этом выступлении упрочил положение грузинского пианиста в музыкальных кругах Петербурга. Теперь все наперебой приглашают его принять участие в различных концертах, в том числе в концерте, организованном Рубинштейном в марте 1862 года, сбор с которого предназначался для открытия Петербургской консерватории. Многочисленные уроки музыки сразу намного улучшают материальное положение Мизандари. Успех окрыляет молодого музыканта. Он много и интенсивно работает.

Из новых впечатлений самым ярким было близкое знакомство с Антоном Григорьевичем Рубинштейном, который уже тогда был всемирно признанным пианистом, автором многих музыкальных сочинений и вместе со своим братом Николаем Григорьевичем мечтал создать в России сеть музыкальных очагов для обучения профессиональных отечественных кадров. Для музыкального роста Мизандари неоценимой была и личная дружба с Антоном Григорьевичем.

Алоизий и сам играл ему, показывал свои сочинения, пользовался его советами. Самым же притягательным были музыкальные вечера Рубинштейна, на которые собирались видные

музыканты — артисты, любители музыки, а также студенческая молодежь. Антон Рубинштейн был организатором, руководителем и главным исполнителем на этих собраниях. Звучала ансамблевая и сольная музыка, главным образом фортепианная. Больше всего играли Бетховена и Шумана, знакомились с музыкальными нозинками, поступающими в петербургские нотные магазины. Музицирование обычно заканчивалось обсуждением исполняемого, причем мнения высказывались свободно и искренне. Говорилось также о незавидном положении искусства в России, о том, что надо приблизить музыку к широким массам и сделать более доступным для всех музыкальное образование. Можно себе представить, как жадно внимал этим беседам молодой грузинский пианист, остро чувствуя необходимость музыкального образования и в родном крае.

К началу 1863 года относится издание в Петербурге романа Мизандари «Расстались мы». Издательство, напечатавшее романс, неизвестно: он был обнаружен заведующей внешним отделом Министерства культуры ГССР Зинаидой Колхидашвили в Ленинградской библиотеке имени Салтыкова-Щедрина без титульного листа. Однако уже в 1875 году это вокальное произведение переиздается фирмой Юргенсона, входит в сборник романсов известных русских композиторов. Такой факт, безусловно, говорит о том, что произведение приобрело популярность, на него был спрос у публики. Без этого Юргенсон, опытный издатель, не стал бы перепечатывать романс неизвестного юноши.

Романс «Расстались мы» — первое опубликованное грузинское музыкальное сочинение, он был создан под влиянием русского сентиментального романа эпохи Глинки. И если в нем мало оригинального, самобытного, то он написан с профессиональной свободой, удобен для вокала — скупыми выразительными средствами здесь дается образ, настроение.

1863 год знаменателен для грузинского музыканта и в других отношениях. Подъем крестьянского движения и восстания в Польше, Литве и Белоруссии весной этого года вызвали бурный отклик среди учащейся молодежи. Студенты устраивали демонстрации, выступая с речами, открыто призывая «к восстанию и свободе».

Нам, к сожалению, неизвестно, насколько активно принимал участие в революционном движении молодой Мизандари, студент третьего курса восточного факультета. Во всяком случае он, как, впрочем, и другие студенты-иногородцы, был загодозрен в политической неблагонадежности, и ему предложили покинуть столицу. Однако стипендиатам все же разрешили сдать выпуск-

ные экзамены. Видимо, Алоизий учился хорошо, так как смог подготовиться к ним в короткий срок.

Получив диплом об окончании Петербургского университета, Алоизий Мизандари уехал в Тифлис.

В это же время, в августе 1863 года, в столицу Грузии впервые направляется и Милий Алексеевич Балакирев. Такое совпадение не случайно. В Петербурге Мизандари часто встречался и, конечно, много рассказывал руководителю «Могучей кучки» о сокровищнице грузинской народной музыки. Уже 31 августа Балакирев в самых лестных выражениях делился с Ц. Кюи своими впечатлениями о грузинской музыке. «Кто побывал в Грузии, тот, наверное, вернется с самыми приятными воспоминаниями о грузинах. Это народ-художник... Песни их мне очень нравятся, я даже выучился грузинской азбуке, чтобы уметь хоть несколько записывать их со словами». Видно, что Балакирев, как всегда, если чем-нибудь увлекался, то основательно, хорошо понимая, что текст песни, особенно народной, фонетически неотделим от музыки. Желание познакомиться с новыми грузинскими мелодиями и стремление глубже проникнуть в их стилевые особенности привели Балакирева в Коджори. Там он с интересом слушает пение молодого духанщика, аккомпанирующего себе на пандури. И тут же перед изумленными слушателями русский композитор импровизирует на фортепиано, мастерски передавая характер только что услышанной народной музыки. А из письма к И. Всеволожскому от 10 апреля 1864 года мы узнаем, что Балакирев собрал в Тифлисе «маленькую коллекцию превосходнейших грузинских мелодий». Полны восторженных впечатлений о грузинской музыке и другие письма к петербургским друзьям, как, например, к Н. Римскому-Корсакову.

Знаменательно, что знакомство с грузинским музыкальным фольклором оказало непосредственное влияние на творчество Балакирева. Фортепианная фантазия «Исламей» — самая известная пьеса композитора. Лист еще в рукописи давал ее подряд всем своим ученикам, считая очень полезной в техническом отношении и неизменно восхищаясь ладовой спецификой грузинской народной музыки, характерными звучаниями ее народных инструментов, стремительными ритмами лекури и довлури. А один из лучших романсов Балакирева так и называется — «Грузинская песня».

После Балакирева и другие русские композиторы, в том числе Чайковский в балете «Щелкунчик» («Иавнана» — народная колыбельная), стали использовать в своей музыке грузинские мелодии что несомненно обогатило русскую музыкальную культу-

ру и одновременно сыграло большую роль в становлении и развитии грузинской музыкальной классики. И все это осуществлялось Балакиревым под влиянием и при непосредственном содействии Мизандари.

Однако сам Мизандари в Грузии остается недолго. Он понимает, что ему надо еще многому научиться. Рубинштейн лишь показал, по какому пути надо следовать, чтобы стать действительно образованным музыкантом, а затем передать свои знания и мастерство соотечественникам. И осенью 1865 года Мизандари едет в Париж — центр музыкальной жизни Европы, где до него учились братья Рубинштейны. Тот же Антон Григорьевич, который в это время вместе со своей молодой женой был частым посетителем знаменитых музыкальных вечеров Россини, вводит туда и грузинского пианиста, знакомя его с ведущими представителями французской пианистической школы — Мармонтелем, Херцом, с известнейшими композиторами, что сыграло большую роль в формировании артистической натуры талантливого юноши. Он много работает над усовершенствованием своего пианистического мастерства. Его игра становится все художественнее, выразительнее, изящнее.

Тщательно просматривая летом 1980 года подшивки парижских музыкальных газет 1865-67 годов, я так и не обнаружила имя Мизандари в отчетах о публичных концертах, выступлениях в музыкальных салонах. Очевидно, скромный по натуре молодой грузинский музыкант не был еще твердо уверен в себе, не считал свой учебный период законченным. Однако весной 1867 года, возвращаясь из Парижа на родину, он останавливается на несколько месяцев в Вене, встретив там своих прежних друзей по Петербургу — Николая Григорьевича Рубинштейна, известных оперных певцов Энрике Кальцоляри и Дезире Арто. Познакомился он и с блестящим концертирующим пианистом-композитором Брамсом. Все эти музыканты, восхищаясь высоким исполнительским искусством Мизандари, устраивают ему выступления в концертах популярного музыкального общества «Хильария». И несмотря на то, что в одном из этих концертов участвовали известные венские артисты, успех грузинского пианиста был блистательный. Вот что писала газета «Дер Вандерер»: «На последнем вечере в «Хильария» самым блестящим номером была фортепианная игра Алоизия Мизандари из Тифлиса, который... исполнил в высшей степени элегантно и с редким мастерством, граничившим с гениальностью, две пьесы Прудана и Дёллера». В «Нёйе Винер Театерцайтунг» читаем: «...С большим удовольствием мы прослушали... пианиста Мизан-

дари, молодого виртуоза из Тифлиса... который был награжден/ особенно шумными аплодисментами за свою на редкость элегантную и гениальную интерпретацию... а по настоянию публики должен был бисировать свои номера, что при фортепианных выступлениях встречается довольно редко»¹.

Таким образом мы видим, насколько этот широко образованный пианист выходил из рамок обычных для того времени музицирующих любителей. Таких прекрасных музыкантов не только в Грузии, но и в России той эпохи было не так уж много. Неудивительно, что, идя по следам прогрессивных русских музыкальных деятелей, Мизандари в силу своих знаний, таланта, личных качеств был как бы предназначен для той важной просветительской роли, которую и не замедлил сыграть.

До Мизандари музыкальное образование в Грузии, никем не контролируемое, носило большей частью любительский характер. Музыкой занимались главным образом на дому, в обеспеченных семьях. Состоятельные люди могли и в дальнейшем посылать своих детей для продолжения музыкального образования в Петербург, Москву или за границу. Однако такие возможности были у немногих, в основном у дворянских детей, которые, если и достигали некоторых успехов, ограничивали свою деятельность узким салонным кругом, считая для себя неприемлемым выступать публично, преподавать.

И когда в 1867 году Мизандари возвратился на родину, он тут же приступил к педагогической деятельности, которая продолжалась десятилетиями, дав Грузии несколько поколений профессиональных музыкантов. Но понимая, что только организованное учебное заведение, доступное широким массам городского населения, сможет в полной мере содействовать развитию музыкальной культуры родного края, Мизандари вместе с певцом Харлампием Ивановичем Саванели и пианистом Константином Михайловичем Алихановым открывает первую музыкальную школу в Тифлисе в 1874 году², то есть только на двенадцать лет поз-

¹ Текст венских газет из подшивок австрийской Национальной библиотеки полностью записан и переведен на русский язык М. Вачнадзе летом 1979 года. См. статью А. Каландадзе «Элегантно и с редким мастерством», газета «Заря Востока» от 25.XI.79.

² Устав школы был официально утвержден в 1876 г., что дает основание некоторым музыковедам остановиться на этой дате. Но фактически школа начала функционировать именно с 1874 г., что подтверждается выступлениями членов РМО на юбилее Мизандари в 1893 г. (см. ниже).

же первого русского музыкального заведения в Петербурге/ (1862 г.)

То, что Мизандари делился своими просветительскими планами с А. Рубинштейном и держал его в курсе своих достижений, подтверждается живым интересом последнего к Тбилисскому музыкальному училищу. Известно, что 12 августа 1891 года Антон Григорьевич дает в Тифлисе концерт в пользу фонда на постройку здания музыкального училища по улице Грибоедова № 8, где и по сей день находится расширенное здание Тбилисской государственной консерватории имени Вано Сараджишвили. В библиотеке консерватории в рамке под стеклом висит программа этого концерта. А на самом углу здания, на уровне второго этажа красуется скульптурная фигура «устроителя музыкального образования земли русской» — так назвал Рубинштейна в своей надгробной речи известный пианист и дирижер Василий Ильич Сафонов.

Однако при открытии музыкальной школы ни у Мизандари, ни у его друзей не имелось никаких средств. Не было и здания. Школа ютилась в различных, часто мало подходящих для ее деятельности помещениях. И все-таки она продолжала существовать и развиваться, так как ее устроители думали только об успехе самого дела, а не о личных интересах. Никто не претендовал на главенство. Работа как педагогическая, так и административная была распределена между тремя основателями на равных началах. Мизандари и Алиханов вели специальные классы игры на фортепиано, Саванели, который в 1863 году окончил вокальное отделение Петербургской консерватории, — классы специального и хорового пения, а также элементарную теорию и сольфеджио, обязательные для всех классов. Кроме своих предметов, каждый из основателей школы уделял по очереди два часа в день на ведение административных дел. Чтобы сделать доступным посещение школы всеми сословиями, плата за учение была очень низкой, а занятия по хоровому пению проводились совсем бесплатно.

Однако через некоторое время Алиханов уехал за границу, а служебные обязанности в Тифлисском государственном банке часто отвлекали Саванели от занятий в школе. Бессменно оставался на своем посту только Мизандари и всеми силами боролся за существование своего детища. Одним из способов спасти школу от краха было устройство концертов, на которых для привлечения публики Мизандари выступал и сам.

Так, 2 мая 1877 года на втором квартетном вечере Мизандари исполнил свои любимые пьесы — «Баркароллу» Рубинштейна

и «Вальс-экспромт» Листа. Газета «Кавказ» (№ 86 1877) откликнулась на этот концерт хвалебной рецензией, впрочем без конкретного описания игры грузинского пианиста.

Все свидетельства современников сходятся на том, что игра Мизандари очаровывала тонким художественным вкусом, виртуозным блеском, темпераментом, выразительностью, владением чисто вокальной кантиленой.

Композиторская деятельность, как и деятельность пианиста-концертанта, во многом определила уровень первого профессионального грузинского фортепианного педагога. Общаясь с крупнейшими композиторами своего времени, главным образом русскими, изучая их произведения, пользуясь их непосредственными советами, Мизандари сочинял легко и свободно, прекрасно владея формой, полифонией, гармонией, одним словом всеми секретами композиторской техники. Все, что он писал, было профессионально, хорошо звучало, нравилось слушателям.

Фортепианные сочинения Мизандари, дошедшие до нас, пленяют мелодичностью, оригинальным ритмом, развитой фактурой. Они пианистичны, богаты колористическими эффектами, написаны с настроением.

Пьесы Мизандари опубликованы в основном в 90-х годах прошлого столетия, но сочинены, вероятно, раньше. Это — «Два маленьких вальса», изданные в Тифлисе у владельца нотного магазина Н. Четверухина, напечатанные в Петербурге у Бесселя без указания года издания. Пьесы написаны в стиле вальсов Рубинштейна, Балакирева; в них заметно и влияние Шопена — «владельца дум» тогдашних музыкантов. Оба вальса выразительны благодаря контрастным динамическим оттенкам, тонко проставленным штрихам. В них пленяет сочетание живых танцевальных оборотов с предельно певучими интонациями; виртуозные пассажи довольно сложны. Вальсы Мизандари и сейчас с успехом могут быть использованы в педагогическом репертуаре в качестве подготовительной ступени к изучению вальсов Шопена.

«Восточная мелодия», «Лезгинка» и «Мазурка-фантазия» опубликованы в Петербурге у Бесселя (дата неизвестна). Прихотливый ритмический рисунок медленного женского танца «восточной мелодии» проходит как бы в мягком, неярком освещении. Контрастом служит «Лезгинка» — зажигательная мужская пляска, четкая, ритмичная.

«Мазурка-фантазия» — красочное концертное произведение романтического стиля, интереснее по форме и гармонии. Ее вступление сродни виртуозным интродукциям концертных парафраз Листа — те же быстрые пассажи, декламационные фразы. Следующие разделы представляют собой различные типы мазурок — то кантиленных, мечтательных, то бравурных.

Есть у Мизандари и другая мазурка — «Воспоминание об Абастумане», изданная в 1892 году в Москве у Юргенсона. Пьеса танцевальна, написана в стиле элегантных мазурок Шопена, где-то перекликаясь со знаменитой скрипичной мазуркой Генрика Венявского.

Мизандари — автор переложения для фортепиано Аллегretto из Симфонии - кантаты Мендельсона, соч. 52 (издано у Бесселя).

До нас дошли также сведения о наличии каденции Мизандари к Третьему концерту Бетховена для фортепиано и оркестра, исполненной им в Вене в 1867 году, но, к сожалению, до сих пор не обнаруженной.

Итак, бросив беглый взгляд на все дошедшие до нас сочинения Мизандари, опубликованные в Петербурге у известных нотных издателей, мы еще раз убеждаемся в значении личности Мизандари — широко образованного грузинского композитора. И хотя своей композиторской деятельности он сам не придавал особенного значения, безусловно, композиторское мышление, блестящее владение искусством импровизации составляло силу и своеобразие его педагогики.

За роялем сидел разносторонне одаренный музыкант, моментально схватывавший все особенности композиторского искусства, отлично знавший фортепианную литературу своего времени, могущий конкретно показать за инструментом, как надо исполнять. Он легко мог воспроизвести интерпретацию Антона Рубинштейна, Балакирева, Контского, Брамса и других мастеров фортепиано, которых часто слышал. Поэтому его воздействие на учеников было колоссально.

«С первых шагов своей педагогической деятельности Алоизий Иосифович завоевал себе полное признание и авторитет, до конца жизни оставаясь непревзойденным педагогом и музыкантом в Грузии», — писала в последние годы своей жизни, когда она уже многое повидала, услышала и сопоставила, ученица Мизандари — Анна Ивановна Тулашвили, профессор Тбилисской консерватории.

Класс Мизандари был во все периоды его педагогической деятельности в школе, и главным образом в училище, предель-

но большой — всем хотелось заниматься у прославленного маэстро. Однако попасть к нему было трудно даже в качестве частных учеников. Надо было обладать целым комплексом музыкальных данных и трудолюбием.

Его подход к ученикам был различен. «Средних», послушных, он властно подчинял своей педагогической воле. Если же ученик музыкально «вырастал», у него появлялись инициатива, самостоятельность, Мизандари умел уважать чужую индивидуальность, умел «этойти в сторону».

Заслуги Алоизия Иосифовича Мизандари были настолько значительны и очевидны, что несмотря на его чрезвычайную скромность, тифлисская общественность решила отметить тридцатилетие его артистической деятельности, считая отправной точкой приезд в Грузию после окончания учебы в Петербурге в 1863 году. Многочисленные отзывы прессы тех дней¹ показывают, насколько это чествование вылилось в подлинный праздник культуры грузинского народа.

В день юбилея, в воскресенье 3 января 1893 года, зал училища принял праздничный вид. Вход в здание и самый зал были устланы коврами, задрапированы красным сукном, декорированы тропическими растениями; двери и окна украшены флагами.

К двенадцати часам дня зал был переполнен. Тут были в полном составе дирекция Музыкального училища, представители Русского Музыкального и Артистического обществ, многочисленные ученики Мизандари, почитатели его таланта, одним словом, «вся передовая, прогрессивно настроенная тифлисская интеллигенция».

Появление в зале юбиляра было встречено единодушными аплодисментами. Первым его приветствовал от Кавказского отделения Русского Музыкального общества директор училища П. А. Опочинин. Зачитанный им адрес наглядно отражает настроение собравшихся: «Высокочтимый и всеми уважаемый Алоизий Иосифович! Тридцатилетняя деятельность Ваша на пользу музыкального развития на Кавказе так плодотворна, что в нескольких строках настоящего адреса немислимо выразить всего, что Вы сделали на этом поприще. С глубокой призна-

¹ Давая с трогательными подробностями отчет о юбилейном торжестве, газеты «Кавказ» (5.1.1893), «Новое обозрение» (4.1.1893) и «Тифлиссский листок» (5.1.1893) целиком приводят тексты адресов, подчеркивающие значение просветительской деятельности А. И. Мизандари.

тельностью мы здесь вспомним лишь о том, что тридцать лет тому назад, по окончании Вашего музыкального образования, юношей, Вы приехали в Тифлис и поразили своих земляков своими концертами: огонь вдохновения, тонкая музыкальность и изумительная техника — вот те качества Вашей игры, которые вызвали шумные овации и дали Вам понять, что Вам предстоит блестящая будущность и громкая слава европейски знаменитого пианиста-концертанта. Но Вы не увлеклись блеском этой заманчивой для каждого юноши перспективы, и добровольно сойдя с концертной эстрады, жертвуя личной славой для пользы родного края, Вы всецело посвятили себя трудной и неблагодарной педагогической деятельности. В этой жертве Ваша главная заслуга. Вы бежали от славы, но она сама к Вам пришла. Созданная Вами школа — нерукотворный памятник Вам; несколько поколений Ваших учениц и учеников — неувядаемый венок над Вашей головой.

С этим приветствием Опочинин вручил юбиляру разукрашенную серебряную лиру с надписью: «Основателю первого музыкального училища в Тифлисе от Кавказского отделения Русского Музыкального общества»¹.

От имени учащихся и персонала Музыкального училища выступил старший преподаватель училища Н. А. Лестовничий и вручил юбиляру роскошный серебряный венок с его портретом. На серебряных лентах, украшающих венок, можно было прочесть: «А. И. Мизандари, основателю первой Музыкальной школы в Тифлисе, ныне Тифлисского музыкального училища».

Были также многочисленные приветствия и подношения от настоящих и бывших учеников класса А. И. Мизандари и, конечно, телеграммы от друзей и поклонников его таланта из многих уголков России.

Любовь и уважение к А. И. Мизандари не ослабевают до конца его жизни. С февраля 1912 года в тифлисской прессе появляются заметки о предстоящем в марте месяце пятидесятилетнем юбилее общественно-музыкальной и педагогической деятельности грузинского маэстро. Вновь и вновь перечисляются его заслуги, говорится о том, что его ученики не только с успехом концертируют и преподают в Тифлисе, в полной мере содейст-

¹ В 1886 году Музыкальная школа была преобразована в Музыкальное училище при Русском обществе, а А. И. Мизандари, Х. И. Саванели и К. М. Алиханов были утверждены его почетными членами.

вля распространению музыкальной культуры, но и прекрасно проходят на конкурсных экзаменах в столичных консерваториях Петербурга и Москвы.

К великому сожалению, этому юбилею не суждено было состояться. Алоизий Иосифович был уже тяжело болен и скончался 1 июня на 74-м году жизни. Вся грузинская печать с прискорбием писала об огромной утрате. Дирекция Кавказского отделения Русского Музыкального общества постановила учредить по классу фортепианно в память Мизандари стипендию его имени и вывесить его портрет в училище. Сейчас этот портрет висит в библиотеке Тбилисской консерватории.

Похоронен был А. И. Мизандари на Кукийском кладбище, где в 1916 году благодарные ученики воздвигли ему прекрасный памятник работы скульптора Соучека. Но так как памятник этот со временем разрушился, по распоряжению Министерства культуры Грузинской ССР прах основоположника грузинской фортепианной культуры 15 мая 1970 года был перевезен в Дидубийский пантеон выдающихся грузинских деятелей науки и искусства.

А. И. Мизандари не дожид до знаменательной даты — 1 мая 1917 года, когда основанная им Музыкальная школа превратилась в конечном итоге в высшее музыкальное заведение Грузии. Не сколько он для этого сделал!

ВАЧНАДЗЕ Маргарита Акселевна. Музыковед. Профессор Тбилисской консерватории, заслуженный деятель искусств Грузии, член Союза композиторов СССР, доктор музыкаловедческих наук Парижского университета (Сорбонна), автор сборника «О музыке» (изд. «Мерани», 1981 г.), монографий «Виктор Долидзе», «Ян Сибелиус», «Очерки из истории грузинской фортепианной музыки» и др.

ГАЛАКТИОНУ — 90

В БОЛЬШОМ концертном зале Грузинской государственной филармонии состоялся юбилейный вечер, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося поэта современности Галактиона Табидзе.

На юбилейный вечер в столицу Грузии прибыли видные советские писатели и поэты, критики и переводчики из Москвы, Ленинграда, братских республик страны.

Вечер вступительным словом открыл секретарь ЦК КП Грузии, председатель республиканской юбилейной комиссии Г. Енукидзе.

«Наше сегодняшнее торжество, — сказал он, — еще одна веха на пути бессмертия великого поэта, яркое подтверждение того, каким немеркнущим ореолом окружен его образ в памяти народной.

Сегодня просто невозможно представить современную грузинскую поэзию без его поэтического имени. Ибо он не только основоположник грузинской советской поэзии, но и самая высочайшая его вершина.

Г. Табидзе — истинный сын одной из самых напряженнейших эпох истории. Лирический герой поэзии Галактиона — это потрясенный «мощными ветрами», отягощенный характерными для XX столетия глубочайшими духовными исканиями человек. Даже в самых нежных лирических произведениях поэзия Галактиона революционна, она — детище революции.

Галактион является именно тем новатором художественно-

го мышления, кто создал истинную грузинскую советскую поэзию, в самом глубоком и высоком значении этого понятия. Он жил жизнью народа, в его творчестве никогда не ослабевал пульс современности, ритм жизни».

Вдохновенное слово о поэте произнес председатель правления Союза писателей Грузии, лауреат Ленинской премии писатель Н. Думбадзе.

На вечере также выступили Герой Социалистического Труда, поэт-академик И. Абашидзе, бригадир комплексной бригады электромонтажников Тбилисского производственного объединения «Электровозостроитель», лауреат Государственной премии Грузии Г. Метонидзе, председатель Совета по грузинской литературе при Союзе писателей СССР поэт Е. Евтушенко, академик Академии наук республики В. Беридзе, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда Ч. Айтматов, народный поэт Кабардино-Балкарии, лауреат Государственной премии СССР К. Кулиев, поэт М. Мачавариани, секретари правления Союза писателей Грузии Т. Чиладзе и Дж. Чаркваiani и другие.

Все выступавшие особо подчеркивали, что Г. Табидзе с честью продолжил лучшие традиции своих великих предшественников, придав грузинскому стиху новое звучание, обогатив его новыми образами и понятиями.

В заключение вечера состоялся концерт мастеров искусств Грузии, в котором прозвучали стихотворения поэта, музыкаль-

ные произведения, написанные на слова Галактиона Табидзе.

На юбилейном вечере присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Ментешавили, члены и кандидаты в члены бюро ЦК КП Грузии Г. А. Андроникашвили, Г. Д. Габуния, П. Г. Гиладшвили, А. Н. Инаури, Д. Л. Карвелишвили, Г. В. Колбин, Д. И. Патишвили, Т. В. Ростиашвили, И. Н. Орджоникидзе, В. Р. Папунидзе.

* * *

В ЛИТЕРАТУРНОМ музее Грузии имени Г. Леонидзе была открыта выставка, посвященная юбилею великого грузинского поэта Г. Табидзе.

Выставку открыл директор музея писатель Г. Натрошвили. О творчестве поэта на вернисаже говорил поэт М. Поцхишвили.

Свыше 300 экспонатов были объединены по разделам: семья и детство, юность и годы учебы, первое произведение и выход на писательскую арену, петербургский период, Галактион — борец за мир, Галактион и Абхазия, Галактион о представителях мировой культуры.

На открытии выставки присутствовали секретарь ЦК Компартии Грузии Г. Енукидзе и заведующий отделом культуры ЦК КП республики Н. Джанберидзе.

* * *

НА РОДИНЕ поэта в Вани прошли торжества, посвященные юбилейной дате.

Здесь открыт Дом-музей Галактиона Табидзе. В нем собраны документы, рассказывающие о жизни и творчестве поэта.

Через дорогу, у берега Риони, воздвигнута скульптура ве-

ликого поэта Грузии. Автор скульптуры Б. Авалишвили, архитекторы А. Крушвили и Г. Хурцидзе.

Под бурные аплодисменты секретаря ЦК Компартии Грузии Г. Енукидзе разрезает ленту, и взору собравшихся предстает образ поэта, воплотившийся в бронзу.

На торжествах выступили первый секретарь Ванского райкома партии Н. Андриадзе, секретарь правления Союза писателей Грузии Дж. Чарквиани, председатель Совета по грузинской литературе при Союзе писателей СССР Е. Евтушенко, председатель Кутаисского отделения Союза писателей Грузии, писатель Д. Квициридзе, поэты М. Мачавариани, Э. Нижарадзе, Д. Бедианидзе и другие.

М. Мачавариани, Э. Нижарадзе и И. Дадашидзе были удостоены ежегодной премии имени Г. Табидзе исполкома Ванского райсовета народных депутатов.

Участники торжеств осмотрели выставочный зал, где экспонируются сокровища античного колхидского городища Вани.

В юбилейных торжествах принимал участие заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Джанберидзе.

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ Г. ТАБИДЗЕ

В МОСКВЕ в Государственном Литературном музее состоялся вечер, посвященный 90-летию со дня рождения Галактиона Табидзе. Вечер вел поэт и переводчик Владимир Леонович.

С сообщениями о творчестве Г. Табидзе выступили Анаида Беставашвили и Акакий Васадзе. Проникновенное слово о Грузии и грузинской поэзии произнес-

ла Белла Ахмадулина, которая прочитала три стихотворения Галактиона в своем переводе. Своими мыслями о грузинско-русских литературных связях поделился с собравшимися доцент МГУ, писатель-литературовед В. Н. Турбин.

О встрече с Галактионом Табидзе рассказал поэт, переводчик, профессор Литературного института им. Горького Лев Озеров, в заключение прочитав посвященное этой встрече стихотворение. Кроме того, Лев Озеров прочитал стихотворение Джансуга Чарквиани из цикла, посвященного Галактиону, в переводе молодой поэтессы Натальи Соколовской.

С новыми переводами из Галактиона познакомил слушателей поэт Владимир Еременко, тепло встреченный аудиторией.

На вечере также выступил поэт и литератор Павел Нерлер.

В заключение вечера прозвучали давно полюбившиеся читателю стихи В. Леонovichа, посвященные Галактиону, и его же переводы из великой и бессмертной поэзии этого непревзойденного грузинского лирика.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

В ТБИЛИССКОМ государственном академическом театре оперы и балета имени З. Палиашвили состоялся юбилейный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося грузинского писателя Нико Лордкипанидзе.

Вечер открыл председатель правления Союза писателей Грузии, председатель республиканской юбилейной комиссии, лауреат Ленинской премии Н. Думбадзе.

Слово о жизни и творчестве

Н. Лордкипанидзе на вечере произнес писатель О. Чхеидзе.

На вечере также выступили писатели Р. Джапаридзе и А. Сулакаури, критики С. Цаишвили, Р. Бурджанадзе, первый секретарь Цхалтубского горкома партии Н. Авалиани.

В заключение состоялся большой концерт мастеров искусств Грузии.

На юбилейном вечере присутствовали Г. А. Андроникашвили, П. Г. Гиладшвили, Г. Н. Енукидзе, Д. Л. Картвелишвили, Т. Н. Ментешашвили, О. Е. Черкезия, З. А. Чхеидзе, Т. И. Мосашвили, И. Н. Орджоникидзе, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Грузинской ССР В. М. Сирадзе, заведующие отделами ЦК КП Грузии Н. Ш. Джанберидзе, Н. Ш. Эндадзе, видные грузинские литераторы, деятели искусства и культуры, гости из братских республик страны.

* * *

В ГОСУДАРСТВЕННОМ литературном музее имени Г. Леонидзе открылась выставка, посвященная жизни и деятельности выдающегося мастера слова Н. Лордкипанидзе.

Интерес вызвали многочисленные книги писателя, созданные в разные годы, неоконченные произведения, письма к близким и друзьям.

На вернисаже выступили председатель правления Союза писателей Грузии, лауреат Ленинской премии Н. Думбадзе, секретарь правления Союза писателей республики Г. Цицишвили, директор Литературного музея писатель Г. Натрошвили.

На открытии выставки присутствовали секретарь ЦК КП Грузии Г. Енукидзе, заведующий отделом культуры ЦК КП Грузии Н. Джанберидзе.



15.03.53
802.11033

* * *

ВОЛНУЮЩИМ событием юбилейных торжеств, посвященных 100-летию со дня рождения Н. Лордкипанидзе, стало возложение цветов на его могилу в Дидубийском пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии.

Почтить память писателя пришли члены республиканской юбилейной комиссии во главе с ее председателем, председателем правления Союза писателей Грузии, лауреатом Ленинской премии Н. Думбадзе, сыновья писателя, члены их семей, родственники.

ВСТРЕЧА НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

В ЛЕНИНГРАДЕ в зале академической капеллы имени М. И. Глинки состоялся творческий вечер Героя Социалистического Труда, поэта-академика Ираклия Абашидзе, организованный Ленинградской писательской организацией и Грузинским телевидением.

От имени Ленинградской писательской организации поэта приветствовал Владислав Бахтин. Он рассказал о давних связях поэтов Ленинграда и Грузии, о своей работе по переводу на русский язык произведений грузинских авторов.

О многогранной научной деятельности И. Абашидзе рассказал академик Академии наук Грузинской ССР Шота Дзидзури. Ленинградский поэт, заслуженный артист РСФСР Владимир Рецетер прочел отрывки из поэмы «По следам Руставели», а артист Ленконцерта С. Новожилов — отрывок из цикла «Палестина, Палестина...»

Грузинского поэта приветствовал знатный рабочий, Герой Социалистического Труда, заместитель председателя Ленинградского комитета защиты мира Е. Моряков. Произведения И. Абашидзе на грузинском языке прозвучали в исполнении заслуженного артиста Грузии Г. Харабадзе.

Ленинградские поэты и артисты читали стихи, рассказывали о своих впечатлениях от посещения Грузии, о глубокой братской дружбе ленинградских и грузинских деятелей литературы.

На вечере также выступили В. Кузнецов, В. Шошин, Л. Елисеев...

Секретарь правления Союза писателей Грузии Дж. Чарквиани в своем выступлении поблагодарил организаторов творческого вечера грузинского поэта.

Затем выступил И. Абашидзе, ответивший на многочисленные вопросы почитателей своего таланта, прочитал свои стихи на грузинском и русском языках.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА „ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ“ ЗА 1982 ГОД

В Центральном Комитете
КПСС. IX, 3.

Памяти Л. И. Брежнева. XI, 3.

К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

АБАШИДЗЕ И. Автографы дру-
жбы. V, 3.

В семье единой. XII, 3.

Закон человечности. X, 3.

СИДОРОВ Е. «Товарищи по
чувствам, по перу...» XII, 173.

ЧИЧУА Ш. Шестьдесят лет
грузинского советского романа.
XII, 144.

ШАРИЯ В. Теплый источник.
VI, 206.

ЖОРЖОЛИАНИ Г. Свидетельствуют архивы... IX, 163.

КРАСИЛЬЩИК С. «От Советского Информбюро...» V, 183.

МАЧАВАРИАНИ М. Процветай, Грузия! VI, 3.

МЕРКВИЛАДЗЕ В. Сокровищница ленинского наследия. IV, 164.

НАТРОШВИЛИ Г. Славное десятилетие. IV, 3.

ПАТИАШВИЛИ Д. Поиск и решения. VIII, 3.

СТУРАА С. Выполняя волю партии. II, 189.

ЧЕРКЕЗИЯ О. Слушать время. I, 3.

ПУБЛИЦИСТИКА

АБАШИДЗЕ З. «Я наполняю свой стих миром...» III, 167.

Быть в гуще жизни. IX, 8.

ВАМПИЛОВ Б., КАРНАУХОВ Г. «...Жизнь — за провозглашенные Октябрем лозунги». XI, 137.

ГРИГОЛИЯ Р. И для семьи, и для общества. III, 156.

ГЮЛЬМАМЕДОВ М. Грузины в Баку. III, 167.

ДУМБАДЗЕ Н. Именем юности. V, 22; Коммунист. VII, 3

ПОЭЗИЯ

АБАШИДЗЕ И. IX, 10.

АРАБУЛИ А. XII, 31.

АСАЕВ Р. VI, 59.

БЕДИАНИДЗЕ Д. III, 10.

БЕРИДЗЕ А. III, 9.

ВАКЕЛИ И. VII, 7.

ГАГУА Х. VII, 48.

ГОНАШВИЛИ М. III, 11.

ГУРЕШИДЗЕ Н. XII, 12.

ДЖАВАХАДЗЕ В. II, 32.

ДЖОНУА А. XII, 28.

ДОЛБАЯ Р. XII, 23.

КАКАБАДЗЕ З. V, 202.
КАЛАНДАДЗЕ А. III. 3; IX, 15.
КАХИДЗЕ М. III, 3.
КВЛИВИДЗЕ М. VIII, 16.
КИРЕЕВА В. VI, 147.
КОГОШВИЛИ Л. III, 6.
КОРИНТЭЛИ К. III, 7.
ЛЕБАНИДЗЕ М. IV, 17; V, 24.
МАРГИАНИ Р. IV, 14; VI, 8.
МАРГИЕВ К. XII, 29.
МИНДАДЗЕ Б. VII, 98.
МРЕВЛИШВИЛИ М. III, 4.
НАДИРАДЗЕ К. II, 3.
НАРИМАНИДЗЕ С. XII, 17.
НАЦВЛИШВИЛИ П. IX, 41.
НИШИННИДИДЗЕ Ш. X, 20.
НОНЕШВИЛИ И. IV, 11.
ПОЦХИШВИЛИ М. IV, 15.
САДЖАЯ А. IV, 13.
САМХАРАДЗЕ-ДЖГАМАДЗЕ Э. III, 8.
СЕРЕБРЯКОВ С. VIII, 82.
ТОТАДЗЕ Л. III, 11.
ХАЛВАШИ Ф. XII, 15.
ХАРАНАУЛИ Б. I, 72.
ХАРЧИЛАВА В. VIII, 42.
ХОШТАРИЯ И. XII, 26.
ЧАРКВИАНИ Д. I, 10.
ЧИКОВАНИ С. V, 27.
ЧИТИШВИЛИ М. III, 12.
ЧХЕИДЗЕ Н. III, 5.
ШАНИДЗЕ А. XII, 25.
ЯШВИЛИ П. IV, 10.

ПРОЗА

АБЗНАНИДЗЕ З. Ждем главного... I, 223.
АЛПЕНИДЗЕ В. Цуртавские колокола. II, 39.
БЕТАНЕЛИ А. Необычная гостя. VIII, 143.
ВЕГИН П. Вальс под голос кукушки. VIII, 88.
ГАЦЕРЕЛИА А. Последняя молитва. XII, 33.
ГЕГЕШИДЗЕ Г. Даль. IV, 21.
ДЕМУРХАНАШВИЛИ С. Солнцеворот. II, 10.

ДЖАВАХИШВИЛИ М. Эка. I
16.
ИОСЕЛИАНИ О. Черная дубая река. V, 33; VI, 10; VII, 10.
КАНДЕЛАКИ Н. Две новеллы. III, 34.
КАНАНАДЗЕ Г. Рассказы. VII, 58.
КЕТЕЛАУРИ С. Ласточки. XII, 121.
КЛДИАШВИЛИ С. Отшельник из Сакраулы. VIII, 20.
КОБИДЗЕ Р. Рассказы. VIII, 49.
ЛОХВИЦКИИ М. Вьюга. VI, 62.
МАГУЛАРИЯ Г. Повстанцы. XI, 34. XII, 59.
МАНВЕЛЯН С. Разносчик телеграмм. IV, 99.
МГЕЛАДЗЕ Н. Рассказы. III, 48.
МИШВЕЛАДЗЕ Р. Новеллы. X, 92.
ОСИНСКИИ В. Хроника одной командировки. I, 94; II, 47; III, 60.
ПЕТРИАШВИЛИ Г. Сказки, найденные на чердаке. V, 54.
РИЖИНАШВИЛИ У. Датико-банкир. X, 125.
САМХАРАУЛИ С. Полнолуние. IX, 19.
ТИХОНОВА Л. Зарисовки с натуры. VI, 108.
ТОГОНИДЗЕ Г. Сказки. VI, 99.
ТОПУРИДЗЕ Д. Рассказы. IX, 46.
УБИЛАВА Э. Хранитель сокровищ. V, 105; VI, 109; VII, 105.
ХАРАИДЗЕ Г. Рассказы. IV, 206.
ХАЦКЕВИЧ В. Слишком много математики. XI, 82.
ХЕРГИАНИ М. Золотистая отшель. II, 92.
ХОРГУАШВИЛИ Г. Джонга. I, 76.
ЦИЦИШВИЛИ Г. Невсзучий капитан. X, 36.

- ЦУЛУКИДЗЕ Т. Рассказы. III, 13.
ЧХИКВИШВИЛИ Д. Рубашка. XI, 73.

ДРАМАТУРГИЯ

- РОСЕБА Л. Провинциальное происшествие. IV, 51.
ЧИЛАДЗЕ Т. Роль для начинающей актрисы. I, 30.

ОЧЕРК

- ЕГОРОВ Л. Все флаги в гости к нам... X, 202.
ЕЛИГУЛАШВИЛИ Э. «Уличное» воспитание. II, 168.
ИСАШВИЛИ С. Пути-дороги. Счастье. I, 196. Искусство трудолюбия. III, 115.
КУНЦЕВ Г. Корни духа. IX, 174.
НАЦВЛИШВИЛИ П. Аргонавтика Автандила Микаберидзе. XI, 185.
ХЕЧУАШВИЛИ Г. Вожаки стареют в дороге. II, 176.

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- АБЗИАНИДЗЕ З. Войди в этот мир. V, 120.
АВАЛИАНИ Л. Лунный избранник. IV, 114.
Анкета «Литературной Грузии». «Как мы пишем». I, 122.
АСАТИАНИ Г. Нико Лордкипанидзе. VI, 189; О грузинском. VII, 176; VIII, 147; IX, 81.
ВАСАДЗЕ Т. Одиннадцатая заповедь. II, 160.
ВАЦУРО В. «Кавказ» Михаила Туманишвили. XII, 181.
ГВЕРДЦИТЕЛИ Г. И традиционность, и новизна. I, 163; II, 140.

- ЕВТУШЕНКО Е. Слово о грузинской поэзии. II, 124.
ЗУХБА С., САЛАКАЯ Ш. Исследование проблем народного стихосложения. IV, 122.

ИМЕДАШВИЛИ К. Зов. X, 157.

КАНКАВА Г. Мера вины и наказания. IX, 136.

КАХИАНИ К., ПАПАШВИЛИ С. Поэт высокого интеллекта. II, 156.

МАРКЕВИЧ А. «Я не умел своей душе помочь». X, 167.

На переднем крае литературы. VI, 157; VII, 145.

НАТРОШВИЛИ Т. Мост через время. I, 142.

ОЗЕРОВ Л. Иосиф Нонешвили и его поэзия. VIII, 176.

ОРАГВЕЛИДЗЕ Г. Время, ушедшее в книгу. III, 128; IV, 129; V, 141.

СИДОРОВ Е. Вторая колыбель. VII, 187.

ХАРАНАУЛИ Б. Стих — мое дыхание. V, 128.

ХИХАДЗЕ Л. Пунктирные линии, бегущие вдаль. III, 123.

ШАРАДЗЕ Г. Вновь на прежних позициях. V, 133.

К 90-ЛЕТИЮ ГАЛАКТИОНА ТАБИДЗЕ

- ТАБИДЗЕ Г. Стихи. XI, 3.
ТВАРАДЗЕ Р. Постигание вечного в мгновении. XI, 160.
КВИТАИШВИЛИ Э. Синтез музыки, цвета и слова... XI, 168.
АНАНИАШВИЛИ Н. «Вы так прекрасны, вы поэт». XI, 181.

К 200-ЛЕТИЮ
ГЕОРГИЕВСКОГО
ТРАКТАТА

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА.
ВОСПОМИНАНИЯ



საქართველოს
წიგნობისა და
არქივის ეროვნული
სამსახური

АНДРОНИКАШВИЛИ Б. Волжское село. IX, 183.

БАДУРАШВИЛИ Т. Во имя дружбы. IV, 181.

ВАЧНАДЗЕ М. Мизандари и русская музыкальная культура. XII, 204.

ДЖАНЕЛИДЗЕ О. Дореволюционные издания грузинских студентов. IV, 189.

КАЛАНДАДЗЕ Ц. Обращаясь к истокам. X, 180.

КАРБЕЛАШВИЛИ А. Григол Орбелнани и первые электроны через Кавказсони. XI, 203.

МАЧАРАДЗЕ В., ПОВАЛЬНИКОВ С. Подлинник русско-грузинского договора 1783 года. II, 201.

СИХАРУЛИДЗЕ П. Ценный памятник. I, 189.

РЕЦЕНЗИИ

БАРУЗДИН С. «Не беря в голову...» IV, 214.

БАХТАНГАДЗЕ В. Это доброе слово «имеди». VIII, 197.

ГУГУШВИЛИ Э. Четверть века или вся жизнь. VIII, 193.

ДОЛИДЗЕ Л. Преодолевая, побеждать. VII, 193; О днях нашей жизни. IX, 160.

КАХНИАШВИЛИ В. Совместный сборник. IX, 157.

КУМСИШВИЛИ И. «И счастлив я, что здесь рожден...». IV, 125.

МОДЕБАДЗЕ И. Новые аспекты взаимосвязей. V, 178.

РАЗМАДЗЕ М. Грузия — в судьбе поэта. IV, 127.

ТУХАРЕЛИ Д. Еще одна страница дружбы. V, 175.

ЧОЛОКАВА Н. На переломе истории. XII, 199.

ЭБАНОИДЗЕ А. Своим голосом. VII, 191.

ГЕДЕВАНИШВИЛИ Ш. Шрифтницы прошлого. V, 207.

ДУРМИШИДЗЕ С. Александр Опарин. III, 189.

ЗЛАТКИН М. С любовью к стране и народу. III, 203; Немного о них. IX, 213.

ОДИШЕЛИ Д. Яркая судьба. X, 206.

КОРКИЯ Р. Корней Чуковский пишет в Грузию... XI, 207.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ВЗАИМОСВЯЗИ

ХИХАДЗЕ Л. На перекрестке культурных воздействий. I, 182.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

ЖГЕНТИ Б. Союз сердец. X, 174.

ТОЛСТОЙ А. Обормоты. XII, 130.

ИСКУССТВО

АЛЕКСЕЕВА В. Слово о Дато Крацашвили. VIII, 212.

АНДРИАСОВ Д. Феномен «черной палитры». X, 212.

БАРАНОВ М. Истоки вдохновения. II, 211.

БАХТАДЗЕ И. Художник сердца и ума. II, 216.

ВАСИЛЬЕВА Л. Путь к самому себе. IV, 196.

ГЕТАШВИЛИ Н. Под знаком графики. VII, 195.

ДИМИТРИАДИ Н. Девять писем Ипполитова-Иванова. I, 208.

ЕРЕМЕНКО В. Тайна искусства. VI, 213.

ЗАЙЦЕВ Н. Два решения одного спектакля. XI, 209.

КОБАХИДЗЕ Д. История одной полемики. III, 212.

МЕГРЕЛИДЗЕ Г. Характеры
и судьбы. VII, 205.

ПИЧХАДЗЕ М. «Быть близким
к людям...» VIII, 205.

СЕМЕНОВ П. Притча. IV, 202.

ТИКАНАДЗЕ Р. Эскиз портре-
та Георгия Шенгелая. XI, 204.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 80-летию А. Барамидзе. V,
193.

К 50-летию И. С. Богомолова.
VIII, 201.

К 180-летию М. Броссе. IX, 155.

НЕКРОЛОГ



Гурам Асатиани. VII, 199.
Зураб Какабадзе. V, 199.

Лавросий Каландадзе. VI, 221.

Римма Канделаки. VIII, 219.

Александр Кутатели. VI, 220.

ХРОНИКА

I, 221; II, 220; III, 222; IV, 220;
V, 221; VI, 222; VII, 221; VIII,
221; IX, 14, 156, 173, 224; X, 205,
223; XI, 221; XII, 216.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ.

Редакционная коллегия:

З. Г. АБЗИАНИДЗЕ, Р. Н. АСАЕВ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Г. П. ДОЧАНАШВИЛИ, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ [ответственный секретарь], Э. Д. КВИТАИШВИЛИ, Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧВАРИАНИ, О. Ф. НОДИЯ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. Р. ХАРАИДЗЕ [заместитель главного редактора], Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

Тбилиси, ул. Ленина, 14

5 к

17/128

ИНДЕКС 76117



ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳԼԽԱՎՈՐ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳՐԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

